



Валентин Егоров

Танкист

1943 год

Валентин Александрович Егоров

Танкист

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27101998
SelfPub; 2017*

Аннотация

Великая Отечественная война. 1943 год. Курская дуга – переломный момент в ходе войны. Впервые большое немецкое наступление было остановлено советскими войсками. В ходе этой операции погибли сотни тысяч советских пехотинцев, артиллеристов, летчиков ... Это рассказ об экипаже уникального советского танка КВ I. О том, как простые советские люди, сами того не замечая, совершали подвиги.

Содержание

1	6
2	14
3	23
1	30
2	39
3	47
1	56
2	65
3	72
1	82
2	90
3	98
1	107
2	115
3	123
1	132
2	140
3	149
1	158
2	166
3	175
1	183
2	191

3	202
1	209
2	219
3	226
1	234
2	243
3	252

Танкист

1943 год

Егоров Валентин Александрович

Тел: 8 (916) 612-7964

E-mail: val-egorov@mail.ru

Глава 1

1

Прохору Ломакину не везло по жизни, у него никогда не было родного отца. Однажды его мать, совсем молодой сельской девчонкой, поехала сдавать экзамен в московский институт, лето провела в Москве. Сначала готовилась к сдаче вступительных экзаменов, а затем целый месяц ожидала, это по ее же словам, результатов этих экзаменов. Она поступила в институт, который готовил инженеров текстильной промышленности, но учиться не стала. Своей матери, по возвращению в село, девчонка позже объясняла, что бросила институт из-за того, что ей не понравилась специальность, по которой она должна была бы работать по окончании этого института. Но на самом деле все было гораздо хуже, через шесть месяцев после своего возвращения, эта девчонка родила красивого бутуза. Появившийся на свет паренек совершенно не умел плакать и никогда не звал мать на помощь, потому что он знал, что его мать, эта девчонка, его совершенно не любит.

Она даже отказалась своего сына кормить грудью. Взбешенная этим отказом мать этой девчонки, которую звали Евдокия Андреевна, выгнала дочь с позором из своего дома, и Прошка больше свою родную мать никогда не видел. Евдокия Андреевна начала его воспитывать по-своему, по-деревенски. К слову сказать, вся сельская округа страшно боя-

лась Евдокии Андреевны, ее мазанку в селе люди далеко кругом обходили. Ее официальный супруг Анатолий Кириллович ни разу в жизни не ночевал в ее хате, а Евдокия лишь изредка его навещала, оставаясь у мужа на ночь. Их единственная дочь постоянно жила у отца в хате, а мать ее лишь брала на руки, посещая хату мужа. Может быть, поэтому дочь без материнской любви получилась такой шальной и влюбчивой.

Когда нежданно-негаданно на свет появился родной Прошенька, Евдокия Андреевна хотела его после того, как метлою погнала дочь, поселить у деда, но тот к этому времени постарел и внука регулярно кормить кашами уже не мог. Пришлось старой Евдокии эту мороку возложить на свои плечи, вот Прошка с первых же дней своего появления на свет обитался в ее хате. Когда он немного подрос и начал соображать, то Евдокия хотела его опять-таки подбросить на мужское воспитание мужу, но тут сам трехлетний оголец погрозил бабке пальцем и, по людским поверьям, сказал бабке следующее:

– Баба Евдокия, прекрати меня манкировать, а относись ко мне с почетом и доверием. Прожил я у тебя три года, так и другие годы до своего совершеннолетия у тебя проживу.

Одним словом, великая колдунья и ворожея, это опять же по людским толкам и молве, оказалась у своего внучонка под каблуком, кормила и поила его так плотно, что Прошка вырос симпатичным парнем лежебокой, учиться в школе не хотел, а все за девчонками увивался. Причем, девчонки на него

слетались, когда он выходил на деревенскую околицу на гармони поиграть и потанцевать, словно пчелы на клевер. Сначала матери на слабость своих дочерей не обращали внимания, в свое время сами с гармонистами целовались и тискались. Но, когда их дочери одна за другой обрюхатились и, ни под каким биением коромыслом матерям не сознавались, кто это такой проказник, то жены и матери обратились за помощь к мужьям.

А мужик то, что он на одно только и способен, свою силушку показать. Вот и сговорились трое таких отцов неудачников, они поймали Прошку на одном сеновале, где он очередную их дочку оприхаживал, и взяли его в кулаки. Били долго, смачно и с удовольствием, требуя, чтобы он женился на их дочерях с пузами.

– Что я сразу на трех должен жениться?

Спросил Прошка и, видя, что его могут избить до смерти, просто сказал:

– Ну, что ж, я согласен, но кто из девчонок будет первой, на которой я должен буду жениться?

Этот вопрос оказался не по мужицкому разуму, отцы неудачники были к нему не готовы. И пока они этот вопрос выясняли между собой тоже кулаками, Прошка со стонами и криками боли дополз до своей бабки Евдокии. Увидев внучка в таком болезненном состоянии, Евдокия Андреевна заинтересовалась, кто был этими мужиками и почему они свои руки подняли на ее любимого внука? Не мудрствуя лукаво,

Прошка ответил:

– Случайно встретились в деревенской парке культуры и отдыха, предложил мужикам на сотню баксов сыграть в шахматы. Они согласились, и на седьмом ходу проиграли партию, тогда и принялись меня нещадно молотить кулаками. Пришлось бежать к тебе, скрываться от их несправедливого бития.

Бабка Евдокия поступила по-своему, она посетила жен этих мужиков. И деревенским бабам рассказала, что у них больше не будет ни молока, ни сметаны, ни творога, ни яиц и никакого другого продукта от домашней скотины или птицы до тех пор, пока их мужья или они сами не попросят прощения у Прошки, а тот их не простит.

Что тут началось по деревне, чуть ли не демонстрации протеста. Но результат оставался прежним, домашняя скотина этих трех деревенских семей хирела и на глазах превращалась в сплошной убыток. Ее корми, холи, а на выходе никакого результата, да и сами мужики от такой несносной жизни налево начали посматривать. Одним словом, три женщины собрались, переговорили между собой и решили войну с деревенской колдуньей и ее внуком прекращать, сдаваться на милость победителя. Уж очень они мужей не хотели терять, ведь с ними безотцовщину внуков проще и легче растить. Одним словом прослыл Прошка Ломакин по деревне великим ловеласом, да таким, что девчонки стали бояться к нему близко подходить, а вдруг от него одним только

ветром подзалетишь!

Теперь Прошке по вечерам и ночам стало совсем нечего делать.

Тогда бабка Евдокия приобрела любимому внучонку ноутбук с мобильным Интернетом, тот до рассвета начал резаться в онлайн игры. Особенно парню понравились виртуальные танковые игры, когда через прицел видишь вражеские танки и метелишь их из танковой пушки, только успевай. Парень в этих виртуальных боях дошел до полного совершенства, он добился того, что поле боя через броню танка стал видеть все поле боя. Вскоре по всей России он стал лучшим виртуальным танкистом поединщиком № 1, никто из парней оппонентов не хотел с ним больше сражаться на виртуальном поле боя. Парень такое положение дел очень сильно переживал. Танкам он был готов отдать всего самого себя, а другие любители танковых боев, увидев его позывной «Атаман» в списках участников боя, тут же отказывались сражаться с ним в этом бою, все равно обыграет. А к этому времени выпускные экзамены в средней школе подошли.

Прошка был вынуждено от своих любимых танков оторваться и начать готовиться к сдаче государственного единого экзамена. Он страшно не любил в своей школе появляться, приходил туда только для того, чтобы подготовить и сдать контрольную работу по русскому языку или математике, или сдать какой-либо экзамен.

Преподаватели его тоже очень не любили, но были вынуждены по двум причинам ставить ему одни только отличные оценки. Ну, во-первых, Прошка к их великому удивлению любой сдаваемый им предмет знал на отлично, и, во-вторых, потому что его бабкой была знаменитая колдунья.

Еще в первом классе, когда директор школы от нежелающего посещать уроки в школе ее внучка, решил избавиться выставлением регулярных двоек из-за немотивированных прогулов. В конце учебного года директор издал приказ об оставлении отличника на второй год из-за двоек по поведению. Летом со школой начали происходить одни несчастья, то стена обвалится, то канализацию прольет, то все стекла из окон повывлетят. Самый страшный случай произошел, когда перед самым новым учебным годом в школу приехала областная приемочная комиссия и их машина, микроавтобус, застрял посреди школьного двора. Машина не может тронуться с места, члены комиссии не могут выйти из микроавтобуса, все суетятся, бегают вокруг, а сделать ничего не могут. Причем, все прекрасно знали причину всего происходящего.

В конце концов, нервы директора школы не выдержали, он побежал в канцелярию школы и на компьютере одним пальцем отшлепал приказ о переводе Прохора Ломакина во второй класс. И бежать к Евдокии Андреевне ему не потребовалось, как только директор поставил печать на приказ, то на мониторе компьютера мелькнуло лицо деревенской кол-

дуњи, она коротко сказала:

– Спасибо!

И вся морока тут же закончилась.

Члены комиссии вышли из микроавтобуса и продолжили осмотр школы, как она была подготовлена к новому учебному году. Все забыли о том, что только что происходило, но только не директор.

Так Прошка нерегулярно проходил в школу, но учился только на отлично. Но в седьмом классе школы совершенно неожиданно для всех и, прежде всего, для самого себя Прохор Ломакин вдруг получил тройку по физкультуре. Вся школа тотчас же замерла в предчувствии профилактического наказания со стороны деревенской колдуньи, но такового не последовало. А Прошка стал регулярным посетителем уроков физкультуры, он начал бегать кросс по утрам и посещать только что открывшегося в деревне клуба юных каратистов. В следующей четверти тройка по физкультуре заменилась четверкой. А затем у парня снова восстановилась пятерка и по этому школьному предмету.

Экзамены по ЕГЭ Прохор Ломакин сдал на одни пятерки и, получив право свободного поступления, категорически отказался поступать в какое-либо высшее учебное заведение страны. Он пошел учиться на курсы трактористов, которые также окончился на отлично и, поработав в поле какую-то недельку, Прошку забрали в армию. Во время призыва военком поинтересовался у Прошки, кем бы тот хотел стать в

армии? На что Прошка тут же ответил – танкистом.

2

Армия встретила Прохора Ломакина не очень-то гостеприимно, такие же, как он, парни, правда, чуть старше возрастом, и пришедшие в армию на полгода его раньше, попытались его превратить в салабона, а главное унижить, как личность. Прошка сопротивлялся, как мог, дрался отчаянно! Он мог выстоять против одного или двух бойцов своего же взвода, но, когда на него наваливался весь взвод, то парню приходилось очень плохо. Однажды, ему пришлось две недели пролежать на госпитальной койке после одной из таких «дедовских» разборок. Это произошло на третьем месяце его службы в танковой дивизии, танков к этому времени он в глаза не видел, а «деды» били его, чуть ли не каждый день.

Лежа на госпитальной койке, Прошка задумался над тем, почему у него не получается служба в родной армии. Он так мечтал стать настоящим танкистом, водить в бой эту грозную машину. В газетах и на галовидении так писалось и рассказывалось о таких же, как он, молодых парнях, которые водили в бой свои грозные машины и побеждали врага. Ему же с утра до вечера приходилось мыть полы и унитазы в казарменных туалетах и получать тычки в бок и оплеухи за плохо выполненную работу от сержантов. С начала службы он пару раз слышал о существовании командира своего взвода,

лейтенанта Чернышева, но ни разу его в глаза не видел. Для него царем и богом в армии был старший сержант Беглов, который не давал ему и минуты отдыха. Но сколько бы рядовой Ломакин не размышлял над этой проблемой, выхода из этого трудного положения он так и не нашел.

Рядовой Ломакин явился во взвод для дальнейшего несения туалетно-санитарной службы под самый Новый Год, когда вся танковая дивизия на ушах стояла, готовясь к его встрече. Случилось так, что за трехмесячное его отсутствие во главе туалетно-санитарной службы встал новый только что призванный из Москвы бедолага, а о Прошке Ломакине сержанты пока забыли. Старший сержант Беглов с бешенством в глазах посматривал на Прошку, но ничего поделать не мог, так как был по горло занят организацией дивизионного концерта художественной самодеятельности. Но его злобная натура все-таки взяла свое, однажды, пробегая мимо растяпы чмыря, он хрипло сказал:

– Ну, ты, пацаненок, пока я организую художественную самодеятельность дивизии, не занялся бы ты очисткой от грязи и пыли корпуса нашего танка.

И увидев, как радостно заблестели глаза рядового Ломакина, тут же с сержантским ехидством добавил:

– Только чистить корпус танка тебе придется белым носовым платком и зубной щеткой.

Первый раз в жизни, войдя в танковое депо, рядовой Ломакин замер на пороге от величайшего удивления и в тече-

ние нескольких минут рассматривал шедевр танкового производства, Т-100. Танк был в полтора его роста, имел широкие гусеницы, длинную и толстую пушку и какую-то угловатую пушечную башню. Насмотревшись вдоволь на этот красивый танк, рядовой Ломакин был единственным человеком во всем танковом депо, где расположилось до тридцати одинаковых средних танков Т-100. Но из всех тридцати танков Прошке больше всего по душе был один танк, который стоял с самого фланга и выглядел каким-то недомытым и не до конца вычищенным танком. Зайдя в помещение, расположенное сзади этого танка, рядовой Ломакин переоделся в черную робу, и с ветошью в руках вышел к своему Т-100 и принялся за работу.

Первым делом Прошка научился с разбега заскакивать на корму или носовую часть танка. По правилам бойцы, введенные в экипаж танка, знакомились с ним торжественным приложением ладони к его корпусу, а танк сам заносил этого бойца в состав своего экипажа тем или иным специалистом. Но в виду того, что такой церемонии старший сержант Беглов с рядовым Ломакиным не проводил, танк пока не признавал Прошку членом своего экипажа. В первый день своей работы по очистке корпуса танка от грязи рядовой Ломакин настолько ею увлекся, что пропустил ужин, и на голодный желудок лег спать в подсобном помещении.

На следующее утро он первым делом сбегал в столовку и упросить поваров, чтобы они выдали ему продуктов су-

хим пайком на следующие два праздничных новогодних дня. Вернувшись в подсобное помещение, Прошка очистил его от всей грязной ветоши. Аккуратно поделив ветошь на использованную и на еще неиспользованную, он разложил ее по отдельным ящикам. Канистры с горюче-смазочными материалами разложил по полкам стеллажей. Отремонтировал утилизатор и всю накопившуюся грязь и хлам отправил на переработку. Вскоре подсобка засверкала необыкновенной для армии чистотой и порядком.

Очистив подсобку, а затем грязную робу поменяв на чистую новую робу, рядовой Ломакин принялся за очистку корпуса самого танка. Первый праздничный день он с раннего утра и до позднего вечера провозился с танком, но оказалось, что его корпус невозможно хорошо очистить, если одновременно не будет производиться чистка орудия, пулеметов, приборов управления и рабочих мест механика-водителя, командира танка, который одновременно был и наводчиком орудия, а также бортинженера-радиста и пулеметчика. Рядовой Ломакин подошел к танку и приложил к нему ладонь своей руки, в голове рядового тут же послышался мелодичный женский голос, который произнес:

– Принято, рядовой Прохор Ломакин, воинская специальность – командир танка. С этого момента вы, рядовой Прохор Ломакин, являетесь штатным членом экипажа танка Т-100, государственный номер которого 1244231.

Ну, кореш, ты даешь! Кто же тебе это разрешил регистри-

роваться членом экипажа нашего танка? Ты ж еще школу подготовки одиночного бойца не прошел.

Тут же послышался за спиной голос старшего сержанта Беглова:

– Но прежде, чем наказывать молодого бойца, надо обосновать и объяснить ему причину его наказания. Давай, кореш, веди и показывай, что тут без меня натворил?

А у Прошки в этот момент, чуть ли слезы на глазах не появились, так все хорошо у него с танком получалось, он многое узнал, а главное своими руками его очистил от грязи прошлого. Он, как лунатик, развернулся и начал старшему сержанту Беглову демонстрировать результаты своей работы. Но старший сержант перестал балагурить, а внимательно осматривал каждый миллиметр корпуса Т-100. Через два часа осмотра, Беглов повернулся к рядовому Прохору Ломакину и одобрительно произнес:

– Неплохо, очень неплохо поработал, молокосос! Танки, видимо, любишь и умеешь ими заниматься. В некоторых местах видны огрехи, но это потому, что грязь там можно убрать, только разобрав орудие. До двигателя твои руки еще не дошли, вот и он несколько грязноват в механических соединениях. Ну, что я могу сказать, впереди у тебя еще полтора дня праздников, давай, трудись, рядовой, и дальше. А я на вечерней поверке тебя прикрою, чтобы не записали случайно в дезертиры.

С этими словами старший сержант Беглов ловко развер-

нулся на каблуках сапог и мгновенно исчез из танкового депо. От пережитого волнения Прошка пошел в подсобку, вскипятил себе чайник чая и парой солдатских галет расслабился чайком. Его впервые похвалили за все время пребывания в армии, и это молодому парню... было очень приятно. Через некоторое время Прошка вернулся в депо и принялся свой Т-100 отдраивать от грязных масляных пятен, накипей и копоти. Он безбоязненно разбирал и собирал пушечный затвор, а систему выстрела из танковой двадцатидвухмиллиметровой пушки довел до полного ума, чтобы не было никаких осечек или заминок.

Прошка не знал, да и не мог об этом знать, что его появление и работа с танком уже давно находится под наблюдением самого командира дивизии, генерал майора Прошина. Все дело заключалось в том, что в этом танковом депо были собраны новые и секретные танки дивизии. Приписной молодняк туда вообще не допускался, а в депо с танками работали одни офицеры. Когда телеметрия танкового депо донесла и на экран генеральского монитора вывела несколько глуповатое лицо бойца первогодка. То генерал хотел вызвать караул и его командиру приказать, чтобы он арестовал бы этого сопляка. В этот момент генерал Прошин уже совсем собрался идти встречать Новый Год, но на пару минут задержался в кабинете, чтобы разобраться в том, почему тревожная сигнализация не сработала, при проникновении этого салаги в депо.

Генерал Прошин так не вышел к людям, чтобы выпить с ними бокал шампанского, а офицеры его дивизии без жен потихоньку собирались в генеральском кабинете, чтобы понаблюдать за пареньком, совершающим невероятные вещи. Когда он очищал броню от пятен масла, то на поверхности брони появлялась тончайшая, меньше микрона, прослойка, делающую эту броню непробиваемой. Орудийная башня танка под руками этого бойца первогодка приняла вытянутую и подобную крокодильей головы форму, всю испещренную площадками насечками. Когда заместитель командира дивизии по технической части, полковник Петров, на своем компьютере просчитал отражающий угол поверхности стен этой башни, то руками схватился за голову. У него получилось, что орудийная башня стала способно отразить любой вражеский снаряд.

Генерал Прошин приказал лейтенанту Чернышеву найти и отправить старшего сержанта Беглова навестить бойца своего отделения, рядового Ломакина, и посоветовать ему, как можно скорее, заняться двигателем танка. Генерал очень надеялся на то, что Прохор Ломакин и двигатель танка доведет до ума, в чем оказался прав.

Всю вторую половину второго праздничного дня Прошка занимался чисткой дизельного танкового двигателя, но, чтобы он не предпринимал, у него ничего не получалось. Дизельный танковый движок в чистом виде явно не хотел работать. Тогда Прошка сходил в подсобку и хорошо там пообе-

дал, а после обеда его голова всегда хорошо работала. Он начал заново собирать из грязного старого танкового двигателя чистый новый движок. Руки его так и мелькали в воздухе, соединяя различные детали в силовые блоки, механические узлы и агрегаты. И повсюду Прохор внимательно проверял соединения и уплотнения, чтобы не было масляных протечек. Одну деталь боец заказал на стороне и долго ожидал ее прибытия экспресс-почтой. Когда экспресс-почта выплюнула посылку, то Прошка в мгновения ока новый распредвал поставил по месту.

Когда последняя деталь легла на положенное ей место, то рядовой Ломакин заметил, что собранный им движок по размерам оказался раза в полтора меньше первого двигателя. Из-за этого Прошке пришлось много заниматься электросваркой в моторной отсеке Т-100, приваривая дополнительные кронштейны и держатели, но при этом он не пользовался сварочным аппаратом. Рядовому Ломакину показалось слишком уж неудобным работать со сварочным аппаратом, гораздо проще было выпускать сварочную дугу из двух сведенных под углом пальцев руки.

Одним словом, к полуночи рядовой Прохор Ломакин завершил работу по очистке Т-100 от грязи и сейчас в депо этот танк смотрелся прекрасным лебедем на фоне гадких утят. Прохор несколько раз обошел танк, и с каждым таким проходом на душе у него становилось все более плохо и отвратительно. Он больше не желал возвращаться к своей про-

шлой армейской жизни, повседневно чистить и мыть туалеты в казарме. Но он также хорошо понимал, что ему одному не справится со своими товарищами по взводу, а ему так не хотелось снова лежать в госпитале после драк с товарищами по взводу.

Прохору Ломакину очень захотелось, оказаться в таком месте, где его никто не трогал бы, а он мог бы заниматься своими любимыми танками и на них драться с врагом. Прошка направился в подсобку, чтобы выпить чайку, а затем отправляться в казарму. Но, когда открыл дверь, то перед ним догорал закат солнца, а под ногами лежала заросшая травой лесная дорога. По инерции Прошка сделал пару шагов вперед по дороге, а за его спиной послышался стук захлопнувшейся двери. Парню потребовалось некоторое время для того, чтобы осознать всю несуразность своего положения. Когда он развернулся и посмотрел себе за спину, то ничего, кроме леса, там не увидел.

3

Прошка в своей деревенской жизни уже давно привык к тому, что к нему прилипают все имеющиеся на свете напасти, поэтому не стал долго удивляться тому, что неведомым путем оказался на этой проселочной дороге. Главное, что это была не та армия, с которой он не нашел общего языка! Поэтому рядовой Ломакин расстегнул до пуза свою рабочую робу, снял сапоги со самостирающимися носками портянками, и босяком зашагал по дороге, куда глаза глядят. Но очень скоро ему пришлось остановиться, дорога Прошку привела к широкой и, по всей видимости, глубокой реке. С пригорка было хорошо, что по реке курсировал паром, который перевозил транспортные средства и народ с одного берега и на другой. Но народа нигде поблизости не было видно, а дощатая лодка паром догорала на противоположном берегу реки.

Проход Ломакин немного постоял на берегу реки, он уже прошел километров десять, возвращаться назад было глупо, ничего интересного там уже не было. Все интересное скрывалось на другом берегу, но плыть через такую широкую реку Прошка опасался, как все крестьянские сыны, он умел плавать, но мог уверенно проплыть десять-пятнадцать сажень. Поэтому рядовой Ломакин прежде, чем принять окончательное решение о форсировании водной преграды, решил немного соснуть в прибрежных кустиках.

Он подобрал себе очень хорошее местечко в этих прибрежных кустах и, подложив под голову пилотку, быстро заснул, не обращая внимания, на какой-то странный гул и временами громкую трескотню, доносившиеся практически со всех сторон.

Рядовой Прохор Ломакин проснулся от простого человеческого голоса, который раздался от него поблизости, но это был какой-то ему совершенно непонятный голос, с какими-то стреляющими фразами. Это был не русский язык, так как русским языком Прошка владел с детства, вырос на нем и был гражданином великого Советского Союза. От совершенной непонятности вокруг него происходящего, Прошка оторвал от земли голову и еще не совсем выспавшийся вышел из кустика, чтобы осмотреться вокруг и разобраться, что за дела сейчас происходят. Его пилотка и сапоги остались в кустах, а Прошка в танкистском черном комбинезоне вдруг оказался нос к носу с каким-то парнем, который был одет в мышиную цвета военную форму.

Если судить по выражению лица этого парня, то он был страшно удивлен столь неожиданным появлением Прошки Ломакина. Этот парень отступил на шаг, потом весело заржал и, демонстрируя отлично ухоженные белые зубы, наставил свою винтовку на Прошку и пальчиком поманил его к себе, что-то произнося на своем лающем языке:

– Gefährten, schauen Sie, ein zusätzliches Phänomen der russischen Ivan Leute. Anscheinend denn wir ist es notwendiger,

gesamter Tag der Gefangener zu erfassen. He, ist Ivan, genügend zu schlafen und dieser Krieg, den Sie verschlafen. Gehen Sie zu uns, arbeiten Sie hier für Sie wird lokalisiert.¹

Прошка ни черта не понял, что произнес этот немец, наконец-то, он только вспомнил, что этот язык учил в сельской школе, преподавательница немецкого языка как-то не совсем так произносила все эти немецкие слова. Поэтому он продолжал стоять, недоуменно помаргивая своими глазами, а немец явно начал терять терпение, задвигал затвором винтовки. В этот момент откуда-то снизу донесся еще один немецкий голос, который что-то посоветовал своему товарищу:

– Heinrich, zu Ihnen ist genügend mit den Russen unterhalten zu werden. Wir müssen diese Herde von RAMas zur Behälterunterseite der russischen Abteilung heute abtreiben. Dort finden sie Arbeit durch sie, und wir studieren unsere direkte Angelegenheit. Damit Verfolgung, die nicht hier dieses gekonnt wird zum Krieg russischer Ivan diese ist.²

Прошка Ломакин перевел свои глаза вниз и ахнул от охватившего его удивления. Громадная колонна людей, одетая в

¹ – Парни, посмотрите, еще одно явление русского Ивана народу. Видимо, нам придется, весь день пленных собирать. Эй, Иван, хватит спать, а то войну проспишь. Иди к нам, здесь работа для тебя имеется (перевод с немецкого языка).

² – Генрих, тебе хватит с русскими развлекаться. Сегодня это стадо баранов мы должны отогнать на танковую базу русской дивизии. Там им найдут работу, а мы займемся своим непосредственным делом. Так, что гони сюда этого не умеющего воевать русского Ивана (перевод с немецкого языка).

знакомую ему военную форму, рассыпалась вдоль берега и пила речную воду. Некоторые ладонями зачерпывали воду, и пили прямо из ладоней, другие же опустили на колени и лакали воду, подобно животным, а некоторые, но их было очень мало, снимали с пояса котелки и ими черпали воду из речной стремнины. Над колонной стоял общий гул удовлетворения, а в колонне было очень много таких же, как он, Прошка Ломакин, парней, русских парней, в голосах которых угадывался звучание русских слов. Наблюдая за этой картиной, любой идиот мог бы догадаться о том, что это немцы перегоняют колонну красноармейцев, но такое случалось только в самом начале последней мировой войны, которую Советский Союз вел с нацистской Германией более восьмидесяти лет назад. Разумеется, в своей провинциальной жизни Прошка Ломакин знал о той Великой отечественной войне. Учитель истории в свое время весь Прошкин класс вывозил в Сталинград, город, совершенно разрушенный той войной.

– Gut das wurde es genug gesehen. Geben, Gefährte, senden ihnen. Krieg für Sie wurde beendet.³

Прошка все-таки умудрился, на секунду нырнуть в кусты и взять свою пилотку и сапоги, которые тут же натянул на босые ноги. Постоянно подталкиваемый прикладом винтовки, Прошка спустился с придорожного пригорка, где его с

³ Ну, что посмотрелся. Давай, парень, ступай к ним. Война для тебя окончилась (перевод с немецкого языка).

силой втокнули в ряды колонны пленных красноармейцев. Только этот немец оставил Прошку в покое, как в другом конце колонны послышались хлесткие щелчки выстрелов из винтовок. Приподнявшись на цыпочках, Прошка увидел, какое-то волнительное движение в голове колонны, а затем он увидел, как колонна тронулась с места и начала подниматься прочь от реки. Минут через десять после начала движения головы этой колонны, ряд военнопленных, куда немец засунул Прошку, сделал шаг вперед, а затем второй и третий...

Через десять минут Прошка прошел мимо того места, где на речном песочном берегу лежали четыре трупа молодых парней в форме красноармейцев.

– Так они всегда поступают! Перед началом движения колонны расстреливают нескольких человек. Видимо, в назидании другим, чтобы и не помышляли о побеге. – Кто-то негромко пробормотал за его спиной.

Рядовой Ломакин даже не стал оборачиваться и глазами искать автора этих слов, знал, что не найдет. В этот момент все пленные смотрят только себе под ноги и думают только о своих болячках. Ни в одном из этих пленных не было истинной радости от того, что, оказавшись в плену, они сохранили себе жизнь. Пока эти люди были растеряны случившимся и пытались разобраться в том, как это оказалось, что война только-только началась, а они уже во вражеском плену. Сейчас в небе не было видно ни одного советского истребителя или бомбардировщика. Куда-то исчезли столь знаме-

нитые танки БТ 7 от поступи, которых содрогалась земля. Какой-то вшивый взвод немецких пехотинцев, вооруженный винтовками «Маузер 98к», конвоирует, чуть ли не дивизию пленных красноармейцев.

В ходе этих размышлений что-то дрогнуло внутри рядового Ломакина, сломалось его внутреннее и внешнее равнодушие ко всему окружающему, которое сформировалось еще в годы учебы в сельской школе. Во времени, которое не скоро наступит. У Прошки совершенно не болела голова в отношении того, как он вдруг оказался на этой войне, на которой воевали его деды. Сейчас, находясь в рядах колонны военнопленных, он только пытался внутренне собраться и быть готовым к еще большим неожиданностям, которые, наверняка, ожидали на его пути.

Колонна медленно со стонами раненых бойцов, которых оказалось немало, продвигалась вперед по дороге. Прошка обратил внимание на то, что в этой колонне находилась практически одна только двадцатилетняя молодежь, Изредка перед глазами мелькали тридцати или сорокалетние мужики, на которых обмундирование было лучше, но у всех у них были срезаны уголки воротничков или нарукавные знаки различия. Эти командиры явно не хотели выдавать своего звания и явно стеснялись своего положения военнопленного. Они образовали свою маленькую и крепко сбитую группу, в которую никого и, даже политработников, не допускали. Те же пытались разговаривать с бойцами, настроить их на

сопротивление врагу, но их никто не слышал и они становились изгоями прямо на глазах всех военнопленных.

Только однажды Прошка увидел полковника РККА, с которым со всеми полагающимися полковничьими шпалами в петлицах на воротничке и на рукаве, проходя мимо, подбадривал бойцов и советовал им беречь силы на будущее. Это был единственный полковник среди десяти тысяч пленных, при приближении которого, красноармейцы вставали и замирали по стойке смирно, на других своих командиров они не обращали внимания. Как Прошка теперь понимал, эти командиры со срезанными знаками различия перестали существовать даже для двадцатилетних красноармейцев. Полковник, который сохранил свой авторитет командира, проходя мимо рядового Ломакина, вдруг остановился, коснулся рукой его плеча и сказал:

– А ты, парень, настоящий танкист! Постарайся таковым и до конца своих дней оставаться!

Полковник давно уже исчез в рядах колонны, а Прошка Ломакин шел и думал о том, что судьба, прикосновением руки этого полковника, каким-то образом его отметила и дала ему имя «Танкист», которое он должен с гордостью носить до конца своей жизни.

Глава 2

1

Под вечер эту гигантскую колонну русских военнопленных немцы начали разбирать на отдельные команды. Сначала от колонны отпочковывались целые и большие, до тысячи человек, группы военнопленных, которые сворачивали на другую дорогу и исчезали в пелене пыли, поднимаемых ногами людей. Когда колонна остановилась на ночь, то гигантское колхозное поле, на котором расположились военнопленные, оказалось радиофицированным. Время от времени из репродукторов над полем проносилось:

– Aufmerksamkeit, die Soldaten, желающие поработать на овощебазе, проходить für die Ausrichtung zum Leiter des Befehls.

С земли поднимались военнопленные красноармейцы и шли в сторону, откуда им махал маленький немец, знаток русского языка. Таким образом, медленно и верно русские военнопленные растаскивались по разным местам и временным лагерям для пленных красноармейцев.

Прошка своим сельским знанием немецкого языка из разговора двух унтер-офицеров, проходивших неподалеку от него, понял, что командир немецкой дивизии, взявшей столько военнопленных, сейчас находится в бешенстве, в его дивизии не оказалось ни продуктов, ни воды для такой массы народа. Вот он и связался с командирами других немец-

ких дивизий, вдруг которым потребуется бесплатная физическая сила для решения насущных вопросов.

В этот момент из черных репродукторов вдруг послышалось:

– Внимание пленным русским солдатам, срочно требуются танкисты для ухода за танками!

Ноги сами подняли тело Прошки Ломакина и понесли его к красноармейцу, который держал микрофон в руках. На это приглашение к танкистам откликнулось человек пять-шесть, не больше.

– Ну, и хорошо, парни, что вас танкистов так мало, больше жратвы каждому достанется. За вами, вот тот толстенький фельдфебель приехал! Der Sergeant-Haupt Herr, dieser ist Ihr Befehl. Kann es wegnehmen!

Подошедший фельдфебель неожиданно заговорил на хорошем русском языке:

– Хватит тебе трепаться, язык без хребта, как и твой хозяин. Почему так мало пленных, мне три десятка танкистов нужно! Плохо работаешь парень...

– Извините, господин фельдфебель, как вы просили, так я и объявил по радио, но пришло только шесть человек.

– Значит, плохо людям объяснил. Дай микрофон, я сам объявление сделаю, рыло немытое.

Через минуту над полем с военнопленными послышался голос немецкого фельдфебеля:

– Господа, бывшие солдаты! Одному танковому учебно-

му центру требуется команда, члены которой будут помогать немецким мастерам, ремонтировать захваченную вражескую технику и убирать помещение. Питание три раза в сутки, нормированное.

Красноармейцы в общей толпе тяжело поднимались с земли и шли на регистрацию в команду. Прошка, стоял в стороне и внимательно наблюдал за всем вокруг него происходящим. Когда набралось человек тридцать добровольцев из военнопленных, то толстый фельдфебель удовлетворенно хмыкнул, но в этот момент с земли поднялись еще трое раненных, за которыми Прошка давно уже наблюдал и никак не мог разобраться в том, кто же они были по военной специальности. Но парни, несмотря на свои ранения, вели себя независимо и обходились без чужой помощи, помогая друг другу. Один из этих красноармейцев имел ранение в голову. Видимо, серьезное, так как сам плохо держался на ногах. Двое других имели ранение в плечо и в грудь, но они уверенно держались на ногах и все время помогали бойцу, раненому в голову.

Немецкий фельдфебель, было, дернулся этой тройке навстречу, чтобы не допустить ее в свою формирующуюся команду. Но увидев танковые петлицы одного из раненых бойцов, остановился и, повернувшись к Прошке, приказал:

– Ну, а ты, салабон, помоги этим парням. Если с ними что-либо произойдет, то тебе будет плохо в первую очередь!

Вскоре другой немец подогнал старенький грузовичок

Опель-блиц, открыл его задний борт и приказал, пленным собравшейся группы забираться в кузов. Но первому же ринувшемуся в кузов красноармейцу, Прошка сунул кулак по нос и мрачно сказал:

– Обождь, сначала раненых погрузим!

И сам он сильно удивился вдруг наступившему уважительному молчанию. Сначала ловко вспрыгнул в кузов сам, а затем попросил ребят по-очереди передавать ему раненых. Раненого в голову уложил вдоль кабины, а его товарищей посадил на лавки таким образом, чтобы они имели возможность помогать друг другу. Только после этого и остальные военнопленные заполнили кузов грузовика, но сидячих мест на лавках всем все же не хватило. Примерно, одной трети пришлось остаться на ногах, держась руками об обрешетку кузова для брезентового тента, но в тот момент самого тента не было. Прошка решительно поднялся на ноги и прошел назад к заднему борту грузовика, уступив место красноармейцу, выглядевшему совсем изможденным и больным человеком.

Фельдфебель, ни слова не говоря, открыл кабину и сел на пассажирское место рядом с водителем, Опель-блиц тут же тронулся с места. Прошка стоял и обеими руками держался за верхнюю обрешетку, в этот момент он видел только убегающую из-под грузовика дорогу и столб пыли, поднимающийся от его колес. На полном ходу и, не останавливаясь, они проскочили какой-то городок. Уже на выезде с

большим трудом Прошке удалось рассмотреть поврежденный взрывом снаряда дорожный указатель «Л.да». Не трудно было догадаться о том, что это был небольшой белорусский город Лида и что их грузовик направляется в Литовскую Советскую Республику. Совсем уже начало смеркаться, когда грузовик по сохранившемуся бетонному мосту перемахнул широкую реку. Неман, сонно подумал рядовой Ломакин, который, не смотря на то, что на отлично сдал курс школьной географии, сейчас был способен только на то, чтобы из всех названий литовских рек вспомнить название этой великой литовской реки. К полуночи все пленные красноармейцы в кузове грузовика крепко спали, образовав переплетенную между собой свалку из человеческих тел. Никто из них не видел огни литовских городов, проносящихся за бортом немецкого грузовика.

Прошка Ломакин с громадным трудом, ему ужас как хотелось спать, поднял веки глаз, чтобы сообразить, что грузовик прибыл на конечную остановку своего путешествия. Опель-блитц с выключенным двигателем стоял у какого-то серого здания в несколько этажей, окна которого, словно не было войны, светились электрическим светом.

– Як добре, лежебокi, відновлення і один проходять в казарми руками, підняті. Там ви шукали і якщо знайшли, продовжує а спати. І якщо ви знайти щось не точно, gasstrelâem на місці! Крім того, Бадж собака лайно!⁴

⁴ А ну, лежебоки, подъем и по одному переходим в казарму с поднятыми ру-

Прошка проследил за тем, чтобы с ранеными парнями обошлись бы должным образом, чтобы особого вреда не причинили. Украинские мужики с какими-то желтыми повязками на рукавах особо злобными личностями себя не проявили, они, как и пленные, страшно хотели спать в это столь раннее утро, поэтому особо не молотили прикладами направо и налево. Прошка опять-таки последил за тем, как пришли еще шесть украинцев, уложили на носилки и куда унесли его подопечных раненых. Только после этого он с чувством исполненного долга отправился спать вслед за своими товарищами по плену. Когда он появился в общей спальне, то очень удивился тому, что это помещение прямо-таки взято из ставшей ему родной армейской казармы.

Следующим утром рядовой Ломакин проснулся первым. Он был из тех людей, которые ложились спать пораньше и просыпались с первыми лучами солнышка над горизонтом. Вот сегодня Прошка и проснулся. Как только первые лучи солнышка показали над горизонтом. Полежав и поверочавшись на своем топчане, Прошка натянул рабочую робу в форме комбинезона и вдруг вспомнил, что этот комбинезон имеет некоторые устройства, пока еще не известные в этом мире, плеер CD, радиоприемник на чипах, и небольшой планшет компьютер Ай-пэд. Он хотел было с утра послушать

ками. Там вас обыщут, и если не найдут оружия, то продолжите и дальше спать. А если обнаружат, то не взыщите, расстреляем на месте! А ну, шевелись, дерьмо собачье! (перевод с украинского языка).

хорошую музыку, но вспомнил, что во время Великой отечественной войны не было ни всемирной информсети, ни музыкальных радиоканалов. Он решил также пока не включать радиоприемник, чтобы не привлекать к себе излишнего внимания.

Поднявшись на ноги, Прошка хотело немного прогуляться и осмотреть место, куда они ночью прибыли. Но все двери в помещении были загромождены ящиками и столами, закрыты на громадные амбарные замки. Только одна дверь функционировала, но ее охраняли сразу три украинских охранника, которые, якобы, ни слова не понимали по-русски. При приближении Ломакина, они начинали шевелиться, направляли на него свои винтовки и вполголоса говорили:

—Не добре, що ти, хлопець може спокійно сидети. Крім того, від оттути!

А через грязные и во многих местах разбитые стекла трудно чего можно было разглядеть, аллея и какие-то небольшие серые здания по обеим ее сторонам. Несколько зданий сучковались на центральной площади, они были добротными, но какими-то злыми и нехорошими, как показалось Прошке Ломакину. Но, больше всего парня поразили, стоящие в отдалении, какие-то вышки с пулеметами, уж очень они что-то Прошке напоминали. Однажды в школе он целую книгу о концентрационных лагерях прочитал, в которых содержали, мучили и убивали юных коммунистов. Так, вот эти строя-

щиеса вышки были очень похожи на пулеметные вышки того концентрационного лагеря.

В этот момент на одной из дорожек появился толстенький фельдфебель, который с улыбкой на губах направлялся к их зданию. По этой улыбке, и по вальяжной походке, можно было бы судить о том, что эта немчура была довольно своей службой и жизнью. Издали заметив появление лейтенанта, фельдфебель мгновенно изменил на деловое выражение своего лица. Сделав несколько строевых шагов, он по стойке смирно замер перед лейтенантом. Тот небрежно кивком головы ответил на приветствие вытянувшегося перед ним фельдфебелю и что-то негромкое тому произнес. Выслушав лейтенанта, фельдфебель ловко щелкнул каблуками начищенных до гуталинного блеска ботинок и произнес нечто вроде того:

– Яволь, господин лейтенант!

В этот момент по всей этой непонятной территории разнесся сигнал общей побудки, подаваемый горном. Военнопленные за спиной Прошки начали просыпаться и, разыскивая свою одежду, одеваться в армейском темпе. Но в какой-то момент этого процесса парни вдруг вспоминали о своем положении военнопленного и что им некуда спешить. Они тут же замедляли темп процесса одевания, а некоторые даже застывали под грузом тяжелых размышлений. Впервые на многих лицах молодых красноармейцев Прохор Ломакин увидел растерянность и нерешительность. Эти парни поки-

нули дом и пошли служить в армию, чтобы бороться за всеобщую революцию во всем мире, за счастливое будущее человека, как вдруг, совершенно неожиданно для себя, оказались пленными в руках врага. Многие из них даже не получили в руки винтовки, чтобы хотя бы один раз выстрелить в сторону врага.

Прошка стоял у окна спальни казармы и, развернувшись лицом к своим товарищам по несчастью, пленным красноармейцам, внимательно наблюдал за поведением и переживаниями своих новых товарищей. Неожиданно громко проскрежетал ключ в замке одной из дверей, справа от Прошки, и в помещение казармы на свободное место прошел толстенький и опять улыбающийся, вечно довольный собой немецкий фельдфебель, которого на этот раз сопровождали несколько солдат вермахта с оружием в руках.

2

Рядовой Прохор Ломакин попал в только сформированную группу военнопленных красноармейцев, которая должна была заниматься расчисткой грязевых завалов военного городка 2-й танковой дивизии РККА, стоявшей в литовском городке Укмерге, расположенном в семидесяти километрах от Каунаса. Эта дивизия в первый же день войны спешно покинула этот военный городок, оставив ремонтные мастерские, заваленные никому не нужным барахлом и грязю.

В первый день работы пленных красноармейцев заставили работать по освобождению от ненужного домашнего барахла домиков, в которых проживали семьи командиров различного ранга этой танковой дивизии РККА. Работа была простой, но очень уж нервной, так как молодые военнопленные работали под началом фрау и фройлян, а у тех было семь пятниц на неделе. Но зато эти фрау и фройлян кормили молодых парней на убой.

Второй день был занят расчисткой учебных помещений, там фрау и фройлян уже не было, поэтому кормиться приходилось ходить общим строем в столовую, где готовили украинские кашевары из полицейских. Их целую роту полицеев сняли с Ужгорода и срочно перебросили сюда на охрану военного городка, Немцы этот военный городок 2-й танковой дивизии РККА запланировали превратить в учебный

центр по переучиванию немецких танкистов воевать на советской бронетехнике. Курсанты еще не появились, а советские трофейные танки уже завозили автотранспортерами, так как некоторые из танков оказались не на ходу из-за различных повреждений. Каждый день прибывало от восьми до десяти автотранспортеров с грузом, разгрузкой которых занимались только немецкие технические специалисты.

Третий и четвертый день все тридцать подсобных рабочих занимались очисткой ремонтных мастерских и технических помещений бывшего военного городка, а теперь немецкого учебного центра. Это было настоящей головной болью, столько грязи и столько ненужных деталей и инструментов валялось на земле в полнейшем беспорядке! Сначала за каждым военнопленным присматривал немецкий специалист, который даже нагибался и поднимал с пола какой-нибудь брошенный инструмент или деталь. Но уже через час немцы на все махнули рукой и приказали военнопленным выбрасывать все подряд, вплоть до вконец раздолбанных токарных и фрезерных станков ремонтных мастерских.

На пятый день тридцать военнопленных строем и под конвоем в десять украинских полицейских водили в литовский городок Укмерге, где целый час они в городской бане отмывались от накопившейся грязи. Столько украинских полицейских было выделено в конвой не из-за того, что немцы боялись, что русские военнопленные разбегутся, а для того, чтобы украинцы их защищали от происков местного населе-

ния. Прошка впервые лично столкнулся с такой антирусской настроенностью литовского населения, уже, будучи внутри бани к нему полез драться какой-то литовский парень лет восемнадцати. Причем, литовцу почему-то очень хотелось убить этого русского парня, а когда он сообразил, что ему не под силу этого сделать, слишком уж силы мастерство рукопашным боем были неравны, то литовец впал в какой-то странный транс и сам едва не помер.

На шестой день из Германии привезли новое токарное и фрезерное оборудование, новые танковые пушки и пулеметы. Сначала монтировалось оборудование, а затем начались ремонтные работы и работы по перевооружению русских пленных танков. Военнопленных красноармейцев снова распределили по немецким мастерам, которые должны были работать в ремонтных мастерских, занимаясь ремонтом трофейной бронетехники и обучением немецких танкистов тому, как следует обращаться с этой советской бронетехникой. Для подноски инструментов и ремонтных материалов, а также производства черного ремонта, каждому немецкому мастеру в помощь выделили по одному пленному бойцу красноармейцу.

Рядовой Прохор Ломакин был выделен в помощь для ремонта русских танков КВ мастеру-инструктору по бронетехнике Гюнтеру Винтеру. Они в течение двух дней должны будут отремонтировать первый танк КВ, поменять его оружие на немецкое вооружение. А затем в течение двух недель

Гюнтер Винтер должен был учить немецкий экипаж тому, как следует сражаться на этом тяжелом танке. Обо всем этом Гюнтер Винтер рассказал Прошке Ломакину через переводчика, сразу же посоветов своему русскому помощнику в ближайшие же дни изучить немецкий язык, а то иначе вместе они работать не смогут. Мастер-инструктор, по его же словам, всегда работал только с теми людьми, кто хорошо знал не только свою бронетехнику, но и свободно владел немецким языком.

Этот разговор с немецким мастером на Прошку произвел двойственное впечатление, в душе ему совершенно не понравилась внешнее безразличие к нему и его судьбе, которое продемонстрировал этот немец Гюнтер Винтер. Ну, какому человеку, даже если он молодой и еще не познавший жизни парень, понравиться почувствовать себя в положении чужой и рабской собственности! Но в тоже время он чувствовал, что этот немец многое знает и умеет. Что же касается немецкого языка, то в какой-то мере он был согласен с этим немцем, как можно было бы чему-либо научиться, если не будешь понимать, что тебе будет говорить мастер.

Поэтому Прошка вспомнил, что ему в таких случаях советовала делать его же собственная бабка Евдокия, оставшаяся в далеком будущем. Он напрямую подключился к сознанию своего мастера Винтера, чтобы заранее знать о том, что же думает и чего хочет ему сказать этот немец мастер.

Сразу же после получения военнопленного Прошки, в ка-

честве своего личного раба, Гюнтер Винтер отпустил переводчика и вместе со своим рабом-помощником направился осматривать танковые ремонтные мастерские.

Через полуоткрытые ворота они прошли в громадное помещение мастерских и замерли на пороге, чтобы полюбоваться общей панорамой, раскрывшейся перед их глазами. Гюнтер Винтер чисто из немецкого практицизма осматривал помещение, в котором ему теперь предстояло руководить и работать.

А Прошка в эту минуту вдруг оказался поражен тем обстоятельством, что раскинувшаяся перед ними панорама вдруг напомнила ему панораму другого танкового депо и ремонтных мастерских, которую он увидел в своей прошлой жизни. Тогда он тоже впервые переступил порог танкового депо и перед собой увидел тридцать танков Т-100. Его танк, на котором ему предстояло служить, тогда стоял крайним справа, вот и сейчас единственный большой танк, название которого он даже и не знал, стоял крайним справа, а все остальные танки в этом ряду ему были хорошо знакомы, это были Т-34. В помещении мастерских уже были люди, которые суетились вокруг Т-34 и их внимательно осматривали, рядом с людьми в немецкой аккуратной полувоенной форме, мелькали грязное и порванное обмундирование пленных красноармейцев.

– Грязные свиньи, – в этот момент Прошка услышал, что думает его мастер инструктор Гюнтер Винтер, – не мог-

ли своих помощников переодеть в чистую рабочую одежду. Всем им дополнительный приказ нужен!

В этот момент появление Гюнтера Винтера на пороге мастерских было замечено другими людьми в полувоенной форме, которые толклись рядом со своими танками. По помещению ремонтных мастерских пронесся негромкий крик:

– Aufmerksamkeit Herren sind die Offiziere, für den Gruß des Leiters der Reparaturwerkstätten, Kapitän Gunter Winther, durch alle, zum ruhig zu stehen!⁵

Движение людей в полувоенной форме моментально прекратилось, они вытянулись, приложив ладони рук к бедрам, и свои лица повернули к капитану Гюнтеру Винтеру. Тот небрежно козырнул в ответ и негромко произнес в ответ:

– Здравствуйте, господа мастера. К завтрашнему дню своих русских помощников переодеть в чистую рабочую одежду, которая имеется на складе. Вечером встретимся на вечернем совещании, где обменяемся мнениями, как нам лучше и быстрее выполнить задание родины и главного командования вермахта. Продолжайте работать господа, вы свободны!

Капитан мастер Гюнтер Винтер прошел к правому крайнему танку и начал нарезать медленные круги вокруг этого тяжелого танка. Прошка Ломакин стоял неподалеку, вытянувшись по стойке смирно, глазами поедая немецкого офи-

⁵ – Внимание господа офицеры, для приветствия начальника ремонтных мастерских, капитана Гюнтера Винтера, всем стоять смирно!

цера мастера.

– Ты, когда-нибудь слышал или видел это страшилище?

Не оборачиваясь, капитан Гюнтер Винтер поинтересовался у Прошки Ломакина.

– Никак нет, господин офицер! – На чистом русском языке ответил бывший рядовой танкист Советской Армии 21-нр века, Прохор Ломакин.

– Ну, что ж пора начинать работать! Пойдем, переоденемся!

При танке имелось подсобное помещение, а также две двери, в одну из которых прошел капитан Гюнтер Винтер, а Прошка, действуя большей частью по наитию, взялся за ручку и открыл вторую дверь. За дверью оказалась раздевалка, в которой имелся шкафчик, на проволочных плечиках которого висела поношенная форма красноармейца. В эту красноармейскую форму в мгновения ока переоделся Прошка и сразу же выскочил из раздевалки. Капитан Винтер еще не выходил из своей раздевалки. Тогда Ломакин вышел в мастерскую и, быстрым взглядом окинув рабочее место, рядом с инструментальным шкафчиком выбрал для себя постоянное место. Где он бы не мешал работе мастера.

Вскоре появился, что-то себе насвистывающий, капитан Винтер, который сразу же глазами нашел Прошку, подумал, и тут же одобрительно кивнул головой. Видимо, капитану понравилась идея Прошки не толкаться без дела на рабочем месте. Гюнтер Винтер переоделся в поношенную фор-

му немецкого солдата без знаков различия. Он ловко, почти без разбега, взбежал на корму танка и, открыв верхний люк, осмотрел внутреннее помещение башни. Обернулся и, рукой поманив к себе Прошку, тому приказал:

– Очистить башню от всего ненужного, сидений для членов экипажа, оружия, органов управления оружия, прицелами. Все ненужное выбрасывать за борт, вечером его соберут и уберут специальные рабочие. Работы много, но работать надо очень быстро. Если, что заржавело, то срубай зубилом, а не отворачивай болты. Ты зачищай башню, а я займусь дизельным двигателем.

С этими словами капитан Винтер спрыгнул с танка и отправился в раздевалку, видимо, за какими-то инструментами. А Прошка юлой ввинтился в люк башни, чтобы осмотреться и решить, какие инструменты ему потребуются для выполнения работы. Аккумуляторы танка, видимо, совсем сдохли, и, сколько бы Прошка не щелкал выключателем, внутреннее освещение не загоралось.

3

К концу рабочего дня Прошке удалось в какой-то мере очистить башню танков от всего «лишнего». По крайней мере, были выброшены за борт все артиллеристские приборы наведения орудия и ведения из него огня, радиоаппаратура. Но работа в целом у него продвигалась с огромным трудом, Прошке все время казалось, что этот танк всеми имеющимися у него силами сопротивляется той разрушительной работе, которую он начал сегодня утром. Но сколько бы Прошка не притрагивался к корпусу башни, никаких ответных сигналов на свое желание установить контакт с танком не получал. Но когда он перешел к демонтажу заднего пулемета, то окончательно убедился в том, что танк всеми своими силами сопротивляется своему разоружению. Он так и не смог проделать простейшей операции, вытащить пулемет из шаровой опоры, казалось бы очень простая для разборке вещь, но пришлось все ломать и корезить.

К тому же в самые первые же часы совместной работы неожиданно выяснилось, что внешне ко всему безразличный капитан Винтер, оказался психологически неустойчивым типом. Он постоянно встревал в работу своего помощника, давая непрекращающиеся советы о том, как сломать или демонтировать то или иное устройство. Это Прошке очень действовало на нервы и отрывало от реальной работы, ему хо-

телось знать, что, если он выбрасывает советскую радиоаппаратуру, то какая немецкая рация будет устанавливаться в танке, но капитан Винтер не отвечал на какой-либо вопрос или делал вид, что его не понимает. Он даже не сказал, что это за танк. После нескольких неудачных попыток разъяснить тот или иной вопрос, Прохор Ломакин решил больше немцу вопросов не задавать, а уже самому доходить до сути дела.

Он начал внимательно ко всему присматриваться, но только через пару часов начал видеть кое-какие несуразности в устройстве башни этого тяжелого и внешне очень красивого танка. После некоторых поисков, он узнал и его название «КВ» или «Клим Ворошилов», первый массовый тяжелый танк РККА.

Боевые качества этого танка КВ сильно снижали неудачная конструкция и компоновка башни, расположения в ней трех членов экипажа, а также отвратительный обзор из танка. Командир танка сидел, справа от орудия, одновременно выполняя обязанности заряжающего орудия. Наводчик находился слева от орудия и, помимо осуществления наведения орудия, специальным штурвалом вручную вращал башню. Третий член экипажа обслуживал кормовой пулемет. Единственный башенный люк размещался над местом наводчика, поэтому командир танка даже не мог высунуть головы из машины, чтобы осмотреться кругом.

Командир танка не только подавал снаряды к орудию, но и

обслуживал спаренный с пушкой танковый пулемет Дегтярева калибра 7,62 мм. Задача командира танка сильно осложнялась из-за невероятно скверного размещения боезапаса. Первые десять выстрелов подать к орудию было относительно просто, они размещались в башенной нише. Остальной боезапас хранился на полу в 44 ящиках, каждый из которых вмещал по два снаряда, и сверху ящики были покрыты резиновыми ковриками. Нормальный боезапас танка составлял сто четырнадцать выстрелов снарядами калибра 76,2 мм. Во время боя на полу танка черт мог ногу мог сломать в той мешанине из открытых ящиков, разбросанных ковриков и стреляных гильз.

Прошка был потрясен всеми этими своими открытиями, но не побежал делиться впечатлениями к своему мастеру, капитану Гюнтеру Винтеру. Он сидел на броне танка и внимательно рассматривал свои руки, которые оставались розовыми и чистыми из-за прорезиненных перчаток, в которых проработал целый день. Прохор Ломакин сильно переживал из-за того, что этот танк так и не допустил его до себя, по-прежнему, его рассматривал вражьей силой разрушителем. В этот момент подошел Гюнтер Винтер и сразу же поднялся на танк, что посмотреть и оценить работу своего помощника. Спрыгнув с танка, он подошел к Прошке и сказал:

– Сейчас ты свободен и можешь отдыхать. Завтра придет оборудование, которое можешь монтировать в башню по той схеме, которую завтра же от меня получишь.

Затем развернулся на каблуках и отправился в раздевалку переодеваться. Прошка поднялся на ноги, с танка посмотрел ну кучу выдранного им с ключьями оборудования, безобразной кучей тут и там валяющегося на чистом и бетонированном полу мастерских. Спрыгнул с танка и тоже пошел переодеваться в раздевалку. В столовой уже никого не было кроме украинских полицейских, только что вернувшихся с дежурства. Кашевары, молча, навалили в миску Прохора постной кашей, а один из полицейских швырнул ему в кашу шмат хорошо начесноченного сала.

Забившись в дальний угол столовой, Прошка сидел и неторопливо ел свою кашу с салом. Одновременно он размышлял о своем будущем. В принципе, ему понравилась сегодняшняя работа с нашим танком КВ, он мог стать отличным специалистом в этой области. Но ему страшно не хотелось работать на врага своей родины, от одной мысли, что на его танках немецкие танкисты будут уничтожать его собратьев по оружию, его аж всего передернуло и зазнобило. Из этой ситуации было только два пути. Если он откажется работать, то его, наверняка, расстреляют, это плохой и не для него путь. Остается последнее, попытаться бежать из этого немецкого учебного центра. Прошка совсем мало времени провел с пленными красноармейцами, но из подслушанных их рассказов понял, что литовцы, это не те люди, чтобы скрывать и помогать бежавшему из плена красноармейцу.

Поэтому на данную минуту у Прохора Ломакина имеется

только одна возможность, бежать из этого центра на танке, который позволит ему пересечь Литву и прорваться в Белоруссию, а там добрые люди, наверняка, помогут бежавшему из плена красноармейцу. Но тут перед ним встает одна серьезная проблема, до настоящего момента у него не появились и, вряд ли, у него появятся друзья-приятели среди пленных красноармейцев. Всем они распылены и работают только со своими немецкими мастерами, на поиски напарника и его уговоры у него нет времени. Его бегство должно состояться в течение ближайших трех дней, после этого к отремонтированному танку он не сможет и близко подойти, танк будет находиться в распоряжении немецких танкистов.

Поужинав, Прошка, вместо общей спальни в казарме, отправился спать в свою раздевалку в ремонтных мастерских. Охранники, украинские полицейские, зная о том, что он является помощником капитана Винтера, начальника мастерских, безропотно его пропустили в раздевалку. Плотно прикрыв дверь за собой, Прошка достал свой планшетник Айпод и нажал кнопку включения, загорелся экран монитора, и на нем появилась виртуальная клавиатура. Пальцами парень набрал запрос: «тяжелый танк KV и его устройство», некоторое время экран померцал, а затем на нем стали появляться техническая информация, схемы различных блоков и соединений. Прошка легко передохнул, слава богу, что в оперативной памяти сохранилась информация по всем танкам, которые он изучал и просматривал перед уходом на службу

в армии в своей прошлой жизни.

С планшетником Ай-под Прошка проработал до глубокой ночи. Он взял схему устройства башни танка Т-100 и попытался ее видоизменить и приспособить под размеры башни КВ. Причем он старался, чтобы механизмы получились бы упрощенными и легко понимаемыми техническими специалистами сегодняшнего времени, чтобы автоматика не зашкаливала бы сложностью своего изготовления на производстве.

Уже под самое утро, чтобы не выглядеть совсем не выспавшимся человеком, Прошка прикорнул на неудобном диванчике в своей раздевалке. Но за полчаса до появления капитана Винтера, он уже возился в башне танка КВ, что-то там изменяя и проверяя.

Мастер-наставник Гюнтер Винтер перешагнул порог ремонтных мастерских точно в семь часов тридцать минут и сразу же своим зорким оком окинул все танки, стоявшие в ремонтных боксах. Восемнадцать Т-34 стояли и спокойно ожидали своих ремонтников, но с девятнадцатым тяжелым танком КВ уже кто-то возился, была приподнята крышка башенного люка. Тут капитан Винтер несколько изменил своим правилам начала работы, вместо того, чтобы идти переодеваться, он подошел к КВ. А затем легко по-юношески вспрыгнул на танковую броню, чтобы заглянуть в люк башни, поинтересоваться, чем это там этот его русский помощник занимается? Тот ладонью измерял какой-то угол наклона внутренней стены башни и в задумчивости почесывал

свой крепкий крестьянский затылок. Сначала этот русский парень не заметил появления своего немецкого наставника, и он сильно вздрогнул, когда капитан Гюнтер Винтер у него вежливо поинтересовался:

– Чем ты тут, русская свинья, занимаешься без моего разрешения?

Парень, его, кажется, звали Прошкой, сильно вздрогнул и вскочил на ноги, чтобы вытянуться и, приложив руки к бедрам, рапортовать своему мастеру наставнику. Но он не соизмерил высоты внутренней крыши башни танка и своего роста и, сильно приложившись головой о металл башни, начал заваливаться на бок, потеряв сознание. Негромко выругавшись про себя, не очень-то хорошее начало рабочего дня, капитан Винтер выпрямился и осмотрелся вокруг. Работа в мастерских уже началась, тогда он окриком подозвал двух русских военнопленных и приказал им достать из башни потерявшего сознание их товарища и перетащить его в раздевалку. Парни относительно быстро вытащили своего товарища из башни и на руках понесли его в раздевалку. В этот момент из рук Прошки выпал какой-то лист бумаги с начерченными схемами. Направляясь в свою раздевалку, интуитивно капитан нагнулся, поднял этот лист с пола и понес его с собой в раздевалку.

Дежурный немецкий фельдшер мгновенно привел Прошку в сознание, густо измазав зеленкой его затылок с большой кровотокающей ссадиной. Прикрыв ярко зеленое пятно

кепи, Прохор вернулся в рабочий зал ремонтных мастерских и, став на свое постоянное место, начал ожидать появления своего мастера наставника Винтера. Тот задержался на целых тридцать минут и появился в рабочем зале с листом бумаги с нанесенной на ней схемой компоновки башни КВ, которую Прошка проработал прошлой ночью. Немец не стал трясти этой бумагой перед носом Прошки, не стал выяснять, откуда он взял эту схему компоновки, а только поинтересовался тем, сколько же ему времени потребуется, чтобы переделать башню КВ под эту схему.

Подумав, Прошка ответил:

– Если все запчасти будут под рукой за день – два управлюсь, но мне нужно будет помощь.

– Хорошо, тогда начинай работать по своей схеме, помощника я тебе сейчас подыщу. А что касается запасных частей, то сегодня вечером нам подвезут все, что имеется на складах вермахта. Нам еще придется переделывать рабочее место механика-водителя и этим тебе придется заниматься еще один день. У меня слишком много работы по двигателю, большая мощность, но по дурному расходуется. Танк не летает, а едва ползает. Будет у тебя время, посмотри, может быть, что-нибудь на ум и придет.

Первым же делом Прошка решил прорезать еще одно дополнительное отверстие в крыше танка над будущим местом командира танка. Из инструменталки он притащил сварочный аппарат и принялся за работу. Мощи этого сварочного

аппарата явно не хватало на то, чтобы справиться с танковой броней. Тогда, прикрывая телом свои действия, Прошка совместил большой и указательный пальцы своей правой руки вместе, между ними появилась мощная электросварочная дуга, которой начал резать броню, словно масло. Вскоре тяжелый металлический блин шлепнулся на дно башни. И в этот момент послышался незнакомый голос:

– Позвольте представиться, лейтенант Мальцев направлен вам в помощь.

Глава 3

1

Прошка стоял несколько в стороне и наблюдал за тем, как мастер наставник Гюнтер Винтер тщательно проверял качество его работы, продланной им за сегодняшний день. Они еще не получили всех материалов, деталей и готовых узлов с танковых складов вермахта. Но, благодаря результатам сегодняшней работы, уже хорошо просматривалась новая компоновка башни танка КВ. По правому борту, в промежутке между бортом башни танка и семидесяти шести миллиметровым орудием уступами расположатся места, внизу, наводчика орудия, а верху – командира танка. Над головой командира танка появится еще одна дополнительная стандартная немецкая командирская башенка, в которой разместятся приборы наблюдения и ориентации, с тем, чтобы экипаж легче ориентировался бы на поле боя.

И люка показалась лысая голова капитана Винтера:

– Очень карошо, вьюноша! – Сначала он проговорил на русском, а затем продолжил на немецком языке. – Теперь я полностью поверил в то, что ты предложил рабочий вариант компоновки этой башни. Так, что завтра привезут все нами запрошенные материалы, завершай работать с башней и переходи на рабочее место механика-водителя, а я к этому времени доведу до ума дизельный двигатель. И тогда нам останется только пополнить боезапас танка, да и залить солярку

в топливные баки.

Новый помощник, лейтенант Мальцев, очень старался помогать Прошке, но на все, что он оказался способен, так это что-нибудь ломать, но не делать. Сегодня он полностью раскурочил отсек механика-водителя, и снова вокруг КВ валялись обрывки проводов электропроводки, останки сидения, и останки приборов наблюдения. В принципе, Прошка был доволен работой лейтенанта Мальцева, но ломать – это не работа, а ему следовало уже подумать о настоящем спутнике для своего побега. Вот Прошка и оставил решение вопроса о Мальцеве до вечера, когда тот заснет, то он попытается проникнуть в его сознание и выяснить, что это за человек, чем занимается и как в плену оказался.

Проводив взглядом капитана Винтера, который вместе с семьей расположился в одном из семейных домиков бывшего военного городка. Гюнтер Винтер завтракал и ужинал только дома, вот и сейчас он отправился ужинать домой. Его жена была такой пунктуальной немкой, как и ее муж, поэтому она устраивала домашние скандалы, если муж, хоть на минуту, опаздывал домой на ужин.

Вдвоем с Мальцевым они неторопливо побрели в столовую, где в это время обедали все русские военнопленные. Опять была постная гречневая каша, но украинского сала на этот раз было, пришлось вчерашнюю и холодную кашу запивать горячим чаем. Еще проходя по столовой, Проخور обратил внимание на то, что лейтенанта Мальцева поднятием ру-

ки поприветствовал еще один военнопленный, который сидел за столом с тремя другими пленными красноармейцами. Неожиданно для самого себя он вспомнил о трех раненых красноармейцев, которых опекал, и проинтересовался лейтенанта о том, а где же их третий товарищ.

– Умер от раны в голову. Немецкий фельдшер решил, что его не нужно отправлять в госпиталь на операцию, а он сам зашьет рану на голове Володьки. И зашил... только на-смерть. Чего-то там не так сделал, то ли вовремя не анестезировал рану, и пошел сепсис. То ли рана на голове Володьки была столько обширна, что ее нельзя было зашивать одним стежком. У немцев, когда дело касается их самих, правды никогда не узнаешь. Вот и умер советский танкист Владимир Польских, так ни разу не повоевав на своем тяжелом танке.

Прошка удивленно воззрился на своего нового товарища. Тот, заметив этот удивленно-вопросительный взгляд своего нового товарища и, медленными движениями ложки поедая свою холодную кашу, решил продолжить свой рассказ.

– Ты, наверное, видел нас троих раненых в колонне военнопленных?! Наша тройка состояла из раненных командиров РККА, капитана Польских, пусть земля ему будет пухом, младшего лейтенанта Сергея Мышенкова и меня, лейтенанта Алексея Мальцева. Мы случайно все трое встретились на железнодорожном вокзале Каунаса утром двадцать второго июня. Прибыли из Киева одним поездом, но разными вагонами. Когда поезд остановился, то каждый из нас вышел

на перрон и сразу же обратил внимание на какую-то непонятную суматоху, творящуюся на этом вокзале. Все кричали и пытались куда-то бежать, а нам бежать было некуда, мы должны были отметиться у военного коменданта, получить у него автотранспорт и разъехаться по своим воинским частям. В какой-то момент я остановил литовскую женщину и поинтересовался, а в какой стороне находится этот военный комендант. Она стала мне показывать и что-то рассказывать, но в это момент начался страшный авиационный налет и бомбежка. Упавшая неподалеку авиабомба убила эту женщину, ранила меня в плечо, Володьку в голову, а Сергея Мышенкова в грудь.

Алексей Мальцев помолчал немного и продолжил свой рассказ:

– Капитан Польских и младший лейтенант Мышенков направлялись во 2-ю танковую дивизию РККА, которая базировалась в Укмерге. А я должен был задержаться в Каунасе и продолжить службу в Особом отделе одной из дивизий каунасского гарнизона.

После безвкусного ужина Прошка предложил Алексею ночевать не в общей спальне казармы, а в их раздевалке, где их уже никто не будет беспокоить. Лейтенант Мальцев с удовольствием согласился, но, прежде чем покинуть столовую, он подошел к столу, за которым сидел Мышенков с товарищами, и перекинулся с ним парой слов. Затем они вдвоем по аллейке прошли в ремонтные мастерские, никто из укра-

инских полицейских их не остановил, и они за собой заперли дверь раздевалки и начали укладываться спать прямо на полу. Все равно это было гораздо лучше спать относительно свободными на полу, чем под охраной украинских полицейских в закрытой на ключ казарме.

Прошка проснулся в районе трех часов утра, как и заказывал себе. С малолетства он за собой заметил такую причуду. Мог засыпать в любую минуту и в любом положении, хоть стоя на голове, но мог и просыпаться по собственному приказу. Сказал себе, Проша, завтра нужно проснуться в семь часов тридцать минут утра, ну, и завтра ровно в семь тридцать утра он открывал свои глаза. Так уж он был устроен! Проснувшись, Прохор внимательно прислушался, в раздевалке стояла сплошная темнота, рассмотреть в которой было ничего не возможно, поэтому можно было полагаться на один только слух. В раздевалке слышалось одно только легкое посапывание носом Лешки Мальцева. Он на локтях подполз к нему, положил руки на голову спящего сна, а кончиками пальцев коснулся висков головы Сергея.

Слегка сосредоточился и попытался проникнуть в его сознание, что-то пошумело, что-то холодное протекло между пальцами. И вдруг он увидел себя, крошечного человечка, одетого в какой-то комбинезон и шагающего по странному и чем-то заполненному тоннелю. Прошка несколько секунд поворачивал головой, пытаясь определиться, где же он находится. Но в этот момент что-то внутри него сердито прошипело:

– Ну, ты, простак деревенский, а ты подготовился к этой операции? Что собираешься здесь делать и согласовал ли вопрос пребывания в организме человека с его хозяином?

Подобного обращения Прошка, разумеется, совсем не ожидал, ему уже несколько раз удавалось совершать такие путешествия по сознанию своих деревенских подружек. Но тогда это было совсем не интересно, в тот момент все эти подружки безоглядно любили его и отдавали ему самое дорогое, чем они обладали. А вот сейчас Прошка замер в этом комбинезоне и хорошо поставленным командирским голосом отрапортовал, что прибыл сюда для лечения полученной раны и для прояснения вопроса, мог бы данный реципиент помочь ему в организации и осуществлении замышляемого побега из немецкого плена.

– Хорошие и толковые цели, стоят перед тобой паренек, только начинающий свою жизнь в магии. Теперь тебе нужно только подумать о том, чем бы ты сейчас хотел заняться, и воля хозяина этого тела перенесет тебя туда, куда ты пожелаешь! – Произнес ставший более ласковым голос, который так неласково встретил его в первый раз.

Прошка задумался над полученным советом и решил первоначально, изнутри осмотреть рану Алексея Мальцева. Через мгновение он был в каком-то кровеносном сосуде, который имел непосредственный выход в рану, кровь из этого сосуда продолжала потихоньку сочиться. Поэтому рана лейтенанта должна была постоянно болеть и быть мокрой от

крови. А ведь лейтенант Мальцев ни разу не жаловался на боль в своей ране, подумал Прошка, приступая к ее дезинфекции и обработке. Нечто вроде острейшим мачете он срубал начинавшие загнивать ткани. Кровеносный поток их тут же куда-то уносил. В одном месте внешний шов перетянул большой кровеносный сосуд. В результате чего нарушалась равномерность течения потока крови. Прошка взрезал этот стежок и заварил рану слабой электродругой, полученной из своих пальцев. Аналогичным образом он поступил с сосудом, который слегка кровоточил, его хорошенько заварил, а затем подумал о том, что ему нужна информация по хозяину этого тела.

Чужая воля снова перенесла его в небольшую комнатенку, в которой кроме стола и стула больше ничего не было. Прохор прошел и комфортно устроился на стуле за столом и сразу почувствовал, что с ним кто-то общается. Это кто-то сказал:

– Наш консилиум решил, что вы можете задать три вопроса человеку по имени Алексей МАльцев, он честно и без утайки ответит на эти вопросы. Ваш первый вопрос?

– Кто вы, лейтенант Мальцев?

– Я родился и вырос на Самотеке в Москве, столице нашей великой родины, Советского Союза. Учился в средней школе, был пионером и звеньевым отряда пионеров. Вступил в Ленинский Комсомол и был не плохим комсомольцем. По окончании школы поступил в МАИ, на третьем курсе ко-

торого общее собрание комсомольцев рекомендовало меня к поступлению в школу НКВД, которую окончил в 1939 году. Сегодня я лейтенант войск НКВД и оперативный уполномоченный Особого отдела 18-го пехотного корпуса, который дислоцировался в Каунасе. В первый день войны от разрыва авиабомбы получил средней тяжести ранение в плечо, лечился в каунаском госпитале, который вскоре вместе с ранеными бойцами и командирами был захвачен немцами.

– Что вы думаете о своей дальнейшей судьбе? Готовы ли вы принять участие в побеге?

– С первой же минуты нахождения в немецком плену я только и думаю о побеге. Бежал бы и раньше, если бы имела такая возможность, и я имел бы физические силы для его осуществления. Сейчас я вместе со своим товарищем, Сергеем Мышенковым, работаю над проектом бегства. Мы могли бы бежать сегодня или завтра, украинская охрана работает спустя рукава плохо, но перед нами встает проблема местного населения, литовцы ненавидят русских и никогда нам не помогут бежать из плена!

– Что вы могли бы сказать о своем товарище, младшим лейтенанте Сергее Мышенкове?

Младший лейтенант Сергей Мышенков, является одним из лучших механиков-водителей вооруженных сил Советского Союза. Он завоевал третье место по стране на соревнованиях по этой воинской дисциплине. Возвращался в свою 2-ю танковую дивизию РККА, когда получил неожиданное

ранение в грудь на каунасском железнодорожном вокзале. Серега пойдет за нами, куда угодно, лишь бы отомстить немцам за эту войну.

2

Прощка только что выбрался из башни новой компоновки танка КВ, сейчас он стоял на брони танка и переживал за качество своей работы. Эта новая танковая башня сейчас ничем не напоминала ту старую башню КВ, с которой он начал работать три дня назад.

Башня теперь могла вращаться в любом направлении на 360 градусов и имела угол подъема орудия от – 5 до 40 градусов. Все эти операции осуществлялись простым нажатием педалей наводчиком орудия или командиром танка, который мог также выполнять обязанности наводчика орудия, в случае выхода из строя последнего. Нигде ничего не искрило и не замыкало, немецкое качество гарантировало большой срок работы электрооборудования и различных электродвигателей, а также различных оптических датчиков с цейсовскими объективами, дневными и ночными приборами ориентирования.

Теперь командир танка и наводчик орудия простым переключением тумблеров могли произвести автоматическую систему перезарядки орудия. Но, даже не смотря на немецкое высокое качество этой автоматической системы перезарядки, она все могла выходить из строя, и тогда бортинженер–радист мог бы выполнять обязанности заряжающего. Его откидное место находилось с левой стороны танково-

го орудия в задней части башни, что позволяло этому члену экипажа свободно перемещаться по левой стороне танка. Бортинженер-радист, в случае ранения механика-водителя, мог легко эвакуировать того с его места в передней части танка, и занять его место.

Одним словом, им осталось завершить работу по перемонтажу отсека механика-водителя. Алексей Мальцев там уже многое там сделал, за завтрашний день они вдвоем, наверняка, завершат эту работу, в топливные баки залиют солярки, получат боезапас к орудию и пулеметам. И послезавтра тяжелый танк КВ можно выставлять на государственную приемку. Мастер наставник Гюнтер Винтер уже сегодня вечером, в рамках подготовки к этой госприемке, вместе со своими товарищами мастерами наставниками, которые занимались восстановлением Т-34, проводит предварительное обсуждение произведенных ремонтных работ на всех танках. Он потребовал, чтобы на этой встрече присутствовали бы и их русские помощники. Несколько минут назад капитан Винтер переделся в офицерское обмундирование и убежал из ремонтных мастерских по каким-то делам.

Взаимоотношения этого немецкого офицера со своим русским помощником, Прохором Ломакиным, мало чем изменились за их три дня совместной работы по восстановлению тяжелого танка КВ. Капитан Винтер, по-прежнему, оставался, внешне, невозмутим и строго с Прошки спрашивал по различным выполненным заданиям. Ему совершенно

не нравилось, когда Прошка неряшливо, это по его пониманию и словам, выполнял, скажем, сварку. Когда у него сварочный шов получался крепким и прочным, но несколько извилистым. По понятиям Гюнтера Винтера все сварочные швы должны быть прямыми по линейке, а других сварочных швов он попросту не признавал.

Из моторного отделения выполз весь в мазуте Алексей Мальцев и простонал:

– Опять придется лезть под душ, отмывать с кожи этот въедливый чертов мазут. Наш немецкий капитан, Прошка, хорош на словах, знай, себе постоянно нам твердит о том, работать надо хорошо, чисто и опрятно и Германия воздаст вам за качественную работу. Чуть что не по его мыслям, он тут же готов тебя в угол на день поставить. А сегодня меня заставил взять ветошь и маленькое пятно мазута в одном месте затереть. При этом еще говорил о том, чтобы я там ворочался и двигался очень осторожно и что-либо в двигателе бы не повредил. Прошка, ты себе не представляешь, как много там черного мазута набралось, я его черпаю и все вычерпать не могу. Ты, Прошка, нашел бы свободную минуту и посмотрел бы там, откуда этот мазут капает.

– Хорошо, Алексей, а ты все-таки вылезай из моторного отделения, беги в душ и отмывайся, а то он тебя сдуру на губу отправит. Как я тогда завтра один без тебя работать буду?! А на счет двигателя, особо не беспокойся, я его сегодня ночью обязательно осмотрю и, если что надо сделать, то с

ним обязательно поработаю. Слушай, Алеш, а ты случайно не слышал, когда они танковые пулеметы и боекомплекты к ним к нашим танкам привезут.

– Танковые пулеметы с боекомплектами еще вчера были в учебку, они хранятся на складе в соседнем здании. Мне вчера об этом Юрась, один из украинцев по пьянке проболтался. Нажрался самогона и все мать родную Украину со слезами вспоминал, а потом рассказал о пулеметах и сказал, что немцы нас боятся. Что мы можем воспользоваться этими пулеметами и немцев в капусту порубать.

– Алеш, а не можешь ты через этого Юрася более точно выяснить, где все-таки эти пулеметы и боекомплекты к ним лежат, чтобы, если потребуется, их долго бы не искать.

– Хорошо. Постараюсь это сегодня вечером выяснить! Но, похоже, на то, что ты, Прошка, все уже продумал и только какого-то момента ждешь. Что мне по этому поводу Сереге Мышенкову при встрече сказать. Парень спит и видит, как мы немцев в пух и прах громим.

– Ничего страшного с ним не случится, если еще немного подождет. Сейчас не время и не место об этом вообще говорить. А то лишних ушей у нас в мастерских хватает... Ток, что давай, о чем-нибудь другом поговорим, а Сереге твоему вообще беспокоиться не о чем. Мы с ним в одном помещении работаем, всегда успеем найти время его предупредить.

– Ну, хорошо, тогда я пошел в душ мыться и отмываться от этого мазута.

Оставшись один, Прошка прошел к отделению механика-водителя и через поднятый люк начал всматриваться в новенькое сиденье, которое сегодня Лешка Мальцев привернул к болтам на полу. В это отделение должна была еще пойти, чертова куча аппаратуры управления танком и оптики для наблюдения. Казалось бы, очень простая работа, но очень много возни предстоит по монтажу и состыковке деталей этой всей аппаратуры. Делая вид, что работает, в этих мастерских было не принято, чтобы русские помощники просто бы стояли и ничем бы не занимались. В этот момент Прошка напряженно размышлял о том, когда же им следует переходить к активным действиям и бежать из этого учебного центра.

Послезавтра немецкая комиссия будет принимать его тяжелый танк КВ. То, что комиссия примет танк, Прошка ни на секунду не сомневался. Работа была проделана качественно, нынешний КВ на порядок отличался в лучшую сторону от самого же себя прежнего танка. Он стал быстрее и маневреннее, повысилась точность наводки орудия и сузился круг разбрасываемости снарядов. Танк теперь мог вести огонь, как с места, так и с хода. Экипаж танка теперь имел полную свободу ориентирования на поле боя и мог активно сражаться в коллективе. Одним словом, немецкая комиссия примет этот танк и передаст его в руки немецким танкистам, которые обучаться хорошо воевать на этом танке, и как много тогда хороших советских танкистов погибнет при встрече с

этим тяжелым монстром.

Этот КВ не может и не должен стать немецким танком!

А это в свою очередь означает, что Прошка с компанией единомышленников должен захватить его до утра послезавтрашнего дня. Лучшее время для захвата танка – ночное время, в районе от 00.03 до 00.05 часов утра. Таким образом, это будет 4 июля 1941 года. Определившись со временем и датой побега, Прошке стало как-то легче на душе и сердце, теперь ему оставалось только готовиться к этой дате самому и своих друзей к ней готовить.

Рабочее время закончилось, но немецкие мастера наставники не расходились по своим домам, а ждали возвращение капитана Винтера, начальника танковых ремонтных мастерских. Он задержался на полчаса, тут же извинился за опоздание перед своими немецкими коллегами и попросил все проходить в его кабинет. Прошка до самого последнего момента даже не знал того, что у его мастера наставника в этом здании еще имеется шикарный рабочий кабинет с секретаршей в придачу.

Войдя в кабинет, мастер наставник Гюнтер Винтер занял место за своим рабочим столом, другие же мастера наставники расселись за длинным столом, куда им начали подавать чай и кофе. Все русские помощники выстроились в две шеренги у задней стены кабинета, им никто из немцев даже и не предложил рассестись по стульям. Ничего торжественного в этом собрании Прошка не увидел, немецкие мастера настав-

ники один за другим поднимались на ноги и громко рапортовали о своих трудовых успехах. Все эти успехи были достигнуты только по воли немецкого фюрера, знаниям и опытом немецких мастеров наставников. Восемнадцать средних танков Т-34 и один тяжелый танк КВ практически полностью были готовы к передаче в учебную часть только что образованного учебного центра вермахта. Все это время капитан Винтер выглядел чрезвычайно довольным, но сам отказался от выступления.

На ужин русским помощникам впервые предложили знаменитое немецкое картофельное пюре, но готовили пюре украинские кашевары. Эти горе повара в пюре для русских военнопленных набухали так много воды, что получилось нечто вроде украинской полбы. Зато все украинские охранники за обе щеки уплетали настоящее немецкое картофельное пюре.

Прошка и Алексей в эту ночь заснули, словно младенцы в люльке, под неусыпным присмотром заботливой мамыши, мгновенно, только их головы коснулись подушек, сделанные из аккуратно сложенных комбинезонов. Примерно, в три часа утра веки глаз Прошки поднялись, и он тоже поднялся на ноги и, широко расставив руки, он направился в сторону двери из раздевалки, всеми силами стараясь не разбудить Алексея. В инструменталке он натянул на плечи рабочий комбинезон и направился к черному силуэту тяжелого танка КВ.

3

Оказывается, литовский ветер мало чем отличается от ветра российского происхождения. Захочет и он будет прохладным, но сегодня после жаркого июльского дня он и перед рассветом оставался таким же жарким сухим, как в течение всего дня. Прошка сидел в горловине своего командирского люка и восторженными глазами посматривал на бегущий его танку навстречу литовский мощный тракт. Он не обращал ни малейшего внимания на жаркий суховей, а думал только об одном, как можно дальше скрыться с места преступления. Они уже километров на тридцать убежали от литовского городка Укмерге, где сейчас, наверное, все взрывалось и горело в ремонтных мастерских учебного танкового центра вермахта.

Сегодняшним утром, только появившись на работе, капитан Винтер, переодевшись, сразу же полез в моторное отделение танка и, проведя, там пять минут, не более, вскоре стоял на броне танка и через люк наблюдал за работой Прошки и Алексея.

– Молодые люди, сегодняшний вечер я буду занят кабинетной работой, а вы завершайте ремонт отсека механика-водителя. Как только завершите работу, то танк немедленно передайте на руки мастеру наставнику господину Шульце, который работает с танком Т-34, следующим в ряду

от вас. На этом ваша работа заканчивается, вы будете свободны до следующего танка, который я с вами буду ремонтировать.

И, бросив скользящий взгляд на Прошку, отправился во свояси. В этом его взгляде Прошка вдруг почувствовал, что капитан Винтер ему врет, что они вместе уже больше никогда не будут чего-либо ремонтировать. Да, и в капитанской фразе «танк немедленно передайте на руки мастеру наставнику господину Шульце» было что-то новеньким. Раньше от него ничего подобного Прохор не слышал, были одни только указания, сделай то, да делай это. Очень походило на то, что капитан Винтер боялся того, что этот танк КВ в большой степени завит от Прошки и находится в его руках. Вои он и принимает свои меры по нейтрализации этого Прошкиного влияния!

К обеду монтаж оборудования в отсеке механика-водителя был в большей степени завершен, оставалась его доводка, которая были немислима без того, чтобы танк не тронулся бы с места и не совершил бы несколько маневров в ходе такого движения. Одним словом, требовалось солярка для того, чтобы завести танк и немного на нем проехаться. Господин Шульце и принес одно ведро солярки, и лично ее слил в топливный бак, где должно было уместиться 600 литров солярки. Господин Шульце поступил так, как ему посоветовал капитан Винтер, он не знал того, что после того, как Прохор проработал ночь над двигателем танка, тот мог проехать до

ста километров на одном только этом ведре солярки.

Громко загрохотал, нервно заколотился заведенный двигатель танка КВ, но по мере введения в действие различных приборов управления в отсека механика-водителя шум двигателя уменьшался и становился более ровным и тихим. Прошка добился того, что шум двигателя больше не походил на бешеный рокот танковых двигателей с большим выбросом черного дыма. Немецкие мастера наставники сначала уважительно посматривали в сторону тяжелого танка, но затем в их взглядах появилась обеспокоенность. Господин Шульце уже минут пять бегал и кричал вокруг этого танка, требуя, чтобы русские пленные прекратили бы испытания танка и выключили бы его двигатель.

Пара танков Т-34 развернули свои башни в сторону непослушного танка КВ и угрожающе начали поводить стволами своих 76.2 миллиметровых орудий. Точно такое же орудие стояло и на КВ, завершив ремонт двигателя, Прошка шнырял по этим танкам, по одному – по два забирая из них снаряды и переноса их в свой танк. Мастера наставники, занимавшиеся ремонтом Т-34, только сейчас обнаружили пропажу своих запрятанных и хранившихся в глубокой тайне снарядов. Осознав трагичность ситуации, немцы начали покидать Т-34 и по одному убегали укрываться во внутренних помещениях ремонтных мастерских. Один русский помощник вдруг начал перебегать от одного танка Т-34 к другому, явно направляясь к тяжелому КВ. Когда он нырял во все еще

открытый люк механика–водителя КВ, то по нему из своего парабеллума выстрелил мастер наставник Шульце, но, разумеется, не попал.

Этот одиноко прозвучавший выстрел из пистолета немецкого мастера наставника призвал к началу активности русского экипажа тяжелого танка КВ. Танк тяжело развернулся и грозно посмотрел на своих бывших товарищей, на танки Т-34, но возе этих танков уже ни одного немца не было. Тогда КВ развернулось и толчком корпуса, произведенным мастерски его механиком-водителем, высадил левую стену ремонтных мастерских. Танк сразу же оказал у торца соседнего здания, в котором размещались танковые боекомплекты и пулеметы. Своей кормой он высадил железные ворота и на полкорпуса заехал во внутрь одного из погрузочных секторов. Уже на бегу, нажатием кнопки, Прошка включил автоматическую систему загрузки боеприпасов в танк, а сам помчался в соседний сектор, где хранились танковые пулеметы с боекомплектами.

Немцы и украинские полицейские не сразу вступили в бой с восставшим танком, им потребовалось около двадцати минут для того, чтобы как-то организовать и выступить против смутьянов. Но украинские полицейские оказались умными людьми, они не стали сражаться против танка. Что может сделать человек, вооруженный простой винтовкой, против этого стального монстра. Ничего, рассудили опытные полицаи, принялись искать и гоняться за разбе-

жавшимися пленными красноармейцами. Литовский городок Укмерге не имел немецкого гарнизона, и военный части для подавления бунта военнопленных пришлось вызывать из Каунаса и Паневежиса, а это около часа и более одного только пути.

КВ с лихвой пополнился боеприпасами, а Прошка за это время перенес в танк три танковых пулемета, которые тут же Алексей и Серей втиснули в танковые шаровые установки, и зарядили пулеметы лентами на пятьсот патронов. А Прошка притащил еще три МГ34, а затем принялся таскать в танк боекомплекты к пулеметам. Эту работу ему приходилось делать одному, так как ни Алексей Мальцев, ни Сергей Мышенков не могли оставлять машину без присмотра. Когда он принес последние ящики и пулеметными патронами, то украинские полицейские немного расхрабрились и по требованию своих немецких хозяев даже начали постреливать в сторону танка смутьяна, в неподвижности застывшего в воротах сектора вооружений. Какой-то украинский полицейский забрался на второй этаж здания ремонтных мастерских и открыл снайперскую стрельбу по смотровым прорезам башни КВ.

В этот момент Прошка успел-таки закрыть за собой люк смотровой командирской башенки над своей головой, как об этот люк ударилась винтовочная пуля. Подсоединяясь к внутреннему танковому переговорному устройству, он громко на весь танк заявил о том, что никто не поможет рус-

скому пролетариату освободиться от оков социального рабства. Только он сам может об этом позаботиться, что у него имеется достаточно сил и желания своих товарищей по классу поднять на борьбу с нацизмом и монополистами мирового производства. Сергей Мышенков всем сердцем был согласен со своим товарищем по борьбе с мировым империализмом, но ему некогда было говорить на эту тему, он танк рванул с места. Проехав всего десяток метров, он остановил танк таким образом, чтобы в ремонтных мастерских оказался бы ствол танкового орудия. Алексей Мальцев с толком и расстановкой произвел восемнадцать выстрелов, которыми навсегда покончил с отремонтированными танками Т-34 и самой танковой ремонтной мастерской. Танк снова задом отъехал в сектор погрузки, чтобы пополнить запас расстрелянных восемнадцати бронебойных снарядов, а затем с божьим благословением отправился в путь на свободу.

– Показатель топлива устойчиво стоит на нуле!

Вдруг подал голос Сергей Нарышкин, который занял место механика-водителя танка и сейчас принаравливался к совершенно новому для себя месту. Прошка прекрасно понимал, что для того, чтобы пройти литовские дороги, и прорваться в Советскую Белоруссию, их танку было бы желательно еще и подзаправиться соляжкой. Но соляжка почему-то хранилась в здании на самом выезде из военного городка, вот и пришлось сейчас КВ торжественно следовать по центральной аллее теперь уже немецкого учебного танково-

го центра.

В самом центре творилось черт знает что, куда-то бежали немецкие женщины и дети. Женщины простирали к небесам свои руки, и умоляли господа бога их спасти и спасти их детей. Одна такая немецкая дама прямо с коляской младенца полезла прямо под гусеницы их медленно ползущего танка. Видимо, в возникшей неразберихе и панике в этом учебном городке она посчитала днище этого танка наиболее безопасным местом для себя и своего ребенка.

Сергея Мышенков резко притормозил, открыл люк своего отсека и, высунувшись по пояс из люка, матерно, по-русски, прошелся по поводу нехорошего поведения этой немецкой фрау. Услышав русский язык, фрау совсем перекосило и она, сломя голову, с коляской помчалась в противоположную сторону. В этот момент Прошка, он за минуту до остановки танка, открыл свой командирский люк, услышал, как заработала зингеровская машинка, на которой бабка Евдокия шила по вечерам. Крайне удивленный этим обстоятельством, откуда здесь могла бы появиться эта древняя машинка для шитья, Прошка внимательно осмотрел, раскинувшуюся перед танком площадь. В дальнем ее углу стоял мотоцикл с коляской, из которой немецкий солдат вел огонь из пулемета по их танку. А за мотоциклом уже показался немецкий бронетранспортер до упора забитый солдатами.

Игры в войну окончились, настало время по-настоящему воевать!

– Алешка, открывай огонь по немцам, они только что показались на площади. А ты Сергей, почему молчишь, и не уводишь танк с этой площади. Нам вообще нужно, как можно скорее, уходить из города, на его улицах немцы будут нами командовать и бить из углов, пока не доставят бронетанковую артиллерию. Так, что братцы давайте, заправляться и бежать из города!

Послышался выстрел танковой пушки, снаряд разорвался под немецким бронетранспортером и развалил его на части. Многие солдаты в его десантном отсеке погибли, но и многие разбежались по укрытиям и оттуда открыли винтовочно-пулеметный огонь по КВ. Мотоциклист резко развернулся и скрылся в другой городской улице. Теперь, этот гад вынырнет поближе к нашему танку, а мы все стоим на месте и не трогаемся, подумал Прошка.

– Серега, что с тобой, мы время теряем. Нам обязательно нужно попасть на заправку, а то из нас немца кузькину мать сделают?!

– Сейчас, мы тронемся с места, командир! Подожди, не шебарши!

– Серега, ты что ранен?

– Да, так слегка по груди царапнуло. Я рану уже перевязал и одним моментом докачу вас до заправки, а там вы уж меня поменяйте!

Танк тронулся с места и, уже больше нигде не останавливаясь и, не стреляя по немцам, докатил до заправки. Там

никого не было, ни одного человека, ни литовца и ни немца. Прошка, как самый проворный, первым выскочил из танка и метеором пронесся по заправке, пытаясь разобраться, заправляются танки. Оказалось, что и на этой станции заправки уже поработали немецкие специалисты, они установили свою систему заправки танков. Каким-то чудом Сергей Мышенков сумел подогнать КВ к двум колонкам по заправке танков соляркой. Прошка быстро вставил раздаточные шланги в горловины топливных баков по обеим сторонам КВ, законтрил ил гайкой и включил центробежные насосы для перекачки топлива. Одновременно, на специальную площадку над моторным отделением закатил четыре трехсотлитровых бочки с соляркой и на скорую руку закрепил их на этой площадке. К этому времени баки танка были полны под завязку топливом, а немцы здесь так и не появились, видимо, танк они искали на выходах из города.

Пока Прохор занимался заправкой танка, Алексей Мальцев своего раненого друга, Сергея Мышенкова, перетасил и аккуратно уложил на пол башни слева от орудия, а сам занял место механика-водителя. Он здраво, рассудил, что кое-как сможет править танком, но быть командиром танка ему пока не по плечам. Прошка же сидел в горловине своего командирского люка и восторженными глазами посматривал на бегущий танку навстречу литовский мощный тракт. Он не обращал ни малейшего внимания на жаркий суховей, а думал только об одном, как можно дальше скрыться с места пре-

ступления. Они уже километров на тридцать убежали от литовского городка Укмерге, где сейчас, наверное, все взрывалось и горело в ремонтных мастерских учебного танкового центра вермахта.

Глава 4

1

Прошел первый час их свободы! Мощеная дорога, как бежала, так и продолжала катиться под гусеницами танка. Как Прошка не пытался, он так и не мог сориентироваться и понять, в каком же направлении они движутся. Если в первые минуты побега он еще находился под давлением мысли о том, что надо, как можно дальше отъехать бежать от Укмерге. То сейчас, когда прошел целый час с того момента, когда они без боя покинули окраину города, эта мысли давно ушла в прошлое, ему теперь все более и более хотелось бы понять, куда же их занесло и куда им надо ехать дальше. Он по ПТУ связался с Алексеем Мальцевым, попросил его съехать с дороги и остановиться для выяснения всех этих обстоятельств.

Лешка нашел хороший съезд с мощеной дороги, отъехал от нее метров сто и заглушил двигатель танка. Наступила приятная и расслабляющаяся тишина, нарушаемая лишь стрекотом цикад. Прошка отстегнулся от ПТУ и через свой люк вылез на броню танка, а Мальцев по внутреннему лазу переполз в отделение башни, где лежал Сергей Мышенков и начал его осматривать. Еще раз, убедившись, что в расположении звезд ни черта не понимает, Прошка сел на теплую броню, прикрывавшую моторное отделение, и надолго задумался о том, что же им делать дальше.

– Слушай, Прохор, Серегу сильно знобит, он весь трясет-

ся от холода. Нам нужно, как можно скорее найти для него врача, а иначе парень может и не выдержать. Только-только оправился от одного ранение. Как получает пулю практически в то же самое место, в грудь.

– Леш, а ты в этих местах хорошо что ли ориентируешься? Танк так гнал, чуть ли не самой высокой скорости, и ни разу не поинтересовался, а куда едем?!

– А ты на что? Раз молчишь, значит и дорога правильная! Вот и гнал, не посматривая по сторонам. Прощ, ну а все же, что с Серегой будем делать. Ему срочная медицинская помощь нужна!

– Ты, вылезай оттуда, а я Серегу посмотрю. Может быть, чем и смогу ему помочь. А ты, Алексей, подумай, как нам из этой дурацкой ситуации можно было бы выкарабкаться, чтобы домой к своим вернуться. Да, не забудь, на всякий пожарный случай, пулемет с собой взять, нас двоих ведь охранять будешь.

Прощка растянулся на резиновом полу рядом с мечущимся в горячке Серегой Мышенковым и обе свои руки сложил на голове раненого человека. Тут же появился знакомый шипящий голос, который поинтересовался, что он тут собирается делать.

– Что ты задаешь какие-то идиотские вопросы, кто разрешил, почему появился, ... не видишь ли сам, что человеку совсем плохо. Ранен он и ему срочно нужна помощь. Не ждал бы меня, а сам бы ему помог перенести боль от ранения?

– Не могу я этого сделать, так как не могу наперекор судьбы этого человека пойти! Но тебе все позволено, ступай и спасай своего друга.

– Кем позволено? О чем ты говоришь? Да и сам, откуда родом?

– У нас еще будет время обо всем этом поговорить, а сейчас спеш и спасай друга. У него только шок от вторичного ранения в одно и то же место. Пуля чисто прошла, много ткани не порвала и костей не раздробила. Если сумеешь рану хорошо почистить, то завтра он сможет плясать и за девушками ухаживать. Да и последнее, мой тебе совет. Найди, какое-либо глухое место, какую-нибудь литовскую мызу и там затаись на время, денька на два не больше, пока тебя немцы искать в другой стороне будут. Найди карты местности и разработай маршрут прорыва в Белоруссию. Только прорываться туда тебе придется с боем. Просто так, тебя немцы теперь уже не выпустят.

Голос исчез, а Прошка снова оказался в комбинезоне и в тоннеле с какой-то жидкостью. Он подумал о месте ранения, и воля Сереги Мышенкова его мгновенно перенесла прямо в очаг поражения. Рана была в отвратительном состоянии, пуля вместе с собой в тело человека затянула обрывки ткани рабочего комбинезона, который был весь в пятнах грязи и жировых пятнах. Пришлось Прошке много поработать своим ланцетом мачете, вырубая большие участки загрязнения. По мере продвижения работы, дыхание Сереги выправ-

лялось, а температура приходила в норму.

По завершению работы Прошка, вероятно, заснул и проспал не менее часа. Когда его разбудил Алексей Мальцев, то он говорил, что уже светает и что на дороге уже появляются отдельные машины и крестьянские телеги. Поднявшись на ноги и выпрыгнув из башни на броню машины, Прошка увидел, что действительно наступает рассвет и пора валить с этого места. Он предложил Алешки садиться за штурвал и рычаги танка и продолжить движение по той же дороге и в том же направлении. Он скажет, когда будет снова нужно съезжать с дороги.

Из-за надвигающегося рассвета и нежелания привлечь к себе ненужного внимания полиции и местных литовцев, Прошка, как только слева показался лесной массив, предложил Мальцеву сворачивать в этот массив. Углубившись километра на четыре в лес, КВ остановился и заглушил двигатель. Откинув люк командирской башенки, Прохор Ломакин выбрался на броню и, подойдя, к левой стороне танковой башни понаблюдал за тем, как Алексей Мальцев осматривает своего раненого друга, Сергея Мышенкова.

– Да, он оказывается спит! Пульс и температура тела – нормальные.

В этот момент Мышенков открыл глаза и посмотрел на своих друзей, а затем очень тихо, но отчетливо произнес:

– Да, нормально, ребята! Просто у меня закружилась голова, и я потерял сознание!

– Не фигу себе, закружилась голова, а кто господу богу жизнь свою чуть не отдал?! Ты, Серега, давай там поосторожней, а то в течение двух недель две пули себе в грудь поймал!

– Ребята, подождите, не соритесь. Сейчас Сереге покой и внимание наше нужно! Ему требуется отлежаться, да и отоспаться! А нам нужно место для скрытного поста отыскать, чтобы мы могли карту Литвы найти, по ней сориентироваться и тогда домой в Россию возвращаться. Здесь в тылу мы со своим КВ не навоюемся, слишком уж заметен, тяжел и неповоротлив наш танк. Нам одной солярки, запас целого колхоза потребуется, а литовцы колхозов и нас не любят, и помощи от них не дождешься. На фронте те же этот танк будет на месте, там он себя сумеет достойно себя показать. Вы пока в танке посидите и охраняйте его, а я в разведку сметаюсь, посмотрю, что здесь и как?

Алексей Мальцев выпрямился и через старый башенный люк свой пулемет протянул Прошке. На что тот удивленного на него посмотрел.

– Ты, что в разведку совсем безоружным собрался? Да тебя первый же литовец за шкурку возьмет, и в плен к немцам переправит, а мы будем до скончания веков тебя дожидаться. Возьми пулемет, сейчас в нем лента на пятьдесят патронов заправлена. Этого вполне хватит для того, чтобы даже от вооруженного литовца отбиться! У нас, помимо танковых, еще два ручных пехотных пулеметов есть, сейчас я их снаряжу,

и нам будет, чем от немцев отбиваться.

– Хорошо! – Согласился Прошка.

И взяв пулемет в руки, мягко спрыгнул на землю. Отойдя на несколько шагов от танка, он остановился и повернулся, что полюбоваться КВ. Танк даже в лесных зарослях выглядел большим и грозным зверем. В нем ощущалась настоящая сила и мощь настоящего бойца, готового в любую секунду дать отпор врагу. Из люка башни на броню выскочил лейтенант Мальцев, который, увидев Прошку, настороженно застывшего на дороге с пулеметом в руках, успокаивающе помахал ему руками. Мол, все в порядке, иди в разведку и быстрее возвращайся.

Прошка, стараясь не выдать своего присутствия, крался по лесной дороге, внимательно посматривая по сторонам и прислушиваясь к щебечущей птицами лесной тишине. Дорога была, не ахти какая, но не проселок с гравием, а простой наезженной телегами, крестьянской дорогой. Да и не особо много по ней проезжала крестьянских телег, следовало бы также откровенно признать. Поэтому Прошка решил по ней пройти и посмотреть, куда его эта дорога приведет?! На сороковой минуте, это на двадцатой минуте нормального шага, вперед показалось просветление, что означало, что дальше Прошке, возможно, придется идти по открытой местности.

Дорога действительно выходила из леса, а в километре от леса располагалось крестьянское подворье. Прошка внутренне пожалел, что время бегства из Укмерге, они не при-

хватили с собой какого-либо бинокля, вот приходит на этого подворье смотреть издали невооруженным взглядом. Но в этот момент что-то произошло с его глазами, он начал различать фигуры людей и по своему желанию мог их приблизить или удалить на расстояние. Это, по всей вероятности, была усадьба крестьянина единоличника. В течение часа Прошка наблюдал за этими людьми, семья состояла из трех взрослых людей и трех детей.

Самым старшим в семье был старик, литовец шестидесяти или семидесяти лет. Сыном старика был мужчина лет тридцати-сорока, это было заметно, что старик время от времени давал указание этому мужику, и он безропотно выполнял все то, что его просил сделать старик. Да и сам этот мужик работал по хозяйству, не покладая рук, у него в руках была, то лопата, то топор, а то вилы. Он то выносил навоз из хлеба, то, что-то исправляя в крыльце дома. Его супруга тоже работала, не останавливаясь ни на минуту. Она частенько исчезала в добротном доме, но появлялась с тем, чтобы пшеном покормить домашнюю птицу или заняться детьми.

Детей было трое, два мальчишки десяти и сем лет, примерно, и маленькая девчоночка лет трех-четырёх. Мать чаще всего походила к ней, не забывая при этом что-либо сказать сыновьям, и с дочкой она возилась гораздо дольше. Одним словом, у Прошке возникло твердое убеждение в том, что эта семья литовского крестьянина обязательно им поможет и начал продумывать маршрут движения танка, что он

не оставил бы очень заметных следов при движении к этой литовской усадьбы.

2

Прошка стрелял из пулемета МГ34 по шаулистам, полицейским литовской службы безопасности, которые широкой цепью приближались к усадьбе семьи Гедеминасов. Двое шаулистов после его пулеметной очереди уткнулись носами в землю и больше не поднимались, но эта рота «борцов за независимость Литвы» оказалась убежденными антируссистами. В их сердцах горело пламя показать, этим москалям, где раки зимуют, а также продемонстрировать военную выучку и умение стрелять по живым мишеням. Поэтому они напористо лезли вперед, не обращая внимания на то, что у красноармейцев вдруг оказался пулемет, и они умеют им пользоваться. Одним пулеметом трудно остановить наступление роты почти в двести человек. Прошка стрелял очень аккуратно, при этом старался продемонстрировать, что у него не так уж много патронов.

А в этот момент Алексей Мальцев со вторым пулеметом лез на крышу дома, чтобы с верхней точки мызы вести огонь по внезапно появившемуся противнику. Прошка стрелял по шаулистам, внутренне проклиная себя за то, что разрешил четырехлетней Младене покинуть усадьбу и отправиться в ближайшее село за фельдшерницей. Он поверил ее отцу пану Томкасу, что его дочь великолепно знает и сможет добраться до ближайшего села, в котором имеется фельдшерница, при-

смотреть за Серегой Мышенковым.

Девчонка Младене была слишком мала и сразу вызвала к себе подозрение со стороны командира роты шаулистов, когда она появилась в селе, чтобы пригласить пани Саулиние, местную фельдшерицу к маме, которая, якобы, серпом поранила себе руку. Затем Младене сама нашла пана лейтенанта Жукаускаса, командира роты литовских полицейских, и передала ему просьбу своего папочки, пана Томкаса, чтобы тот пришел бы со своим людьми и забрал бы у них на мызе трех красноармейцев, которые скрываются вместе с танком.

Лейтенант Жакаускас попросту не поверил в существование каких-либо танков, он еще подумал о том, что ребенок не правильно произносит слово «танк». Он встретился и переговорил с пани Саулиние, договорившись с ней о том, что, если информация малышки достоверна, то фельдшерица задержится на мызе более суток. Если же пани Саулинии, фельдшерица, не увидит танка, то она сразу же вернется, не будет задерживаться на мызе. Пани фельдшерица вернулась тем же вечером в село, подтвердила слова девочки о том, что на мызе скрываются красноармейцы. Один ранен, но он скоро выздоровеет. Танка она не видела по одной простой причине, что он стоял замаскированный лапником в лесу, и никто из красноармейцев при ней к нему не ходил.

Прошка еще раз осмотрелся, с его позиции отлично простреливалась дорога, подходящая к усадьбе пана Томкаса с противоположной стороны от леса направлений. Видимо ко-

мандир полицейских хочет их выгнать из дома и, чтобы не было жертв среди семейства Томкасов, прижать их к лесу и там расстрелять или взять в плен. Поэтому рота шаулистов образовала двухрядную цепь и с трех стороны начала наступать на мызу, изредка постреливая из советских винтовок и немецких автоматов шмайсер, которыми шаулисты были вооружены. Прошка прицелился, выбрал случайно сгруппировавшихся вместе полицейских и снова нажал спуск пулемета. Пророкотала следка удлиненная пулеметная очередь, на этот раз на землю свалились и перестали двигаться четыре человека, а трое что-то заорали истошными голосами. Они, видимо, были ранены. Эта пулеметная очередь поубавила спеси у наступающих полицейских, они стали больше отлеживаться в укрытиях, паля из винтовок в воздух, почем попади. Прошка заметил, что в цепи полицейских появились люди с сумками, на боках которых был нарисован красный крест

А когда прогремела очередь второго пулемета с крыши дома, то литовские полицейские совсем сникли и вообще перестали шевелиться. Одно дело наступать почти двумястами человек на один пулемет, который имеет широкий, но все же ограниченный сектор обстрела, и совершенно другое дело идти в атаку на два пулемета, да они свои секторами обстрела могу всю роту в куски распотрошить. Лейтенант Жакаускас приказ приостановить наступление взводов своей роты, выдвинуться вперед минометчикам, пулеметчикам и снай-

перам.

В этот момент Прошка размышлял о том, что этот бой им совершенно ни к чему. Вчера ночью он с ребятами на ученической карте Литвы, которой старший сын пана Томкаса, Владимир, дал им на время попользоваться, проложил маршрут следования до Белоруссии. Этот маршрут он на всякий случай тут же вложил в память своего планшетника Ай-под. Теперь им уд будет не страшно двигаться даже самыми темными ночами на танке по полному бездорожью. Уже сегодня в ночь они собирались навсегда покинуть эту мызу. А теперь эти немецкие прислужники сели им на хвост, придется до вечерней темноты отражать их атаки, а ночью уходить на танке.

Два дня назад, когда они вышли из леса и шли к этому крестьянскому подворью, то его литовские хозяева встретили их полнейшим молчанием. Взрослые и дети вышли на двор и, молча, наблюдали за тем, как со стороны леса к ним приближаются трое молодых парней в форме ненавистной им армии. Взрослые хорошо понимали, что нельзя отказать в гостеприимстве трем красноармейцам с тремя пулеметами через плечо, но при этой первой встрече они даже не поздоровались и не назвали своих имен. Литовцы даже не поинтересовались, что с третьим парнем, который едва шел, поддерживаемый двумя другими солдатами и перевязанный в груди белыми тряпками.

Прошка вышел вперед и, как можно на корявом русской

языке объяснил, что им нужен кров и еда на пару дней.

– Мы обещаем не трогать вас и ваших детей, если вы нас не предадите и не сдадите немцам. Просто так, в плен к немцам мы не пойдём, а будем с ними драться не на жизнь, а на смерть. И тогда может пострадать ваше хозяйство!

И тогда старик, глава семейства, сказал, как бы ему в ответ:

Na, kad stovėti! Leiskite pereiti. Gedemin, tikk kažkur pastate, surasti jiems vietą miegoti ir nabrosaj ten daugiau šieno. Ir jūs, Claudia, ką valgyti ir daug karšto vandens, wrap žaizdos vaikinas⁶.

Внутри же Прошки сформировалась полная уверенность в том, что дед литовец его хорошо понял. Видимо, и сам неплохо знал русский язык, но разговаривать на нем с ним не стал, а это могло только означать, что никакого мира между ними не будет, этот дед их так и не принял в качестве гостей своего дома. Теперь ухо с этим литовским семейством придется им держать остро! Прохор предупредил Алексея и Сергея о своих подозрениях, и попросил друзей держать язык на замке, если вблизи от них крутится взрослый или молодой литовец.

Предложенное Гедеминном, как догадался Прошка, это было имя отца всего семейства, место для ночлега им не

⁶ – Ну, что стоите! Давайте двигайтесь. Гедемин, ты где-нибудь в пристройке найди им место для ночевки и набросай туда побольше сена. А ты, Клаудия, приготовь им что-нибудь перекусить и много горячей воды, раненого парня надо перевязать.

подошло, с него невозможно было бы чего -либо увидеть или услышать. Враг мог подкрасться незаметно, окружить и взять в плен. Прошка сам лично обошел усадьбу, осмотрел все возможные места и, в конце концов, остановился на чердаке жилого дома, где все было прибрано, и на все четыре стороны раскрывалась шикарная панорама. Теперь на этом чердаке дома постоянно находился кто-нибудь один из них. Чаще всего этим часовым приходилось быть Сереге Мышенкову, который отлеживался в ожидании своего выздоровления и нес наблюдение за окружающей средой. Да заодно, и за всеми членами литовского семейства Томкасов. К тому же рана Сережки пока не заживала и слегка кровоточила, Прошка, честно говоря, почему-то боялся второй раз лезь в сознание этого парня.

Особенно трудно было уследить за обоими сыновьями отца семейства, Владимиром и Авидасом, именно они обнаружили замаскированный в лесу танк. Серега заметил, что парни где-то пропадали около получаса, а затем появились весьма возбужденными. Они нашли отца, который в это время возился с копытом коровы, на мызе было шесть коров, и начали ему, перекрикивая друг друга и махая руками в сторону леса что-то рассказывать. Мышенков ничего не понял из того, что кричали ребята, но сразу же догадался о том, что они нашли их танк. Гедемин Томкас тут же отправился за советом к отцу, и они вдвоем долго сидели на лавке и что-то обсуждали. Оба литовские мужика хорошо понимали, что

наблюдатель на чердаке дома хорошо видел и обратил внимание на поведение мальчишек по их возвращению из леса.

Вечером Прошка, он весь день прометался по окрестностям в поисках географической карты, но знакомых не оказалось, кто мог бы помочь в этом деле, поэтому, разумеется, ничего не нашел, подошел к деду и, мрачно посматривая ему в лицо, сказал:

– Если члены вашей семьи нас предаст, то имейте в виду, что мы в плен без боя не сдадимся, а значит, будет бой, и тогда ваше подворье и члены вашей же семьи сильно пострадают!

Старик помрачнел лицом и утвердительно кивнул головой, то ли соглашаясь с мнением Прошки, то ли отвечая каким-то своим внутренним мыслям. Он прекрасно понял причину такого настроения и разговора со стороны этих русских парней. И чем дольше эти русские будут находиться в его доме, тем большая была вероятность того, что любое несчастье в связи с пребыванием этих красноармейцев в его доме может случиться каждую минуту. Подумав немного, старик Витаутас Томкас принял решение и предложил его на рассмотрение Прошке, который был явно командир этой группы.

– Вам надо, – заговорил старый литовец на русском языке, без какого-либо акцента, – как можно скорее, покинуть мой дом, а для этого вам, вероятно, нужно знать, может ли он перенести предстоящий долгий путь? Я хочу тебе пред-

ложить следующий вариант решения этой проблемы. Я могу попросить свою внучку, Младене, которой уже исполнилось четыре года и она бойкая девчонка, сбежать в село Рубякий и тамошнюю фельдшерицу, пани Саулинини, пригласить к себе, посетить наше хозяйство под предлогом того, что Клаудия, жена сына, порезалась серпом. Девчонка маленькая и без толку трепаться еще не научилась, вас она, по крайней мере, не догадается выдать, она о том, что сейчас в действительности происходит в нашей усадьбе, а также о том, кто вы, даже и не догадывается.

Сейчас лежа за пулеметом и вспоминая этот вчерашний разговор, Прошка не знал о том, что Гедемин, сын деда Витаускаса и отец семейства, долго о чем-то разговаривал и толковывал своей дочке Младене накануне ее похода в Рубикяй. Тем же вечером к нему внезапно подошел Владимир, его старший сын, и без единого слова протянул свой учебник географии с литовскими картами, и убежал. На этой карте Прошка первым же делом нашел село Рубикяй Аникщяйского района Литовской ССР и сразу же понял, что проблема ориентации решена. Теперь он знал, где они находятся, оставалось только проложить маршрут, заводить двигатель КВ и отправляться в путь на родину. Но к этому времени он несколько расслабился и почему отправление в путь перенос на следующий день, вечер!

3

Первая мина разорвалась в метрах двадцати за пределами усадьбы Томкасов. Вслед за этим длинной очередью разразился пулемет Алексея Мальцева, который со своей верхней позиции, видимо, видел позицию вражеских минометчиков. В результате, двое убитых и двое раненых полицейских, которые кричали и плакали, умоляя о медицинской помощи. Стрелять же по целям из минометов с закрытых позиций литовские полицейские, по всей очевидности, не умели, или сам миномет у них оказался в единственном числе, минометный огонь прекратился. По крайней мере, шаулисты больше не высывались из своих укрытий, а многие начали окапываться. Тут и там взметались небольшие комки земли, выбрасываемые саперными лопатками.

Больше для того, чтобы показать, что с ним ничего не случилось, а не с целью нанести большего ущерба живой силе противника, Прошка прошелся длинной очередью по вражеской цепи. Одна из пуль попала в саперную лопатку одного из окапывающихся полицейских, и она с громким звоном отлетела далеко в сторону. Это оказало удручающее действие на других полицейских. Литовские полицейские не привыкли иметь дело с людьми, которые оружием могли за себя постоять, поэтому вскоре Прошке пришлось наблюдать задницы, нескольких десятков шаулистов уползающих прочь от

линии огня.

Но лейтенант Жакаускас сумел-таки сохранить контроль над своей полицейской ротой, заставив всех своих верных полицейских вернуться в цепь и начать рыть для себя окопы и укрытия. Он только что по радиации связался и переговорил и с немецким военным комиссаром Аникщяйского района, отрапортовал о том, что его рота попала в сложное положение, и ведет бой с пятью вражескими пулеметчиками. В последнем он немного приврал, но количество пулеметов, имеющихся у врага, впечатлил немецкого капитана Финке. Тот в ответ пообещал лейтенанту Жакаускасу помощь двумя немецкими бронетранспортерами с двумя отделениями немецких солдат своего охранного батальона.

В этот момент какая-то внутренняя сила толкнула Прошку и заставила его обернуться и посмотреть, что за дела творятся на дворе усадьбы Томкасов. Детворы и деда нигде не было видно, видимо, Клаудии удалось ребят загнать подпол, а вот старик куда-то пропал. Сам Гедемин о чем-то беседовал с супругой, они находились на необстреливаемой стороне дома. Затем он нагнулся, поднял с земли и зачем-то взял в руки топор, крадучись направился к той стороне дома, на которой находилась лестница, ведущая на чердак.

Прошке хотелось крикнуть, зачем литовец это делает, но в этот момент внезапная мысль остудила его порыв. Разумеется, любому чудаку понятно, зачем человеку с топором в руках нужно лезть по лестнице на чердак, где в этот момент

укрывались два его друга. Один ранен, а другой слишком увлечен боем, чтобы следить за своими тылами у Прошки же нет средств связи предупредить друзей о приближающейся опасности.

Проход Ломакин взял свой пулемет в руки, перевернулся на спину и по траве скользнул в лощину. Там встал на ноги и прицелился, но пулемет это вам не снайперская винтовка, и нажал спусковой курок. Коротко звякнула пулеметная очередь в три патрона, а затем вторая такая же, Гедемин Томкас взмахнул руками, выронил из них топор и головой вниз полетел с лестницы. Дико и протяжно закричала Клаудия, а Прошка снова был уже наверху и шаулистов снова поливал короткими пулеметными очередями. Те снова зашевелились и попятнулись назад. Если пулеметчик бьет такими короткими очередями, значит, он хорошо видит цели и будет точно по ним стрелять.

Из своей норы укрытия выскочил лейтенант Жакаускас и начал матерно, по-литовски, поливать своих героев полицейских, требуя, чтобы они снова вернулись в укрытия. Последними двадцатью патронами Прошка прошелся по лейтенанту Жакаускасу и сопровождающим его полицейским. Ему показалось или это было в действительности, что среди этих сопровождающих лейтенанта лиц был и Витаускас Томкас. Патроны в пулемете закончились, Прошка брал с собой один только цинк на 250 выстрелов, он бросил МГ-34 на землю и бросился бежать к усадьбе. Жаль было, конечно, бросать та-

кой хороший пулемет, но в данный момент Прошка должен был, как можно быстрее добраться до друзей. А десять килограмм МГ34 могли бы только затянуть время его бега.

Услышав выстрелы и увидев бегущего к дому Прохора, Алексей Мальцев тоже открыл огонь из своего пулемета, внося большее смятение в ряды шаулистов. Крика лейтенанта Жакаускаса к этому времени уже не было слышно на поле боя.

Подбежав, запыхавшись, к лестнице, ведущей на чердак дома, Прошка первым делом увидел Клаудию, которая на себе тащила раненого мужа. У Гедемина были перебиты обе ноги, но одна пуля, похоже, попала в крестец, что говорило о том, что вряд ли этот литовский мужик в ближайшее время поднимется на ноги. В наше время жизнь она стала такой, когда за все приходится рано или поздно платить. Вот и в этом случае, Гедемин и его семейство предали троих простых парней, русских. Вы можете сказать, что они защищали свою родину, Литву, что боролись за свою независимость. Но причем здесь независимость и эти три простых русских парня, случаем или волею случая занесенных в военную Литву, И плата Гедемина за предательство оказалось чрезвычайно жестокой, он стал парализованным ниже пояса инвалидом до конца своей жизни.

Прошка даже не посмотрел в сторону Клаудии и Гедемина, еще на бегу он знаками руки начал Сергею Мышенкову, который в этот момент выглядывал с чердака, показывать,

чтобы он вместе с Алексеем Мальцевым слезал с чердака. Больше делать на этой мызе было нечего, следовало бы, как можно быстрее, отсюда убираться. Сергей согласно закивал головой, сбросил свой пулемет, снаряженный пятидесяти патронной лентой, на руки Прошке и отправился за Алексеем Мальцевым, все еще ведущим огонь из пулемета. Вскоре огонь прекратился, и по лестнице начали спускаться сначала Мышенков, а затем Мальцев с пулеметом через плечо.

– Вы двое, как можно быстрее добираетесь до танка, сразу залезайте в люки и начинайте прогревать двигатель, а буду вас сзади прикрывать. Сережа, а ты уверен, что сможешь за рычагами посидеть, а то, давай, на мое место, а я поработаю на твоём месте. Сегодня нам простоит, много пройти по литовским дорогам. Нужно оторваться от полицейских и не позволить им нас преследовать.

– Все нормально, Проша, все нормально. Я пока еще, конечно, слабоват, но на первых порах могу посидеть за рычагами и отсюда вырваться, а там посмотрим, как наши дела будут складываться.

– Хорошо, согласен. Вы ребята начинайте двигаться, а вслед за вами.

Самым трудным отрезком пути до КВ был участок пути от усадьбы Томкасов до окраины леса. Мышенков и Мальцев двинулись к лесу, прикрываясь домом и хозяйственными строениями мызы усадьбы.

Прошка с пулеметом наперевес решил проверить, что же

творится на левом фланге его обороны, словно предчувствуя опасность, двинулся в ту сторону, прикрываясь хозяйственными постройками подворья. Но за первым же углом, он нос в нос сталкивается с двумя шаулистами со шмайзерами в руках, причем один из них уже сворачивал колпачок в рукоятке гранаты М-24⁷. От полной неожиданности Прошка судорожно сжал спусковой курок МГ34 и двадцатью пятью патронами обоих полицейский превратил в трупы. То ли в падении полицейский выдернул чеку из гранаты, сильно дернув за шелковый шнурок с фарфоровым шариком, то ли пулеметная пуля заставила сдетонировать гранату, она взорвалась. Прошка едва успел отпрянуть до взрыва гранаты М-24 назад за свой угол здания.

Когда он снова посмотрел обратно за угол, то увидел горящий сарай, в котором Гедемин Томкас, по всей очевидности, хранил керосин. Прошка мгновенно понял, что, если сейчас не погасить этот пожар, то сгорит вся мыза усадьба Томка-

⁷ **Граната 24** поступила на вооружение германской армии в 1916 году и просуществовала без изменений обе мировые войны. Общий вес гранаты 500 грамм, т.е. она на 100 грамм легче нашей гранаты Ф-1("лимонка"). Такой вес в сочетании с удобной ручкой и рациональным размещением центра тяжести обеспечивает дальность броска солдатом средних физических возможностей на 35-40 метров. Хорошо подготовленные и физически крепкие гранатометчики бросают гранату в цель на дальность 60-65 метров. Общая длина гранаты 35.6см., диаметр корпуса 6см, длина деревянной рукоятки 27.5 см. В таком виде граната применяется как наступательная. Для использования ее в качестве оборонительной на корпус надевалась рубашка из довольно толстого металла или металлокерамического состава

сов. Он вернулся назад и, подойдя к Клаудии, сказал:

– Бросай Гедемину и спасай детей, через пять минут ваша усадьба сгорит. Ее тушить некому.

Затем повернулся к женщине спиной и побежал к лесу.

А у КВ в этот момент шел бой.

Лейтенант Жакаускас оказался неплохим тактиком, он все же послал полувзвод своих полицейских шаулистов в лес на перехват красноармейцев, а те, разумеется, наткнулись на танк. Этим полицейским никто не говорил о том, что у красноармейцев, которых приютила и сдала полицейским семья Томкасов, может иметься танк. Поэтому они решили, что этот танк был брошен отступающими частями РККА, а они его нашли. Теперь этот танк они могут сдать немцам, а те в свою очередь их за это наградят, да и деньжонок подвалят. Некоторые полицейские взобрались на броню танка и прикладами винтовок попытались сбить контрольные гайки с люков башни, а некоторые толпились с ним рядом.

Мальцев, увидев такое безобразие, ему совершенно не понравилось, чтобы более десятка литовских полицейских толклись бы на его любимом танке, все пятьдесят патронов выпустил по этим радующимся полицейским. Да еще подбежавший к танку немного с другой стороны Прошка из своего пулемета выпустил еще половину ленты по этим полицейским. Только три или четыре оставшиеся в живых полицейские сумели убежать и скрыться в лесу.

Первым на броню танка вскочил Прошка и заранее заго-

товленным гаечным ключом отвернул контрольные гайки обоих люков башни. Ловко нырнув к горловину старого люка, он через секунду открыл люк механика-водителя и помог Сергею Мышенкову расположиться на своем сиденье, натянул ему на голову танкистский шлемофон и подключил его ПТУ.

– Запускай двигатель и грей его, а я пока избавлюсь от трупов полицейских.

КВ, что называется, завелся с полуоборота, Прошка выскочил на броню танка и начал трупы полицейских сбрасывать с брони в сторону от танка. Затем спрыгнул на землю и оттащил в сторону трупы тех полицейских, которые лежали на пути следования танка. Затем на всякий случай подобрал с земли штуки три винтовки СВТ40 и небрежно забросив их на броню танка, сам полез на танк на свое место, командира танка. Уже сидя в своем удобном кресле, он скомандовал:

– Серега, давай трогай! Следуем обратно на шоссе, с которого свернули на лесную дорогу два дня назад.

– Ну, слава богу, отвоевались! Показали этим литовцем, где раки зимуют!

Подключился к разговору лейтенант Алексей Мальцев, а затем он поинтересовался

– Прош, а что эта за карта с двумя цветными линиями по ней бегущими?

– А ты, дружище, пораскинь мозгами, – подал голом Сергей Мышенков, – желтая линия, которой нам следует ехать, а синяя точка на ней, это наш танк, не правда ли, Проша?!

– Да, ты прав. Это теперь наш машрутизатор! Помимо этого у Сереги перед глазами теперь имеется монитор, на котором он видит сверху дорогу с разъездами, съездами.

При выезде на шоссе, ведущим к Укмерге, танк КВ столкнулся с двумя немецкими бронетранспортерами SdKfz 251, десантные отсеки которых были забиты немецкими солдатами. Сергей Мышенков сходу подмял один под себя, а второй сильных толчком сбросил в кювет, где тот перевернулся и загорелся от начавшего выливаться из топливного бака бензина. Сергей Мышенков впервые за это время улыбнулся, он был очень доволен тем, что и на его счету появились первые результаты.

Глава 5

1

Две ночи прошли в движении, в первую же ночь дошли до Укмерге и обошли город далеко стороной. Во вторую ночь подошли к городу Пабайска, примерно, к трем часам утра, его также обошли далеко стороной. Но уже под самый рассвет ИскИн танка, который Прошка соорудил из своего планшетника, донес о том, о том, что в небе в трех километрах от них кружит фронтовой разведчик «Фокке-Вульф 189»⁸. Естественно, Прошка поинтересовался, что же это такое фронтовой разведчик, и ИскИн тут же выдал ему небольшую справочную информацию. После чего Прошка понял, что это их ищут немцы, и ищут на высоком профессиональном уровне. Не смотря на то, что их КВ двигался полным бездорожьем и только по ночам, видимо, кто-то из литовцев их все-таки видел и об их появлении в этом районе успел донести немцам.

Они снова забились в глубину лесу, куда только мог залезть их КВ. Сверху на танк набросали кучу веток и хвойных лап, превратив свой танк, таким образом, что он превратил-

⁸ «Фокке-Вульф 189» («Рама») – двухмоторный двухкилевой трёхместный тактический разведывательный самолёт. Первый полёт совершил в 1938 году, начал использоваться в 1940 году, и производился до середины 1944 года. Самолёт прекрасно себя зарекомендовал в разведывательных операциях во время Второй мировой войны.

ся в гигантскую кучу хвороста. Опустили и на замок закрыли оба верхних люка, после чего крепко заснули. Прошка проснулся от пиликанья ИскИна, он сразу посмотрел на монитор внешнего обзора, но там была статичная картина леса. Тогда он запросил ИскИн, в чем дело, и тот тут же выдал бегущей строкой информацию, в которой говорилось о том, что приближается вооруженная группа людей, которая пройдет в опасной близости, в трехстах метрах пройдет от танка.

В этот момент на мониторе внешнего обзора дрогнули ветки, из кустарника на поляну вышел человек с винтовкой в руках, который он начал осматриваться и внимательно оглядываться вокруг. Прошка ухмыльнулся про себя и подумал, что осматриваться надо прежде, чем выходить из кустов. Да и этот человек выглядел несколько чуждым порождением леса, вслед за первым человеком, из лесу появился второй, третий и четвертый человек. Всего собралось семь человек, только трое из них имели винтовки. И чуть ли не в центре поляны они устроили совещание, что-то друг другу доказывая.

Чистым сапогом Прошка коснулся плеча Алексея Мальцева и его разбудил:

– Леш, посиди и посмотри кругом, а мне нужно в разведку смотаться. Здесь какие-то сумасшедшие собрались, и совещание прямо на поляне устроили. Надо посмотреть, пока бы они немцев на нас не навели!

– Хорошо! Иди и посмотри! А я тут около бани на свежем воздухе посижу. Табачку бы курнуть. Два дня без курева, это смерти подобно. – Простонал Мальцев с пулеметом в руках, вслед за Прошкой выползая из люка башни.

А Прошка, словно лось, только без шума неся к поляне с людьми. Вскоре послышался смешанные русско-литовские слова жаргона, на котором общались эти люди. Причем, они мало заботились о громкости своего разговора, поэтому их разговор слышал все, кто в этот момент находился в лесу.

– Aaron uga pakankamai mums laikyti mūsų vaikai uga pasirengę, ir mes turime...⁹

– Елизар никто тебя не держит, но ты же сам видишь, кругом одни немцы. Куда не шагнешь одни только немцы. Ведь ведь они, Елизар, с тобой и твоей Деборой и твоими четырьмя сыновьями шутить не будут, а сразу пистолет к затылку приставят.

– Мужики прекратите спорить, да еще на открытом месте. В лесу голоса далеко слышны.

– Причем здесь, голоса! Нам хлеб и овощи детям нужны.

Прошка стоял в кустах за спинами этих мужиков и колебался. Он не знал, как ему поступать в этом данном случае. Выйти из кустов и каким-либо образом помочь литовским евреям, наверняка, привлечет внимание литовских полицейских и немцев. А немцы это смогут связать с нахождением

⁹ – Аарон хватит нас удерживать, наши дети есть хотят и мы должны... (перевод с литовского языка).

его танка в этом регионе. Но и оставаться ему в стороне может привести к тому, что эти мужики вместе со своими семьями вскоре попадут в лапы немцев. Если они к тому же и дальше будут себя продолжать вести так открыто и безалаберно себя в лесу, то их обязательно вскоре обнаружат. А ведь лес мог бы стать, хотя бы и на время, этим людям надежным домом.

Одно только Прошка совершенно точно знал, эти люди ни в коем случае не должны были бы видеть их танк. В этот момент он страшно жалел о том, что не установил со своими ребятами возможность с ними общаться в любую секунду. Этого его стеснительность и не желание лезть в мозги друзей, чтобы немного подкорректировать деятельность мозжечка, была этому причиной. А сейчас ему было бы так хорошо по этому вопросу посоветоваться с своими друзьями, которые остались в танке. Но все же оставлять этих бедных людей в опасности было бы худшей альтернативой, он собрался с духом и вышел из кустов.

– Здравствуйте, господа литовские мужики, – сказал Прошка, обращаясь ко всем мужикам сразу, – проходя мимо, я услышал ваши голоса и решил выйти, чтобы вам посоветовать, тише разговаривать. Не стоит также вести разговор на лесной поляне, когда вы всем видны, а сами вы не видите того, кто вокруг вас находится в лесу. Как это случилось со мной, я услышал ваш разговор и сумел незаметно к вам подкрасться.

– А вы, кто такой, уважаемый господин красноармеец, пленный или уже бежавший из плена красноармеец?

Поинтересовался один из семи мужиков. Ни один из них, кто был вооружен винтовкой, даже не выставил ее перед собой. Видимо, эти литовцы забыли о существовании своего оружия и о том, что только винтовка может помочь им отстоять свою свободу и свободу своих семей в эти лихие военные времена.

– Я из бежавших красноармейцев и хочу, как можно быстрее, покинуть эту Литву. Поэтому не могу остаться с вами, вам помочь научиться жить и сражаться в лесу. Все, чем я могу вам сейчас помочь, так это подарить вам свой пулемет и этот цинк с патронами к нему. Сейчас, при мне вы выберите себе командира. И опять-таки при мне, вы поклянетесь в том, что будете ему беспрекословно подчиняться. А вручу ему этот свой пулемет и патроны. Затем ему одному расскажу о том, как следует вести себя в лесу и сражаться с немцами. Только тогда вы сможете прокормить свои семьи и остаться на свободе.

– Оставайся с нами. Мы выберем тебя своим командиром и будем тебе охотно тебе подчиняться. Среди нас нет никого, кто служил бы в армии. Один только Яшка цыган утверждает, что он служил в русской артиллерии, но ему столько лет, почти пятьдесят.

Что-то в этот момент тренькнуло в сердце Прошку, словно проснулся его внутренний ИскИн, который хотел бы пре-

дупредить его о том, что на Яшку цыгана следует обратить внимание.

– Где этот Яшка, мне нужно срочно переговорить с ним?!

– Сейчас позовем. Вечно этот цыган плетется вслед за нами и прячется.

Один из литовцев скрылся в кустарнике. и вскоре оттуда вышел еще с одним мужиком, который весь зарос черным волосом с головы до плеч и бородой. Этот черноволосый мужик держал в руке наган, исподлобья смотрел на собравшихся мужиков и молчал. Увидев Прошку, он только, молча, кивнул ему головой в знак приветствия.

– Здравствуйте, Яков! – Вежливо поздоровался Прошка.

– Мое имя Прохор Ломакин, я в прошлом танкист. Убежал из плена и сейчас пробираюсь в Белоруссию. Увидел ваших друзей, и меня сильно обеспокоило их поведение, так громко разговаривать и так не аккуратно вести себя в лесу, нельзя. Очень скоро немцы узнают о вашем существовании, найдут ваш лагерь и уничтожат. Поэтому поговорив с вашими товарищами, я предложил им создать партизанский отряд...

– Какой партизанский отряд... Нам не нужны никакие отряды... С немцами мы не будем сражаться! – Тут же послышалась разноголосица со стороны мужиков.

– Тихо, вы, одурь еврейская! Все по блату не сделаешь, немцы в районах Литвы одну за другой проводят еврейские чистки, вырезая еврейские династии до третьего колена! А

вы все, мы с кем угодно договоримся! У нас деньги есть, кого угодно купим! Шиш вам, а не деньги! Гитлер немцам приказал, всех евреев вырезать! Они люди большие аккуратисты вырежут и всех вам по одному вырежут, поверьте мне?! Вы этого парня слушайте, он вам дело говорит. Надо от немцев прятаться, продукты для своих семей, бежавшие в леса, заготавливать. И потихонечку, понемножечку немцев, втихую, резать, чтобы особо не бросалось в глаза.

Потребовалось три часа на то, чтобы уговорить литовцев на формирование партизанского отряда и на назначение Якова Цыганова, майора артиллериста РККА, командиром этого отряда. Затем целый час Прошка проговорил с майором Цыгановым по тактике действия партизанского отряда во вражеском тылу. После этого была проведена торжественная церемония введения в должность командира первого еврейского партизанского отряда майора Цыганова с вручением личного пулемета и к нему двухсот пятидесяти патронов.

Перед самым расставанием майор Цыганов отвел Прошку и сторонку и тихо у него поинтересовался:

– А ты случайно, Проша, не из тех ли парней, которые в Укмерге восстание подняли и немцев хорошенько здорово побиили. Восемнадцать немецких танков в один только день укокошили. Немцы до сих пор вас разыскивают и большую награду в дойсчмарках обещали любому тому, кто сообщит, где вы находитесь!

Проход Ломакин не стал отвечать на этот вопрос, а креп-

ко пожал руку майор и скрылся в лесу. Когда он появился у танка, то прямо-таки взбешенные столь долгим ожиданием его возвращения из разведки, а главное переживанием за его судьбу, Сергей Мышенков и Алексей Мальцев набросились на Прохора с укорами и упреками. Столь долгое время отсутствовать и ни единой весточки о том, где ты и когда вернешься, их обоих достали до живого! Тогда Прошка решился и предложил друзьям провести небольшую операцию, но предупредил их о том, что между ними больше не будет тайн и секретов.

В эту ночь КВ прошел маршрут от Пабайскаса до Гедрайчяйюса, около семидесяти километров.

2

Очередная ночь пребывания экипажа танка КВ в Литовской Советской Республике подходила к концу, рассвет уже золотил пока еще темные небеса. Солнце уже преодолевало терминатор, очень скоро оно должно было занять свое положенное место на небосклоне. Наступало утро очередного дня, 10-го июля 1941 года.

Проход Ломакин сидел в своем командирском кресле, широко зевал в преддверии близкого сна. Через пять километров они, Проход Ломакин, Алексей Мальцев и Сергей Мышенков – экипаж машины боевой, должны были остановить свой танк и пару часиков поспать. А до этого времени им втроем было бы желательно решить одну дилемму, которая так неожиданно встала перед ними. В перегонах по Литве из-за не очень-то высокой скорости танка, всего сорок километров в час, была использована вся солярка из четырех верхних бочек по триста литров каждая, которые были закреплены на корме танка. Оставались два основных топливных бака, общей емкостью в шестьсот литров. Этой солярки с лихвой хватило бы на то, чтобы пересечь, даже с боем, литовско-белорусскую границу. Но сразу же после этого они могли бы оказаться в опасном цейтноте. В Белоруссии некоторое время их могли бы преследовать немцы, так как в любом случае границу им придется пересекать с некоторым

шумом.

В этом районе Литвы оказалось слишком много болот, озер и небольших рек. Эту ночь танк КВ из-за своего сорока пятитонного веса был вынужден придерживаться больших и накатанных дорог. Практически единственным местом безопасно переправиться в Белоруссию для него стал небольшой литовский городишко Пабраде, расположенный на шоссе Вильнюс – Швенченис, Только в этом волостном городке имелись железобетонные мосты, способные выдержать вес их тяжелого танка, через реки Дубинга и Жеймяна.

Мнение экипажа танка разошлось по следующему вопросу. Командир танка Прохор Ломакин предлагал, предварительно провести разведку этого городка, найти там заправку соляркой и во время прорыва через город и мосты, заправиться соляркой и уходить в Белоруссию. Принимая во внимание тот факт, что Пабраде совсем небольшой городок, всего около пяти тысяч жителей. Разведку проводить в вечернее время, а это означает, прорыв танка через этот городок переносится на сутки позже. Очевидный выигрыш этого варианта, в начале своего движения по Белоруссии КВ будет иметь солидный запас горючего и ему будут не страшны все другие неприятности.

Наводчик оружия Алексей Мальцев считал, что им бояться нечего и следует уже сегодня ночью порываться через город. Наша советская Белоруссия красноармейскому экипажу танка КВ всегда поможет. А вот еще дополнительные сутки

провести во вражеском тылу у городка Пабраде весьма creatively. Если литовцы их обнаружат и сдадут немцам, то им прорываться придется днем, что может привести к тому, что немцы могут бросить на них штурмовую авиацию.

Прошка внимательно прислушался к своему ИскИну, но тот пока молчал, что означало, что в районе километра у танка не было ни одной живой души.

– Сергей, давай, съезжай с дороги, и танк загоняй в какой-либо кустарник. Хватит, и нам пора поспать немного. – Лениво подумал Прошка.

– Хорошо, Прохор! Сделаю, как ты приказываешь! Ну, а что мы все-таки решили насчет разведки или прорыва через этот городок?

– Сережа, не сердь меня, – подал голос в мысленном диапазоне Мальцев, – мы с Прохором уже высказались по этому поводу. Это ты все своим хвостом вертишь, и так хорошо, и так тоже хорошо! Прими решение и нам доложись до отхода ко сну. Нам же всем троим, спокойнее спать будет.

Операция над мозгами своих товарищей, проделанная Прошкой в Пабайскесе принесла великолепные плоды и отличный результат. Не смотря на расстояние, все трое теперь хорошо слышали друг друга. Теперь им совершенно не требовалось переговорное танковое устройство, которое они за ненужностью отключили. Одним словом, все трое были более чем удовлетворены результатами этой операции, которая выразалась тем, что Прошка кончиками своих пальцев

коснулся их висков. Вот и сейчас все трое уже знали о том, что в конечном итоге пройдет Прошкин вариант прорыва. В самую последнюю минуту перед сном механик-водитель Мышенков сообщит о своем решении в пользу варианта командира. Но это так приятно со своими друзьями вместе поломать головы над решением серьезной проблемы.

Прошка по своему характеру был жаворонком, любил просыпаться рано и, несколько минут понежившись на кровати, бежать рано поутру искупаться в речке. Вот и сегодня он снова проснулся в пять часов вечера, оба друга его еще сладко посапывали. Мышенков любил поспать, растянувшись вдоль левой стороны башни, где по новой компоновке находилось место заряжающего орудия. Но так, как такового у них не было, то это место было всегда свободно. А Прошку, как только он открыл глаза, потянуло на речку, смыть себя повседневный пот и дорожную пыль. Четыре дня они уже провели в танке и неделю не мылись после последнего душа в раздевалке танковых ремонтных мастерских учебного центра.

Выйдя из танка, он сделал комплекс утренних упражнений и решил немного пробежаться, не выходя за радиус действия сторожевой системы ИскИна. Прошка ухмыльнулся, когда вспомнил, как были поражены Сергей и Алексей, узнав о существовании компьютера, транзистора, ИскИна и сторожевой системы. Теперь по ночам, когда траки танка наматывали километр за километром дорог, все трое слушали аме-

риканские блюзы, выпуски Совинформбюро и аргентинское танго. В такие минуты им не верилось, что на другой стороне их планеты люди не воюют друг с другом, а наслаждаются жизнью и рожают детей.

Бежать кросс Прошка решил по кругу, долгое время препровождение в танке давало себя знать. Мускулы ног становились слабыми, и кросс был лучшим лекарством для их излечения. Он уже заканчивал свой круг бега, когда впереди показалась река. Но река оказалась за пределами зоны безопасности, к тому же Прошка не взял с собой никакого оружия. Поэтому он уже решил возвращаться к танку, когда услышал два голоса, беседующих на немецком языке. Прикрываясь кустами, Прохор подполз к месту, откуда слышались голоса, рукой тихо отклонил ветвь кустарника в сторону и всмотрелся в открывшуюся картину. Одновременно с этим Прошка мысленно связался с Мальцевым, рассказал ему, где он находится и попросил пока за него не беспокоиться.

На противоположном берегу два молодых немецких парнях загорали и купались на противоположном берегу то ли реки Жеймяны, то ли реки Дубинги. Они расстелили большой кусок брезента на берегу, побросали на него много полотенец и загорали, лежа на этих полотенцах. Прислоненным к дереву стоял мотоцикл, на котором они подъехали на берег, на сиденьях которого была аккуратно сложена немецкая форма.

Парни пили шнапс прямо из бутылки и жаловались на

свою несчастную судьбу. Оказывается, сегодня в городе они познакомились с двумя литовскими девушками и с ними договорились о том, что в субботу вместе отправятся позагорать на берег реки. Но вот прошли все мыслимые и немыслимые сроки, а девчонки так и не появились. Видимо, родители их не пустили! Эти немецкие парни настолько расстроились этим обстоятельством, что заливали свое горе немецкой водкой. Причем, эта бутылка не была первой и не второй, две пустые бутылки валялись у самого среза воды. Да и голоса парней были далеко не трезвыми.

Тогда Прошка решил попробовать, на каком расстоянии он может эффективно оперировать своими мыслями. Он попытался виртуально преодолеть реальную водную преграду и своей мыслью коснулся головного мозга одного из парней. Причем, он оказался таким неопытным в этом предприятии, что не мог решить и определить, головного мозга которого из парней ему удалось коснуться.

Довольно таки легко он прошелся по чужому сознанию, на каком-то этапе этого соприкосновения с чужим сознанием в его мозг полилась информация, хранимая другим мозгом. Эта была вся информация о человеке, его рождение и детство, учеба в школе и конфликты с родителями, армия и служба в ней. Поток этой информации был готов забить весь оставшийся свободным объем информации в головном мозгу Прошки. Каким-то чудом ему удалось прекратить этот поток бессмысленной и совершенно ненужной ему ин-

формации. Он машинально заявил, что его интересует сам городок Пабраде и если в нем танковая заправка соляжкой. Незнакомый и неузнаваемый голос ему ответил, что в этом вшивом литовском городке танковой заправки нет и быть не могло. Но имеется большая база с горюче смазочными материалами, где хранятся большие запасы довоенной соляжки. Тут же в его сознании возникла схема Пабраде со всеми улицами и переулками, на Малиновой улице замигала красная точка и начали демонстрироваться кадры подъезда к этой базе.

В этот момент Прошке удалось связаться с ИскИном, чтобы тот скопировал всю эту получаемую им картину изображения.

Перед выходом из чужого сознания, чисто из вежливости Прохор поинтересовался, а не мог ли незнакомец показать ему городские мосты и с птичьего полета. Тут в Прошкином сознании возникла панорама сверху всего городка Пабраде. Затем что-то мигнуло, связь в мысленном диапазоне прекратилась. Тело одного из немцев выгнулось дугой и начало странно изгибаться, словно с ним случился эпилептический припадок. Он слетел с полотенец и упал в воду.

Прошка не стал дальше наблюдать за тем, что же будет происходить с этим несчастным немцем, которого обманули литовские девушки. Он поднялся на ноги и рысцой потрусил к товарищам, в связи с изменившимися обстоятельствами им можно сегодня вечером порываться в Белоруссию.

Когда он подбежал к танку, то два его друга уже обсуждали изменившиеся обстоятельства. Но даже такой великий спорщик и нигилист, как Алексей Мальцев, не видел ничего плохого в том, чтобы уже сегодня вечером прорывался через Пабраде. Оба дико удивились неожиданному приказу Прохора, заводить двигатель танка и идти на прорыв границы.

3

В те времена Пабраде или Подбродзье ничем не отличалось от любого большого литовского села, которое постепенно перерастало в небольшой провинциальный грязный литовский городишко. Что касается Пабраде, то оно, возможно, навсегда бы осталось ничем не примечательным селом, если бы не строительство железной дороги Санкт-Петербург – Динабург – Вильно – Варшава в 60-х годах прошлого века. Железная дорога принесла жизнь и экономическое развитие в эту глухую литовско-польскую провинцию.

Пыльные и в большинстве случаев не мощеные литовские дороги все-таки не были такими ухабистыми и развороченными, как в Белоруссии и России. Поэтому КВ катил по Малиновой улице и мало кто из литовцев обращал на него внимания. Да и прохожих в этом селе-городке было совсем мало, одна только детвора возилась во дворах, а их родители находились в доме. Отдельные же прохожие, литовские крестьяне мало обращали внимания на этот движущийся по своим делам танк. Сегодня танки это дело немцев, а с ними, не смотря на то, что они освободители Литвы, лучше не иметь никакого дела.

Прошка пролез через горловину своего командирского люка и сидел на башне со шлемофоном на голове. Он внимательно посматривал по сторонам, опасался, как бы им ни

пропустить этой базы с горюче-смазочными материалами. Вот показался и знакомый поворот налево, Сергей Мышенков вовремя повернул и танк вскоре уперся в какие железные ворота. КВ замер у ворот, а Прошка, уже стоя на броне танка, пытался посмотреть через ворота, чтобы найти хоть одну живую душу, которая могла бы отпереть эти ворота. Ему очень не хотелось поднимать шума, корпусом танка протаранив.

– Чего, господа немцы, желают получить на базе в такое нерабочее время? Господин директор дома и у него все ключи от базы.

Вдруг послышался голос человека, говоривший на смеси литовского и немецкого языка. Прошка посмотрел через плечо и увидел литовца среднего возраста и средней комплекции. Ему почему-то особенно бросилось в глаза, мокрые и прилизанные волосы на голове этого литовца.

– А ты, кто ты такой?

Спросил Прошка, направляясь к литовцу и только сейчас вспоминая, что у него нет никакого оружия. Эта чертова беспечность, и вера в то, что за броней этого танка тебе ничего не угрожает, когда-нибудь доведет до не хорошего!

– Господа немцы, а вы... – ведь пане красноармейцы?!

С глубоким ужасом в голосе и страшной гримасой на лице воскликнул литовец, повернулся к Прошке лицом, и собрался уже совсем бежать встретивший их литовец. С большим трудом Прошке удалось в несколько прыжков его до-

гнать и схватить за шиворот. Он тут же проник в сознание этого литовца и вся картина тут же выяснилась. Перед ними был литовский полицейский, который в будние дни сидел в сторожевой будке и охранял базу. В кармане его субботнего пиджачка, полицейский вышел из дома, чтобы немного прогуляться перед ужином и ночным сном.

С танка соскочил Алексей Мальцев, он из-за постоянно действующего обмена мыслями между ними троими был полностью всего происходящего. Алешка подошел к литовцу, залез к нему в карман и достал ключ от замка ворот базы.

База горюче-смазочных материалов была забита бензином, керосином и соляжкой. Бочки были аккуратнейшим образом рассортированы по литражу и содержимому и расставлены по разным местам.

Прошка с трудом нашел веревку и ее крепко привязал полицейского к одному из столбов, а затем занялся поиском соляжки. Но искать особо не пришлось, вскоре он и Мальцев стояли у большого количества бочек с соляжкой и задумчиво чесали свои затылки. Близок локоток, как говорится, а вот как его укусить, если все двухсотлитровые бочки стояли на земле, а их нужно было поднять почти на полуметровую высоту. Слава богу, что Мальцев оказался более догадливым, чем Прохор, и интереса ради проверил еще не разгруженный автомобильный прицеп, стоявший неподалеку. Прицеп оказался загружен восемью бочками чистой советской соляжки.

Но и Прошка тоже оказался не дурак, он попросил Мышенкова развернуть танк и кормой его подать к погрузочному столу. Взобрался на моторное отделение танка, там он открепил и сбросил на землю четыре пустых бочки, а на их место закатил четыре полных бочки и подключил их к топливной системе питания. Затем Сергей Мышенков свой танк развернул так, чтобы Прошка с Алексеем прицеп с бочками намертво прикрепил к буксирным крюкам танка. Затем экипаж танка в полном составе снова обошел весь склад-базу, в этот момент у парней в голове билась одна мысль о том, как эту «драгоценность» можно было бы оставлять в руках врага?! С помощью ветоши и бензина они в нескольких местах базы соорудили зажигательные фугасы и неторопливо отправились к танку, двигатель которого продолжал работать на холостом ходу.

– А что будем делать с этим литовским полицейским?

Вдруг поинтересовался Мальцев, все трое мгновенно над этим задумались, на секунду представив себе, как может гореть в огне живой человек. Поежившийся плечами Алексей Мальцев предложил:

– А может быть, мы лучше его отпустим! Что он нам может сделать, мы ведь на тяжелом танке!

В молчании друзей, почувствовав, одобрение своим мыслям, Андрей направился к литовцу и перерезал веревку, который он был связан.

– Уходи! – Словами произнес Мальцев. – И больше нам

не попадайся!

Полицейский стремглав сорвался с места и побежал к открытым настежь воротам базы. Остановился, повернулся лицом к парням в красноармейской форме и так, чтобы они слышали, сказал:

– Ненавижу, ... отомщу! Всю жизнь буду мстить! – И вскрылся за воротами.

Недоуменно пожав плечами, всякое в жизни случается, Мышенков и Мальцев полезли в люки занимать свои места. А Прошка помчался спичками поджигать подготовленные фугасы. Парни с этими фугасами немного не рассчитали, огонь, вспыхнувший на базе, оказался настолько силен, что едва не сожрал их прицеп с бочками солярки. Вернувшись на Малиновую улицу, КВ повернул налево и неторопливо отправился к Вильнюсской лице этого городка, а позади танка разгорался пожар на базе горюче-смазочных материалов.

Прошка снова сидел на башне и следил за улицей, по которой катил их танк. До выезда на Вильнюсскую улицу оставалось метров триста, когда с этой улице га Малиновую улицу повернулся немецких разъезд из трех мотоциклов с колясками и пулеметами в колясках. Алексей Мальцев мгновенно оценил обстановку и длинной очередью из танкового пулемета прошелся по мотоциклистам. Экипаж первого мотоцикла сразу же погиб, а мотоцикл докатился до забора и там остановился. Второй мотоцикл как-то сразу вспыхнул ярким пламенем, видимо, пуля попала в топливный бак, и

загорелся бензин. Рулевой этого мотоцикла успел соскочить с сиденья и убежать, а пулеметчик поник головой и не шевелился, когда пламя начало лизать его лицо. Третий же мотоциклист проявил чудеса вождения, он сумел развернуться и снова скрыться за поворотом вильнюсской улицы.

Встречный бой вылился в одну пулеметную очередь, которая, по всей очевидности, была услышана всеми жителями Пабраде. Улицы и дворы в мгновения ока опустели.

КВ дошел до поворота на Вильнюсскую улицу и, объезжая стороной горящий мотоцикл, повернул налево. Так же неторопливо, со скоростью, примерно, тридцать пять километров, танк почапал по направлению моста через реку Жеймяны. Через двадцать минут его движения, сзади танка и по его сторонам замелькали какие-то кавалеристы, которые прямо из седел стреляли по танку. А один такой парень умудрился и даже из ручного пулемета стрелять по КВ.

Присмотревшись, Прошка, который из-за этого обстрела был вынужден спрыгнуть в башню танка, увидел, что это были конные литовские полицейские. Он нагнулся, чтобы вытащить старый и добрый МГ34 и несколькими короткими очередями охладил пыл этих молодцов. Некоторое время продолжалось это непонятное преследование конными полицейскими советского тяжелого танка. Но вот впереди по Вильнюсской улице показалась баррикада, соорудившие ее, видимо, местные литовцы начали разбегаться. КВ миновал эту баррикаду и повернул направо по направлению моста.

В какой-то момент ИскИн Прошки отметил странное шевеление по левой стороне улицы от движения их танка.

Присмотревшись более внимательно, Прошкин увидел в полутора километрах немецкое Sturmgeschütz III¹⁰, ИскИн тут же принялся бормотать о технических данных по вооружению. Прошка и Мальцев поняли, что по Sturmgeschütz III орудию лучше стрелять с 1000 метров, но и орудие Artillerie-Schürm¹¹ опасно с этой же дистанции. Сережка Мышенков чуть подкорректировал направление движения танка, теперь KV двигался строго в направлении на Artillerie-Schürm. Немцы теперь могли стрелять по KV только в лобовую броню. Всем троим парням, членам экипажа KV, показалось, что время замедлило свой бег в этом первом для них танковом бою. Минута проходила за минутой, расстояние между машинами медленно сокращалось.

У членов экипажа немецкого Artillerie-Schürm первыми не выдержали нервы. Прошка хорошо видел, как ствол немецкого орудия полыхнуло пламенем выстрела, тут же набатным колоколом прозвонила башня. Снаряд 75 мм. Немецкого орудия не пробил лобовой брони советского KV. Тут же после-

¹⁰ **Sturmgeschütz III** – средняя по массе немецкая самоходно-артиллерийская установка класса Sturmgeschütz орудий времён Второй мировой войны на базе танка PzKpfw III. Серийно выпускалась в различных модификациях с 1940 по 1945 год и стала самым массовым по численности представителем бронетехники вермахта (выпущено 8636 самоходов с 75-мм орудиями).

¹¹ Такое название Sturmgeschütz орудие StuG III получило по классификации РККА.

довал выстрел орудия КВ, лейтенант Мальцев не выдержал напряжения боя и несколько поспешил с своим ответным выстрелом. К тому же он совершенно не ожидал, Арт-штурм сразу же после своего выстрела поменяет позицию. Немецкий экипаж это сделал, а советский 76 мм. Снаряд попал в литовский дом, перед забором которого стояло немецкое штурмовое орудие. Из дома слышали крики и вопли и на улицу начали выскакивать взрослые и дети.

– Блин, – мысленно вздохнул Алексей Мальцев, – а я не ожидал, что промахнусь в свой первый выстрел по немецкому танку.

Ц... и... н... к снова слышалось касание немецким снарядом лобовой брони КВ. Это StuG III дал второй выстрел по КВ, лобовая броня которого снова выдержало прямое попадание немецкого штурмового орудия.

– Ну, блин, держись немецкая харя!

Мысленно бормотал Лешка Мальцев, снова прицеливаясь, сейчас расстояние между машинами сократилось до девяносто метров. В какой-то момент он нажал педаль выстрела, громынуло танковое орудие, и над Арт-штурмом появился дымок.

– Попал!

Проревел Серега Мышенков и поддал ходу своему танку. Откинулись люки StuG III и на улицы полезли четыре фигуры в темной немецкой танковой форме. Мальцев, не задумываясь, выпустил по эти танкистам длинную очередь из

танкового пулемета. Когда они проезжали мимо пораженного немецкого штурмового орудия, то на земле рядом с горящим танком лежали два трупа.

Мост они пересекли в полном спокойствии и взяли направления на Белоруссию. Но из-за низменной и болотистой местности были вынуждены придерживаться накатанной дороги, где их ожидали три небольших сюрприза. Оказывается, как это выяснялось несколько позднее, предусмотрительные немцы, когда КВ бежал из их ремонтных мастерских. Решили на всякий случай противотанковыми пушками перекрыть и это направление. За Пабраде разместился взвод 37 мм противотанковых пушек, которые были просто не в состоянии пробить броню КВ. Но Лешке Мальцеву в свою очередь пришлось несколько помучиться, расстреливая расчеты этих пушек. Он потратил пять снарядом, чтобы покончить с этими немецкими противотанковыми орудиями.

Снова шестьдесят километров ночного передвижения. В три часа сорок минут утра танк КВ приблизился к белорусскому селу Комарово.

Глава 6

1

Война стороной обошла небольшую белорусскую деревушку под названием Комарово, которая была расположена всего в тридцати километрах от границы с Литовской Советской Социалистической республикой. В самом начале войны основные бои прошли в районе Минска, Лиды, Гродно, Бреста, где-то в сто шестидесяти километрах отсюда, а здесь прошли одни только немецкие тыловые части. Да и появились новые волостные и уездные власти. В деревне же начальствовали председатель колхоза и староста, которого немцы сами назначили.

Причем, если председатель колхоза, как был, так и остался пьяницей, дураком и самодуром, но он теперь подчинялся старосте и не имел уже прежней власти. Хотя каждый день, по-прежнему, выгонял людей, словно рабов, на колхозные работы, совершенно не оплачивая их поденную работу. Но новый староста оказался умным стариком, хотя он прежде не жил в этой деревушке, но за ее жителей становился горой. Однажды волостная полиция хотела навести какой-то порядок в Комарово и двумя ротами прибыла в деревушку, то дед Денис, так звали старосту, вышел навстречу полицейским и потребовал какой-то бумаги на ими творимый произвол. Командир батальона волостной полиции, бывший капитан Красной Армии Копытин, долго орал и потрясал ру-

ками на деда Дениса. Казалось еще немного и тот выхватить свой наган из кобуры и расстреляет деда. Но дед Денис достал из внутреннего кармана какую-то бумагу, ткнул ею в морду бывшему капитану, тот аж мордую позеленел от прочитанного текста на этой бумаге.

А дед Денис тихо и спокойно ему сказал:

– Убирайся отсюда, байстрюк недорезанный, и больше никогда в моем селе не показывайся!

С того времени авторитет деда Дениса поднялся на такую высоту, хоть нимб на его лысину одевай. Но он был действительно справедлив!

Сегодняшнее воскресенье, 12-го июля 1941 года, был обыкновенным рабочим днем. Бабка Матрена, в прошлом году она похоронила своего старика, после этого не любила долго оставаться одной. Утром в составе колхозной бригады она собирал клубнику для раненых немцев в белорусских госпиталях. После работы бабка Матрена попробовала уговорить Настеньку, молодую и говорливую девушку, не успевшую эвакуироваться, составить ей вечером компанию. Тогда они могли бы посидеть, потрепаться о своих бабьих проблемах, пропустить стопочку одну, другую стопочку первача, который Матрена научилась варить из картофеля. Но Настеньки, видимо, было неинтересно сидеть и время проводить со старухой и она отказалась.

Но бабка Матрена, вернувшись с колхозной работы, тут же завертелась по дому, убираясь, стирая и время от време-

ни, пропуская пятидесятиграммовые стопочки самогона. С каждой такой стопочкой у нее повышалось настроение, быстрее делались дела. Ей было хорошо, никакие мысли особо не тревожили ее душу, бабка Матрена даже начала мурлыкать какой-то мотивчик, популярный в ее молодости.

И в этот момент ее позвал мужской голос:

– Гражданка, а вы не могли бы мне подсказать, где я сейчас нахожусь?

Бабка Матрена оглянулась, никого мужчины в ее доме уже год, после похорон мужа, не было. Они внимательно осмотрела каждый угол, перекрестилась на образа в красном углу, и хотела уже замешивать тесто для пирога. Как тут снова, она хорошо услышала тот же мужской голос?

– Извините, а как вас зовут, гражданка?

После чего бабка Матрена снова произвела тщательную разведку дома и даже прошлась по двору и вокруг дома. Дом, двор были пустыми, кроме нее, никого на подворье не было и не могло быть. На всякий случай бабка все же произнесла:

– Бабкой Матреной меня деревенский народ меня кличет. Родилась и всю жизнь прожила в этой деревне Комарово.

Спасибо, – тут послышалось в ответ, – а немцев у вас в деревне нет?

Нервы старой Матрены все же не выдержали такой нервоотрепки. Она по-простому и в полной мере высказалась по всем с нею сейчас происходящими непонятностями. А в ответ услышала веселое и здоровое ржание трех молодых муж-

ских голосов. Бабка Матрена, словно юла закрутилась вокруг себя в поисках источников этих голосов. Но двор был пуст, на деревенской улице не было видно ни одного голоса и старая Матрена начала думать о том, что у нее начались глюки и она сходит с ума от пьянства в одиночестве.

Ну, что вы уважаемая Матрена Александровна, мы не позволим, чтобы вы в одиночестве сошли бы с ума от пьянства. Если вы не против нашего присутствия, то мы присоединимся к вам и вместе с вами, уважаемая Матрена Александровна, разопьем бутылочку самогона. Может быть, заодно вы покормите на, в течение последних двух недель нам пришлось питаться одними пайками немецкой армии, а это мы должны признаться вам, не еда.

С этими словами распахнулась дверь, и в дом вошли три молодых красноармейца, до зубов вооруженных. От неожиданности слегка прихватило сердце, и бабка Матрена села, практически свалилась, на стул. А к ней уже подходили эти веселые и ужасно симпатичные парни, которые начали поочереди ей представляться.

– Матрена Александровна, позвольте представиться, лейтенант Красной Армии Алексей Мальцев, стрелок-наводчик экипажа. – Парень церемонно поклонился и действительно поцеловал руку ей, простой деревенской бабке.

– Младший лейтенант Сергей Мышенков, механик-водитель танка. – Представился второй парень и так учтиво склонил свою с пробором голову, что неведомая сила подняла

Матрену на ноги, и она церемонно поклонилась ему в ответ.

А парни сразу же заметили, как изменилась их бабка Матрена, сейчас перед ними была не деревенская бабка, а пожилая, вежливая и тактичная женщина.

Последним к Матрене Александровне голубоглазый парень, который просто посмотрел на нее и также просто представился

– Рядовой Прохор Ломакин из будущего, командир танка КВ, прорывающегося через фронт к своим. Вы нас, Матрена Александровна немного извините за наши глупые шутки. Ведь вы, как и мы, владеете телепатией, передачей мысли на расстоянии. Вот мы с вами немного и похулиганили. Вы нас извините за эти глупые и детские шутки.

Не говоря ни слова, Матрена подошла к этому парню, поцеловала его в лоб, и сказала:

– Как же я могу сердиться на вас ребята, мои дорогие! Вы мне дарите новую жизнь... Садитесь за стол и подождите немного, я сейчас все приготавливаю для нашего совместного ужина...

– Нет уж, нет уж! – Вскочил на ноги Алексей Мальцев. – Позвольте нам самим заняться приготовлением ужина. Мы же с вами единое целое, так что хорошо знаем, где что лежит и что можно тащить на стол! Пока мы с Серегой будем работать, Матрена Александровна, вы с Прошкой посидите и поболтайте о том, что нам можно с танком в вашем селе сделать! А может нам за Настенькой сбегать и ее пригласить

к ужину?

Но увидев серьезный взгляд Прошки, тут же спохватился и заявил:

– Но это я ж пошутил. Что ж теперь и пошутить нам нельзя?!

Уединившись в одном углу с Прохором Владимировичем, Матрена Александровна стала слушать его мыслеречь. Так она узнала о существовании танка КВ, его ремонте и бегстве его экипажа вместе с танком, разумеется, из немецкого плена. Она внимательно слушала Прохора, который рассказывал о том, как экипаж танка вырвался из Литвы. Одним словом танкистам требовалось в Комарово провести профилактический ремонт ходовой части танка, чтобы добраться до фронта и перебраться к своим через линию фронта. В ответ на этот рассказ Матрена Александровна сказала, мыслеречью, разумеется, что едва ли она сможет дать полный ответ на вопрос Прохора. МТС была в соседнем селе, а в Комарово имеется отличная колхозная кузня, в которой кузнецами и молотобойцами работают братья Кувалдины. Их семейство уже испокон веков занимается кузнечным ремеслом и немало в этом преуспело. Но Кувалдины не станут разговаривать с не деревенскими людьми о выполнении какого-либо заказа, если не будет согласия старосты деревни, деда Дениса.

– Так, давайте, Матрена Александровна, его позовем поужинать вместе с нами. Сразу все вопросы и решим.

– Мне как-то неудобно в столь позднее время звать чужого

человека к себе в дом.

– Да, вы к нему и не ходите, а пошлите мысленный клич, он и придет!

Женщины все же и магия не делимы, всего минуту назад бабка Матрена, а сейчас уже Матрена Александровна немного напряглась, а потом просто скала Прохору:

– Клич послан и принят! Обещал тотчас же быть!

Когда стол бы собран и великолепная четверка расселась за столом. Заскрипела и отворилась входная дверь, на пороге дома выросла фигура деревенского старосты. Он был велик телосложением, но ладно скроен. Даже под рубашкой толстовкой просматривалась мощная фигура бойца-поединщика. Матрена Александровна сидела за столом и по-женски царственно посматривала на старосту, подумав, откуда вдруг в ней появилась подобная манера поведения и такие несколько нескромные мысли?

– От нас, вестимо! – Тут же послышался голос Сергея Мышенкова.

На него тут же цыкнул Прохор, и Сергей моментально замолк, все сидели за столом и, молча, смотрели на старосту.

– Ты позвала Матрена... Александровна, и я пришел!

Послышался густой бас.

Староста сдвинулся с места, подошел к столу, внимательно его осмотрел, а затем неожиданно для всех вытянулся во фронт и произнес:

– Лейб-гвардии капитан Гнилович, Денис Александрович.

До 1924 года воевал против большевиков, шестнадцать лет провел в энкеведешных лагерях. Год на свободе, большевиков и немцев, по-прежнему, ненавижу. Вижу, что у вас есть вопросы для обсуждения со мной? К вашим услугам.

2

Прошке не давало покоя слишком большой расход солярки, в результате чего его любимый тяжелый танк КВ из боевой машины превратился в тягловую лошадь с телегой на прицепе. Когда они на следующее утро после ночного совещания со старостой в доме Матрены Александровны на своем танке въезжали в Комарово, то на единственную улицу вышли все деревенские жители, и стар, и млад. Люди стояли и смотрели, как в деревню вползала сцепка из большего танка и не менее большого прицепа. Улица для КВ была узенькая, Серега Мышенков проявлял невероятную гибкость в управлении машиной, чтобы не задеть и не снести с лица земли какую-либо деревенскую хибару.

Братья Кувалдины широко открыли ворота своей кузни, а Серега снова с филигранной точностью завел машины с прицепом во двор и заглушил двигатель. Ворота кузни тут же были закрыты, все любопытные с позором были изгнаны со двора. Оба брата Агафон и Тимофей, молча, посмотрели на Прошку, а тот также, молча, достал планшетник, чтобы братьям наглядно продемонстрировать требуемый ремонт. Братья внимательно слушали Прохора, которого тут же стали величать Прохором Владимировичем, и подолгу рассматривали хитрые схему на планшетнике Ай-под. Часто упоминали только им понятные технические термины, очень близкие к

народному языку, вода заскорузлыми пальцами по схемам.

Затем посмотрели на Прохора Владимировича и сказали, что он им лично не нужен, они в технических деталях разобрались и эту ху-вину, тут они уважительно кивнули головой на КВ, разберут к вечеру. Тогда Прохор Владимирович может и приходиться заниматься своим ремонтом, а они помогать будут. Несколько озадаченный такой постановкой вопроса, Прошка начал было мямлить о том, что он побудет здесь и посмотрит, как у братьев пойдут дела. На что получил резкую отповедь Агафона:

– Прохор Владимирович, мы же вам сказали, что будем ждать вас к восьми – девяти часам вечера. Раньше времени вам нечего у нас путаться под ногами. У нас свои секреты ремесла, а у вас свои. Так, что мы просим вас покинуть наш двор!

Пришлось Прошке разворачиваться и идти к воротам со двора, а ему в зад последовала наглая просьба:

– Вы нам книжицу со схемами оставьте, она нам понадобится, прохор Владимирович!

От нечего делать Прошка добрал до дома Матрены Александровны, которая сегодня на дальнем поле собирала какую-то колхозную ягоду, поддел ножом щеколду и вошел во двор. Дом Матрены Александровны стал их штаб-квартирой и жилым помещением. Он лениво в сарае взобрался на сеновал и незаметно для себя заснул. Сказались все прошедшие напряженные дни, поэтому Прошка проспал, не просыпаясь,

до шести часов вечера. Он не слышал, как вернулась с колхозного поля Матрена Александровна, как она собрала обед его друзьям, как после рыбалки обедали Лешка Мальцев и Сергей Мышенков.

Матрена Александровна стала настоящей героиней деревни, все о ней и о танкистах только и говорили. Деревенские девчонки к обеду на стол натащили всякой деликатесной всячины, они настырно лезли в помощницы к пожилой женщине. Та их не гнала прочь, так как знала, какая это великая сила, наличие в доме молодого и неженатого мужчины, а их у нее теперь было целых три парня. Все девчата интересовались, а где голубоглазый Прошенька, Матрена, Сергей и Алексей знали о том, что Прошка отсыпается на сеновале, но с великой таинственностью говорили о том, что он работает, не уточняя где.

Обед прошел в шутках и веселье и при великом стечении народа, только не было старосты, деда Дениса. Он уехал в волость, по каким-то своим срочным должностным делам. Девчонки остались и после обеда, помогли Матрене Александровне убрать со стола и перемыть посуду, а затем они начали слушать рассказы ребят о своих великих подвигах в Литве.

В шесть часов вечера проснулся Прохор, ополоснулся холодной водицей из умывальника, выпил кружку молока с большой краюхой хлеба. Он успел заметить, что симпатичная девчонка по имени Настенька ни на шаг не отходит от

Алешки Мальцева, а тот не сводит с нее своих глаз. Тут же внутри его родилось предчувствие в том, что в этой деревне в его экипаже произойдут изменения. Но Прошка силой воли отогнал или было бы вернее сказать, загнал далеко внутрь себя мысль о возможных изменениях в экипаже, и отправился к братьям Кувалдиным.

Они, видимо, проработали без перерыва на обед, и только сейчас сели за стол прямо в своей кузне, а домой не пошли. Стол накрыли и внимательно следили за сменой первого и второго три красивых и дородных женщины. Увидев входящего Прохора, старший брат Агафон приветливо ему кивнул, словно они первый раз увиделись в этот день, и предложил ему присоединиться к столу.

– Благодарствую, но я только что пообедал! Вы не будете против того, чтобы посмотрел на ходовую часть танка?

– Да чего уж тут! Иди и смотри во дворе!

Прохор, наверное, целый час провел во дворе, ходил и осматривал двигатель, ходовую часть танка. С каждой минутой осмотра его настроение только ухудшалось при виде отдельных деталей подвески ходовой части. Если двигатель еще мог некоторое время поработать, то торсионы, катки и рессоры ходовой части уже ни к черту не годились. Если уж признаваться, то следовало бы сказать, что Прошка ожидал гораздо худшей картины, но в любом случае он понял, как вовремя они остановились и занялись решением этой проблемой. Тяжелый танк КВ явно не годился для самостоятель-

ных перегонов на большие расстояния.

Прошка понимал, что в ходе предстоящего ремонта танка можно будет заменить отдельные детали подвески с тем, чтобы увеличить дальность пробега КВ. Но тогда Прошка не получит стопроцентной гарантии в том, что КВ не выйдет из строя из-за некачественного ремонта, из-за некачественных материалов, из которых изготовлены детали этой танковой подвески. А такое может случиться и в самый разгар боя.

Парень глазами поискал свой планшетник Ай-под, чтобы посмотреть и себе напомнить устройство амортизационных катков своего танка Т-100 в своей прошлой жизни. Какая фигура, словно угадав значение его взгляда, протянув ему планшетник. Быстрыми движениями пальцев он разыскал нужную ему схему и уставился в нее глазами. Высокая живучесть подвески Т-100 обеспечивалась прочностью, долговечностью и износоустойчивостью деталей подвески и их минимальной уязвимостью на поле боя, увеличением энергоемкости, удельной потенциальной энергией самой танковой подвески.

Появился Агафон Кувалдин, который негромко и вежливо пробасил:

– Прохор Владимирович, вы предлагайте все, что считаете необходимым для того, чтобы ваш танк бегал бы шесть месяцев или год без профилактических ремонтов своей ходовой части. Вон, наш меньшей братец Мишка, предлагает отлить некоторые детали подвести из специальной стали, так

мы сварить сталь и детали из нее выточить тоже сумеем. Вы только скажите. Тогда мы этим и займемся.

Прошка показал Агафону схему устройства подвески танка Т-100 и с перечислением всех деталей этой подвески и марки стали, из которых были изготовлены эти детали.

– Агафон Петрович, вы можете это сделать?

– Возможно и да, но кое-что в этом я не совсем понимаю! Здесь упоминается сталь, но ничего не говорится о ее формуле варки. Подожди, Прохор Владимирович, сейчас Мишка быстро с этим разберется. Он ваш планшетник, как букварь читает! Мишка подь сюда и посмотри, что это такое? Можем такую сталь мы в своей кузне получить?

Из толпы подмастерьев выдвинулась ладная фигура восемнадцатилетнего парня, к ним подошла и склонилась над Ай-подом. Затем планшетник парень решительно забрал в свои руки и начал его перелистывать. Через мгновение остановился, снова вернул Ай-под Агафону и сказал:

– Говорил же я вам обоим, как было бы желательно отремонтировать эту хрень и ее подвески. А вы мне все, такого не может быть, таких танков не бывает! А вот нате вам и танк, которых не бывает, и подвески, которые ремонтировать не надо. А здесь приводятся формулы сталей, которые идут на изготовление различных деталей.

Пока Михаил находился в ударе и громил своих взрослых братьев кузнецов за небрежение к науке будущего и незнание формул простейших лицензионных сталей и присадок к

ним. Прошка воспользовался случаем и поинтересовался у Михаила Кувалдина, как в их условиях можно было бы добиться серьезного облегчения веса КВ? Тот раскрыл, было, рот, чтобы сразу же отвечать, но тут же его закрыл и сказал:

– Это же, Прохор Владимирович, дело не простое, его сначала обдумать требуется! Давайте, чтобы времени не терять, мои братья ремонтом ходовой части займутся, а я тем временем подумаю над решением новой проблемы.

Кувалдины в эту ночь, видимо, решили не ложиться спать, а после ужина и разговора с Прохором, вернулись к своим горнам и мехам. Они и на этот раз потребовали от Прохора, чтобы он не мешался им заниматься делом, и закрылись на ночь в кузне. Но Прошка двора не покинул двора деревенской кузницы, а занялся танковым двигателем, который всего несколько дней назад ремонтировал мастер наставник, капитан Гюнтер Винтер. По всей очевидности, ремонт двигателя оказался некачественным, так как во время движения танка он жрал немыслимое количество солярки, что топливо приходилось возить в бочках прицепами.

Прошка впал в транс, как учила его бабка Евдокия Андреевна, и начал виртуальное путешествие по камерам внутреннего сгорания, цилиндрам и поршневым группам. Первым делом он посредством напыления попытался снизить люфт-зазор между поверхностями деталей и повысить качество обработки работающих поверхностей. Сразу повысилось сжатие до 17 – 18 единиц, но тут же повысилась угроза полом-

ки различных деталей из-за некачественного металла, из которого эти детали изготовлялись. К сожалению, Прошка не был великим магом техническим специалистом по металлам и их изменению посредством магии. Всего, что ему удалось добиться, это повесить внешний слой закалки не несколько миллиметров и обработки большинства деталей, а главное поршней.

Он вылез из танка только под самое утро, весь разбитый и утомленный, с сильной головной болью.

Рядом с танком крутился Михаил Кувалдин, который первым делом протянул ему планшетник и сказал, что у братьев все на мази. Они во всем разобрались и сейчас заканчивают отливку всех необходимых деталей для ходовой части, а после короткого сна начнут ее сборку. Часам к двум – трем КВ будет готов к новым путешествиям и будет способен без какой-либо профилактики проходить до пяти тысяч километров.

Эта новость приятно порадовала Прошку, ему оставалось только проверить смог ли он что-либо поправить с самим двигателем В-2 танка КВ. Но это они уже проверять во время следующего перегона к фронту. Тут в его разговор с Михаилом ввязалась Матрена Александровна, которая мысленно напомнила ему о том, чтобы он шел домой и позавтракал, завтрак давно уже на столе и остывает.

– Можно, я с собой приведу Михаила Кувалдина, у меня с ним интересный разговор, который не хотелось бы преры-

вать.

– Да бог с ним, с Мишкой, бери его! Он парень хороший и тихий! Не пьет, не то, что их старший брат Агафон, который не удержу с самогоном не знает!

Вечером этого же дня в деревню вернулся дед Денис и тут же устроил развернутое совещание в доме Матрены Александровны.

3

Благодаря усилиям старосты деда Дениса в Комарово ни немцы, ни полицейские так и не появлялись, словно войны и не было, все дни пребывания в этой деревушке было тихо спокойно. Может быть, поэтому Прошка принял решение следующий перегон-переход пройти по родной земле в светлое время дня. Он проштудировал всю имевшуюся у него и деревенских людей информацию и конечным пунктом первого перехода в Белоруссии сделал город Молодечно, что под Минском. Расстояние от деревни Комарово до этого белорусского городка составляло 85 километров, что было больше любого их перехода по литовской земле. Но так Прошка в основном поступил из-за того, чтобы проверить качество ремонта боевой машины, произведенного в Комарово. Ему очень хотелось узнать, каким теперь стал их новый КВ.

Вчера, когда братья Кувалдины собрали ходовую часть танка и Сергей Мышенков стартером запустил его двигатель, то после того, как на всю деревню протарахтел стартер, вдруг наступила какая-то тишина, в которой хорошо слышался щебет птиц и непонятный шелест.

– Серега, ты, что – танк не заводится? Так, это мы сейчас его разберем и посмотрим, что там такое случилось?

Вдруг начал выступать Алексей Мальцев, он начал заворачивать рукава своей гимнастерки, явно собираясь лезть в

моторное отделение танка. Видимо, Настья, которая ни на шаг теперь не отходила от своего парня, все же вскружила ему голову. А из люка механика-водителя показалось улыбающееся лицо Сергея Мышенкова, который громким на всю деревню голосом произнес:

– Тьфу, ты дурак, не лезь вперед батьки в пекло! Работает двигатель, да еще как работает! Его же почти не слышно!

И тогда вся деревня услышала, что этот тихий шелест работающего двигателя танка наполнен мощью, готового к прыжку на врага зверя.

Сейчас КВ ровно двигался вдоль берега продолговатого озера Свирь по направлению к столице белорусской республики Минск. Под Молодечно они решили ночевать, затем обойти Минск и выйти к Борисову, а там уже окончательно решать в каком им идти направлении, прорываться на Москву, или идти к Ленинграду. Маршрут до Борисова им предложил староста дед Денис. До вечерней встречи он где-то пропадал почти целые сутки, а когда вернулся, то его с трудом можно было узнать. Волосы на его голове подернулись еще большей сединой, а в глазах появилась отчаянная решимость.

Прошка аж остолбенел, когда в первых словах дед решительно заявил, что Матрос принял решение о том, что лейтенант войск НКВД Алексей Мальцев покинет экипаж танка и останется в Комарово для организации партизанского отряда. Прошка еще больше удивился, когда их Алешка под-

нялся на ноги и тихо сказал, что подчиняется приказу генерала майора. А как Настья обрадовалось, что это было трудно описать словами. Она тут же перестала улыбаться и из простой девчонки на глазах присутствующих на совещании односельчан превратилась в молодую женщину с плавными и грациозными движениями.

Понимая, что исправить положение никоим образом нельзя, приказы командиров не обсуждаются, Прошка поднялся на ноги и так же решительно, как и дед Денис, объявил о том, что в армию призывается военнообязанный младший Михаил Кувалдин. Дед Денис пожал плечами и поинтересовался тем, а что его семья скажет по этому поводу. Дальше обсуждались различные вопросы. Обсуждения еще продолжались, а семья Кувалдиных в полном составе уже собралась перед домом Матрены Александровны.

К ней вышел Прохор Ломакин, поклонился людям в ноги и поблагодарил за работу, которую семейные кузнецы проделали с танком. Затем он попытался объяснить свое решение о призыве в армию Михаила Кувалдина. Он с уверенностью в голосе говорил о том, что Михаил станет наводчиком орудия тяжелого танка КВ, примет участие во многих боях, будет дважды ранен и вернется домой боевым офицером, капитаном, командиром роты тяжелых танков. Кувалдины внимательно выслушали речь Прохора Владимировича. Затем вперед вышел Агафон, старший из Кувалдиных, в короткой ответной речи он поблагодарил советскую власть за

проявленное доверие, и подзатыльником благословил младшего брата на воинский труд.

С того момента Михаил все свободное время проводил в танке, изучая его вооружение, устройство, вождение. Он заколебал своими вопросами и Сергея Мышенкова и Прохора, хотя те терпеливо продолжали давать полные ответы на вопросы этого занудливого деревенского паренька.

Но на двадцать шестом километре пути от Комарово, когда они только-только миновали небольшой поселок Вишнева, их КВ столкнулся с двумя запыленными грузовиками «Опель-блиц». Кузова грузовиков были до упора забиты латышскими полицейскими, которые, то ли возвращались с боевого задания, то ли наоборот спешили на выполнение боевого задания по усмирению очередного белорусского села. Михаил Кувалдин произвел два снайперских пушечных выстрела, вдребезги разнеся оба грузовика, и длинной пулеметной очередью прошелся по растерявшимся латышам, которых к тому же немало подавил траками Сергей Мышенков.

В свое время дед Денис их здорово выругал за то, что они не удосужились собирать оружия врага после проведенных боев. По тому, когда стал вопрос о создании партизанского отряда, то оказалось, что оружия для него нет. Вот и пришлось им своему другу Алексею Мальцеву оставлять его же пулемет МГ34.

Поэтому, проехав бойню, Прошка приказал Мышенкову остановить танк, выбрался из танка и, спрыгнув на землю,

отправился собирать оружие. Но в этой раз место стычки превратилось, в черт знает, что, это была настоящая мешанина из трупов, крови и огня, жарко пылали оба грузовика. Ему удалось из грязи вытащить пять винтовок СВТ38, один ручной пулемет ПД и, что его особенно обрадовало, три пистолета «Парабеллум» в кобурах. Прошка нагнулся, чтобы с земли поднять еще пару шмайсеров, как на него неожиданно сзади кто-то навалился, прижал к земле и чем-то очень тяжелым ударил по его голове.

Нападение оказалось настолько неожиданным, да еще со стороны спины, что Прошка не успел оказать сопротивление. Он едва-едва перенес этот удар по голове и не потерял сознание, но у него отчаянно закружилась голова. Но парень сумел-таки вспомнить о том, что до нападения у него в руках было три пистолета. С громадным трудом Прошка расстегнул кобуру одного из них, достал пистолет. И, извернувшись всем телом, вывернул руку с пистолетом себе за спину. Он не знал о том, стоит ли тот или не стоит на предохранителе, а просто нажал курок парабеллума. Последовал негромкий щелчок выстрела, сильно приглушенный двумя телами. Человек на его спине сильно дернулся, а Прошка он жал и жал на курок парабеллума, пока не опустела обойма.

Он не помнил, как выполз из-под трупа, как долго стоял над человеком, который чуть-чуть его не убил. Затем отошел в сторону и долго, натужно блевал в кустах, опорожняя желудок.

Сергея Мышенков не задавал лишних вопросов, он хорошо прочувствовал все то, что только что произошло с Прошкой. А Михаил все это время вызывал по ПТУ Ломакина и интересовался, что происходят и почему они так долго стоят на месте?! В конце концов, Серега прикрикнул на салагу, посоветовав ему заткнуть варежку, а тем временем мысленно поинтересовался у Прохора:

– Прош, кто это?

Прошка подошел к трупа и сапогом перевернул его на спину, чтобы тут снова убежать в кусты блевать и плакать. Оказывается, Прошка убил женщину и, наверное, не просто женщину, а самую красивую женщину на свете, голубоглазую блондинку с мелкими и очень красивыми чертами лица. Только на этой голубоглазой блондинке был маскхалат, а под ним мундир ротенфюрера СС¹². Неизвестно по какой причине, эта женщина не стреляла в красноармейца, а била его по голове своей саперной лопатой. В самый последний момент саперная лопатка повернулась в женской руке, и удар пришелся не ребром лопаты по голове, что было бы смертельно для Прошки, а плоскостью. Отблевавшись и вытерев платком лицо, Прошка вернулся обратно на место, собрал оружие и потянулся к танку. Михаил выскочил из танка и хотел помочь командиру перетащить собранное оружие в

¹² **Ротенфюрер** (нем. Rottenführer, начальник отряда) – звание в СС и СА, которое существовало с 1932 по 1945 год. Ротенфюрер в войсках СС соответствовал по званию обер-ефрейтору в вермахте.

танк, но Прошка пальцем ткнул в сторону прицепа.

Вскоре КВ весело пылил по родной белорусской дороге, где был ухаб на ухабе и рытвина на рытвине. Эта дорога еще не знала и еще не очень скоро познает, что же это такой быть мощенной или асфальтированной. Всю дорогу до Молодечно Прошка провел в полусознании, он то ли спал, то ли был в обмороке. Вскоре они остановились в запланированном месте. У семейства Кувалдиных в Молодечно проживали родственники. Раньше Прошка планировал вместе с Мишкой посетить этих кувалдинских родственников, чтобы у них получить информацию о том, что происходит в Минске и где сейчас РККА ведет бои с немцами.

Но сегодня состояние его здоровья после удара по голове саперной лопаткой резко ухудшилось и оставляло желать лучшего, поэтому он отправил Мишку в Молодечно в одиночестве. Но перед этим кончиками пальцев коснулся его висков, теперь он знал все то, что происходит с молодым Кувалдиным.

Мишка шагал по лесной дороге, в начале войны немцы еще позволяли людям передвигаться по лесным дорогам, и осторожно осматривался по сторонам. Прошка же лежал на прогретшейся за день под солнцем танковой броне и пытался заснуть, чтобы во сне попытаться поправить свое здоровье. Но только он закрывал глаза, как на него наваливалась какая-то тяжесть, которая своим весом не давала ему заснуть. Но после того, как Прошка увидел лицо той краси-

вой эсэсовки, в его душе поселился ранее не известный ему страх, он никак не хотел этого признавать, но это был страх перед своим же будущем.

Проход Ломакин не мог об этом знать, но именно в эти минуты некий полковник Обермайер, комендант главной полевой комендатуры Молодечно, читал и перечитывал письменный рапорт какого-то Пурицевича, командира полиции деревни Вишнева. Этот белорусский полицейский начальник сообщал о том, что в километре от его деревни произошел бой латышских полицейских капитана Паулиня с какой-то бродячей красноармейской частью. Далее в полицейском рапорте приводились данные по обследованию места боя, в котором тот с великим удовольствием описывал позы убитых и сгоревших тел латышских стрелков. Полковник Обермайер вообще-то мог не обращать внимания на эту писанину, но две вещи заставляли его вновь и вновь всматриваться в почерк этого неграмотного, по всей очевидности, человека. Первое, в какой-то момент этот полицай в своем рапорте вдруг заявил о том, что латыши были атакованы русским танком. Эта надо же было так нажраться самогона, чтобы писать о танке! И второе, более серьезно среди убитых обнаружен труп роттенфюрера СС Кристи фон Рунге. А это уже гораздо хуже!

Криста фон Рунге была женой майора Курта фон Рунге, официального представителя Абвера в группе армий «Центр» генерала-фельдмаршала Федора фон Бока. Как-

го-черта эта женщина, да и к тому же эсэсовка, делала в карательном отряде капитана Паулиня, полковнику Обермайеру было совершенно не понятно, но это было и не его дело заниматься такими вопросами. Сейчас он должен проинформировать Минск или штаб группы армий «Центр», где служит муж погибшей женщины, о произошедшем инциденте.

Глава 7

1

Родственников не оказалось дома, ворота и калитка во двор были заперты, чтобы не привлекать внимания посторонних, Михаил Кувалдин решил пару часиков пошляться по улицам Молодечно в ожидании их возвращения. Следует сказать, что этот деревенский парень сейчас чувствовал себя несколько неуверенно в таком большом по его понятиям городе, как Молодечно. До этого время Михаил еще ни разу не покидал своего Комарова, где знал в лицо каждого деревенского жителя. А сейчас в таком большом городе ему не были знакомы ни один встречный мужик или баба, хотя парень все время порывался сорвать кепку с головы и здороваться с каждым встречным человеком или женщиной.

Но еще больше его смущало, он к этому оказался просто не готов, большое количество немецких солдат и офицеров на улицах этого города. Михаилу вообще пока еще не пришлось встречаться с немцами. Радио в Комарово не было, а радиоприемников никогда и в помине не существовало, поэтому жители деревушки информацию о войне получали опосредственно. Председатель колхоза был постоянно пьян и ничем, кроме водки и самогона, не интересовался, поэтому деревня жила тем, что где-то, чего-то и от кого-то слышала. Сейчас же своими глазами Мишка видел вылизанных и вычищенных немецких солдат, которые шли по улицам города,

добродушно улыбаясь и по-дружески приветствуя отдельных жителей города. У него не умещалось в голове, как же это так оказалось, что немцы бьют такую большую страну, как его Советский Союз.

Не смотря на постоянную мысленную поддержку друзей, Прохора Владимировича и Сергея Мышенкова, с каждой минутой пребывания на улице Молодечно, Михаил Кувалдин чувствовал все более неуютно. Поэтому он, увидев, работающий кинотеатр с афишей о показе «Василисы Прекрасной», решил его посмотреть, чтобы убить время. У него в кармане оказались советские рубли, на который он купил билет и прошел в фойе кинотеатра, где была совершенно мирная и советская атмосфера. Если бы не присутствие немецких солдат и пары пьяных белорусских полицаев, то можно было бы подумать, что ты вернулся в недавнее прошлое. Но перед началом фильма показали «не новости дня», а первый немецкий информационный выпуск «Германия в войне», который до глубины души поразил Мишку Кувалдина.

– Да, – после просмотра выпуска мысленно пробормотал Серега Мышенков, – сильны фрицы оказались, что нашу Красную Армию так давят на фронте. Одних только танков тьма тьмущая. Надо нам быстрее к нашим пробиваться, и своим КВ им помогать.

– Ты, Мишка, смотри, да не засматривайся этой пропагандой. Мы тоже перед войной немало таких военных выпусков

показывали. – Тонко подметил Прошка.

Весь сеанс Мишка просидел и практически не смотрел на экран. Оказалось, что для него было очень трудно внутренне переключиться на то, чтобы смотреть веселый фильм сказку советских времен, когда в зале с тобой ряжом находятся немецкие солдаты, оккупировавшие его Белоруссию. Одним словом, Мишка покинул кинотеатр совершенно расстроенным, а когда снова добрал до родственников, то вдруг оказалось, что они не очень-то рады видеть племянника из глухомани. Мишка и так и эдак подходил к ним с расспросами, а родная тетка крепко держала язык за зубами и не отвечала ни на один его вопрос. В конце концов, парень не выдержал нервного напряжения, вскочил на ноги и начал собираться в обратную дорогу. Уже во дворе дома его догнал муж тетки, Василий Кузьмич, который работал сцепщиком вагонов на железной дороге и, полюбив парня за плечи, предложил ему зайти в рюмочную переговорить.

В рюмочной Василий Кузьмич купил стограммовую стопку водки и бутерброд с килькой в томате. Бутерброд предложил голодному племяншу, а себе оставил стопку водки, и начал разговор:

– Ты, Мишка, на тетку Аглаю не сердчай! В расстроенных чувствах мы сейчас находимся. Сколько лет растили Ваньку, а он таким полным балбесом оказался, каких свет не видел. Немцы только-только объявили регистрацию белорусских парней, желающих получить рабочую квалификацию и

уехать на работу в Германию. Так, наш сын первым записался в желающие, а теперь только и говорит о своем предстоящем отъезде в Германию, где он обязательно в человека выбьется. Мы его с Аглаей уговаривали не делать глупости, а он все свое гнет. Поеду, да и только. Хочу, настоящим человеком стать и немцы ему в этом обязательно помогут. Вторые сутки не приходит домой даже спать, с полицияями где-то познакомился, теперь он у них в казарме днюет и ночует, отца и мать совсем забыл!

– Да, Мишка, попытал ты в проблему! Ничем не сможешь помочь своим родичам! А ты же все же попытайся и поспрошай, какой важный поезд в сегодня или завтра ожидается? – Посоветовал Прошка.

Они просидели в рюмочной чуть более часа. Василий Кузьмич на счет важных поездов особо не был информирован, он ведь простым сцепщиком товарных вагонов работал. Но, почувствовав, что Мишка очень интересуется этим вопросом, ему сказал следующее:

– Миш, тут у нас слух пошел, что в лесах под Молодечно партизаны появились. Так, ты своим партизан скажи, что лучше всего вдребезги расшибить надо поезд Варшава – Минск. Этим поездом много больших немецких военных и гражданских шишек ездит.

Василий Кузьмич назвал точное время прохождения этого поезда через железнодорожную станцию Молодечно. После этого немного пообнимались на улице города, а затем Ва-

силий Кузьмич отправился на работу, на станцию, а Мишка в лес к друзьям. Прошке пришлось немного повозиться, чтобы произвести расчеты по времени, а также на карте по рельефу найти наиболее удобное место для того, чтобы из танкового орудия расстрелять поезд, следовавший по маршруту Варшава – Минск.

Как только появился Мишка, то Мышенков тут же завел танк, и они начали выдвигаться к месту засады. Позже Прошка сам удивился тому, как ему это удалось среди белорусских низин и болот найти такую удивительно хорошо приспособленную к танковой засаде местность. В восьмистах метрах от железной дороги проходила проселочная дорога, двигаясь по которой можно было бы обстрелять или расстрелять вагоны состава. И не останавливая КВ, сразу же уходить от возможной погони.

Поезд Варшава – Минск появился минута в минуту по графику!

Но к великому сожалению, поезд двигался не на высокой скорости, а почему-то едва-едва плелся по рельсам железнодорожной насыпи. Расстроенный своей поездкой в город Михаил Кувалдин снова продемонстрировал свои снайперские способности. Первым же 76 мм снарядом он свалил паровоз с насыпи, причем, паровоз не взорвался, а окутался белым паром и медленно повалился на бок с насыпи. В этом падении паровоз за собой утянул передние два вагона, а все остальные вагоны состава остались на рельсах, на ходу.

Вот, что значит поспешность в работе?! Идти на задание без должной разведки, подумал Прошка. Надо было бы посмотреть, с какой скоростью движется этот поезд в данном месте, и только после такой разведки принимать решение об организации засады. Сейчас же им ничего не оставалось делать, как бить немцев! Поэтому Прошка мысленно приказал Мишке Кувалдину, дать пять фугасных выстрелов по оставшимся стоять на колесах вагонам поезда.

Михаил постарался, он не спеша, с толком и расстановкой произвел пять выстрелов. Загорелись два вагона в начале и в конце состава. Если до этого поезд молчал, слышалось одно только громкое шипение пара, вырывающееся из разбитого снарядом парового котла. То, после этих пяти снарядов послышались крики и вопли травмированных, раненых пассажиров поезда, и даже какая-то ответная пистолетно-винтовочная стрельба. Совершенно расстроенный Михаил выпустил до пяти очередей из танкового пулемета по вагонам поезда, но в этот момент дорога, пролежавшая вдоль железнодорожной насыпи, сделала поворот вправо, КВ был-таки вынужден прекратить обстрел поезда Варшава – Минск.

Вернувшись на свою прежнюю стоянку в лесном массиве, расположенном от Молодечно в десяти километрах. Экипаж танка решил немного, часиков три-четыре поспать, и лишь после этого трогаться с места по направлению Борисово. Если тогда можно было Прохора Ломакина спросить о том, почему он принял такое половинчатое решение, то парень не

мог бы этого объяснить.

Поэтому ни Прохор, ни другие члены экипажа не видели, не слышали, как к месту нападения на поезд экспресс Варшава – Минск начали подтягиваться эсэсовские охранные части и зондеркоманды. Они плотным кольцом окружили это место, вперед вышли пожарные, санитарные бригады и ремонтно-восстановительные бригады. Медики начали оказывать медицинскую помощь пострадавшим, раненым, травмированным и обожженным людям, как в военной форме, так и в гражданской одежде. Пожарные почти мгновенно потушили горевшие вагоны, а ремонтно-восстановительная бригада снова поставила на рельсы разбитый паровоз, а два сошедшие с рельс вагоны отбросили в сторону.

Уже через час экспресс Варшава – Минск был снова готов к движению на Минск, впереди стоял тандем из двух тягачей паровозов, готовый утащить остатки состава в Минск. Но офицер СС из Управления начальника полиции безопасности и СД по Беларуси, который командовал этой операцией, не спешил с отдачей приказа о начале движения состава. Он ожидал результатов расследования, которое проводили нескольких криминалистов из его Управления. Этот офицер, оберштурмбанфюрер СС¹³ Михель Циннер, был просто ошеломлен и некоторое время даже не знал, как ему поступить в сложившейся ситуации, когда ему доложили о том, что этим

¹³ Подполковник.

экспрессом следовал обергруппенфюрер СС¹⁴ Эрих фон дем Бах-Зелевски, начальник СС и полиции по тылу группировки «Центр» в России и Беларуси. Оберштурмбанфюрер Циннер бросился к группе офицеров, окружавших фон дем Бах-Зелевски, и ему доложил об обстановки.

– Господин оберштурмбанфюрер, а вы прояснили ситуацию и выяснили, кто же именно осуществил такое дерзкое нападение на наш поезд? Мне кажется, что слышал стрельбу и вспышки выстрелов из танковой пушки.

Поинтересовался обергруппенфюрер СС Бах-Зелевски.

– Господин, обергруппенфюрер, в настоящий момент криминалисты из Управления начальника полиции безопасности и СД по Беларуси проводят расследование по этому поводу. С минуты на минуту они должны мне сообщить о результатах своего расследования, и тогда экспресс продолжит путь до Минска. Но, если вы желаете, то я могу организовать эскорт для вашего сопровождения.

– Не надо, оберштурмбанфюрер! Я, пожалуй, подожду доклада ваших специалистов. Жаль только, что это ваши специалисты, а не гестапо.

– Но гестапо запрещено работать вне пределов Германии, господин обергруппенфюрер...

– Да, знаю я об этом! Хотел пошутить, но, видимо, получилось несколько неудачно!

¹⁴ Генерал по роду войск.

2

В три часа утра Сергей Мышенков тронул КВ с места, и снова под гусеницами танка покатилась пыльная белорусская дорога. Но с утра этой пыли не было, пока экипаж спал, прошел сильный июльский дождь, и прямо-таки подмыл эти дороги. Некоторые из них превратил в сплошную лужу и в темноте ночи выглядели совершенно непроезжими. Но Сережка Мышенков только жал на педали и работал рычагами управления трансмиссиями тяг, а КВ, гордо неся свою башню головушку, спокойно проходил, казалось бы, самые непроезжие лужи. Так спокойно прошел практически весь день и уже к его завершению, когда экипаж КВ с радостью ожидал приближение очередного бивака и ужина, они снова натолкнулись на немцев.

В районе города Логойск они внезапно столкнулись с колонной из четырех крытых тентов грузовиков «Бюссинг», двух танков Т-2 и двух бронетранспортеров Sd Kfz 251. Грузовики, кузова которых были забиты эсэсовцами, буксовали в грязи одной громадной лужи. В этой луже их разбросало таким образом, что они своими корпусами полностью перекрыли дорогу. Два бронетранспортера проскочили дорогу вперед, а их экипажи вернулись обратно в лужу, чтобы помогать танкистам, цеплять буксировочные тросы и вытаскивать грузовики из непроезжей лужи. Одним словом, нем-

цы развлекались от души, давали друг другу советы, ни один солдат из кузовов Бюссингов не хотел прыгать в грязь и пачкать свое обмундирование. Шум моторов танков Т-2 заглушал все другие звуки, поэтому никто из немцев не заметил появления странного танка, который занял место между двумя бронетранспортерами.

Когда полыхнул яркой вспышкой пламени и загорелся один из Т-2, то немцы еще несколько секунд продолжали веселиться и что-то кричать друг другу. Но тут загорелся и черным дымом за клубился второй танк Т-2. Все немцы повернулись в сторону источника выстрелов и от удивления рты пораскрывали, увидев, перед собой громадину КВ, окрашенную в зеленый цвет. Когда загорелся первый Бюссинг, а из его кузова на землю в грязь повалилась целая волна убитых, раненых и живых немецких солдат, то также мгновенно опустели кузова трех остальных грузовиков.

Солдаты вермахта отличались великолепной боевой выучкой и способностью действовать в любых боевых условиях. Вот и сейчас они мгновенно расползлись по укрытиям и открыли огонь из своих пулеметов и винтовок по противнику. КВ дернулся в левую сторону, своим боком перевернув один немецкий бронетранспортер Sd Kfz 251 и повредив его ходовую часть траками гусеницы. Точно таким же образом Сергей Мышенков поступил и с правым бронетранспортером, а затем вошел в эту гигантскую лужу с грузовиками.

– Береги снаряды! Если так палить будешь и дальше, то

мы скоро вообще без снарядов останемся. И как ты тогда воевать собираешься? – Мысленно Прошка прошептал Мишке Кувалдину. – У тебя же есть пулемет, стреляй, черт тебя побери, из него!

Да и сам Прошка схватил МГ34 Сергея Мышенкова, раскрыл люк своей командирской башенки, выполз наружу по пояс и открыл бешеный огонь по уползающим немцам. Огонь из обоих пулеметов прекратился, когда танк со своим прицепом переполз лужу и скрылся за поворотом дороги на Смолевичи.

Мишка Кувалдин оказался отличным кулинаром! Надо сказать, что кулинарии он даже не учился и дома, в Комарово, вообще считал для себя зазорным готовить. А по призыву в армию в этом деревенском пареньке вдруг открылась эта необыкновенная черта, уметь практически из ничего приготовить вкусные супы и каши. Может быть, это генетически ему передалось от матери, которая готовила на все семейство Кувалдиных и ни разу за свою жизнь не слышала ни одного нарекания по поводу своей готовки. Когда в первую ночь своего пребывания с экипажем, он попробовал Сережкину кашу размазную, то сплюнул через зубы и через час экипаж за обе щеки поедал небесно вкусный щавелевый суп. Так и пошло и поехало, Мишка вытеснил с кухни Сережку Мышенкова и стал основным поваром-кулинаром экипажа танка КВ. Сегодня повар свой экипаж накормил грибным супом и отварной картошкой с солью на второе.

Ребята ели грибной суп и молчали, каждый думал о своем.

Мышенкова очень беспокоил вопрос о добавке, он еще не съел первой порции супа, но его душу прямо-таки терзала мысль о том, достанется ли ему добавка этого же супа. Мишка все никак не мог, а это со вчерашнего дня, выйти из расстроенного настроения, сейчас он был всем и вся недоволен. Не доволен качеством супа, не доволен тем, что Серега только и думает о том, как сожрать больше этого супа. Но главное он был недоволен тем, что Прохор Викторович так нехорошо кричал на него сегодня о том, что он не экономит снаряды. А чем ему вы прикажете по немецким танкам стрелять? Из пулеметов, но пулеметы не пробивают танковой брони!

Прошка был недоволен тем, потому как не совсем понимал и не просчитывал вражеские действия. Откуда вдруг под Логойском оказалась рота эсэсовцев, да еще с двумя танками и бронетранспортерами в придачу. Чем они тут вообще занимались и с какой целью и куда направлялись? Партизаны в этом районе только-только зарождались! Прошке и в голову не приходила мысль о том, что о его КВ, после нападения на поезд Варшава – Минск, теперь знает командование группы немецких армий «Центр» во главе с генералом-фельдмаршалом Федором фон Боком. Что эта рота СС входила в состав полка СС оберштурмбанфюрера СС Михеля Циннера, который приказом обергруппенфюрера СС Бах-Зелевски был выделен для розыска и уничтожения советского танка, который так нагло под Молодечно расстрелял немецкий поезд

экспресс.

Когда экипаж КВ поедал свой ужин и похваливал Мишку Кувалдина за проявленные кулинарные способности, то в расположении штаба группы армий «Центр» обергруппенфюрер Эрих фон дем Бах-Зелевски имел приватную беседу с майором Куртом фон Рунге, который при невыясненных обстоятельствах всего несколько дней назад потерял красавицу супругу, Кристу Рунге, на западе Белоруссии. И Эрих фон дем Бах-Зелевски и Курт фон Рунге не были друзьями, в политике не бывает друзей, но они хорошо знали друг друга и по старым временам в Германии, и по новой чуть ли не совместной службе в Белоруссии. Бах-Зелевски пытался убедить майора Абвера в том, что тот уже давно знал, но никому об этом не говорил, что его супруга погибла в результате столкновения с одним из танкистов, которого хотела взять в плен.

Криста Рунге была одна из наиболее законспирированных и отлично подготовленных агентов службы безопасности Кальтенбруннера. Ее готовили, чуть ли не в любовницу охранницу самого фюрера Германию, Адольфа Гитлера. Только встреча и выход замуж за обер лейтенанта вермахта, никому тогда неизвестного, Курта фон Рунге предотвратило эту женщину от несчастной участи. Но она не оставила службы в СС, закрыв себе путь на повышение в звании, но открыв путь для служебного роста своего молодого супруга в структуре Абвера у адмирала Канариса. Причем, капитан

Абвера Курт фон Рунге с самого начала своей карьеры начал заниматься делами «Немецкого общества по изучению древней германской истории и наследия предков», небезызвестной дивизии Аненербе.

Сейчас напротив Эриха фон дем Бах-Зелевски сидел не просто майор Курт фон Рунге, представитель Абвера в секторе Восточного фронта, в рамках которого наступала группа армий «Центр», но и полковник Курт фон Рунге, руководитель Управления Аненербе Абвера. Поэтому привлечение на свою сторону и установление дружеских связей с таким человеком было выгодно и для генерала от инфантерии, которым был Эрих фон дем Бах-Зелевски. Тем более, что беседа становилась все более и более доверительной.

В этот момент в кабинет обергруппенфюрера СС вошел молодой шарфюрер СС¹⁵ и на стол Эриха фон дем Бах-Зелевски положил небольшой листок бумаги с напечатанным на машинке текстом. Прочитав текст, Бах-Зелевски удивленно фыркнул и в знак особой доверительности предложил фон Рунге ознакомиться с текстом послания. После чего оба офицера на мгновение задумались, а затем одновременно посмотрели друг на друга и улыбнулись. В сообщении говорилось о некоем вражеском танке, который за десять минут боя уничтожил два танка, два транспортера, три грузовика и около семидесяти эсэсовцев. Причем уничтожена была рота полка СС Циннера, которая выдвигалась для участия в

¹⁵ Унтер-фельдфебель.

окружении предполагаемого месторасположения вражеского танка, позавчера расстрелявшего дневной экспресс.

– Когда предполагается высочайший визит Адольфа Гитлера в штаб группы армий «Центр»? – Неожиданно поинтересовался майор Курт фон Рунге.

– Где-то в начале августа! Ему хочется посетить освобожденный Смоленск, первый большой город Иосифа Сталина! – Несколько уклончиво ответил генерал СС и полиции.

– А куда направляется этот никому невидимый вражеский танк? Попробуйте, проложить его маршрут по карте и тогда, возможно, вам многое, обергруппенфюрер, станет ясным. Я бы на вашем месте поднял бы воздух эскадрилью авиаразведчиков и прочесал бы все направления, ведущие в Борисов.

Майор Рунге зашевелился на своем стуле, он явно собирался покинуть генеральский кабинет. А Бах-Зелевски в этот момент размышлял о том, что он никогда бы не смог совместить вместе или свести воедино столь разные вещи, практически одновременное появление в районе Борисова, где сегодня располагался штаб группы войск «Центр», вражеского танка и самого германского фюрера. Стараясь особенно явно не выказывать охватившей его радости по поводу самой возможности такого совпадения двух событий, Бах-Зелевски поднялся на ноги, чтобы лично проводить до дверей кабинета майора Абвера.

А в этот момент в лесу под Логойском происходили ни-

кем не предусмотренные события, Прошка не услышал, как в башне танке начал разоряться ИскИн, его предупреждая и нахождении в зоне безопасности незнакомых лиц. После отличного грибного супа вся троица танкового экипажа решила ночевать не в танке, а рядом с костерком, на котором Мишка Кувалдин и приготовил этот замечательный супец. Танк стоял замаскированным в небольшом овражке в метра сто – сто пятьдесят от этого места. А чуть дальше от этого места заночевала бродячая группа красноармейцев, которая еще не успела превратиться в партизанский отряд и в ней творилась сплошная гнилая анархия, все партизаны этой группы считали себя командирами и друг другу не подчинялись. Поэтому второй или третий день ничего не ели, а этот замечательный запах грибного супа они давно учуяли и сейчас тихо всем скопом подбирались к задремавшей кампании танкистов.

Первым ударом приклада винтовки без патронов, они, как назло, вырубил Прошку, вторым механика-водителя Сергея Мышенкова, а за Мишкой Кувалдиным им пришлось даже погоняться. Парень оказался юрким и ловким, падением на спину он ушел от удара прикладом винтовки по голове, и начал бегать по кругу вокруг костра. Мишка увидел, что на них напали красноармейцы, и хотел им объяснить, что он призывник и будущий красноармеец, что его товарищи тоже красноармейцы. Он даже хотел напавшим красноармейцам, среди которых имелся самый настоящий предатель, со-

общить о том, что у них имеется самый настоящий танк, на котором они воюют против немцев. Но, слава богу, не успел этого сделать, его догнали и прикладом хорошенько приложили по затылку.

3

Этот удар прикладом винтовки по макушке головы, видимо, хорошо встряхнул головной мозг Прошки, он начал гораздо лучше соображать и разбираться во всем том, чему его учила по вечерам бабка Евдокия в его прошлой жизни. Да и голова у него почему-то совершенно не болела и никаких шишек или синяков не было, он просто открыл и глаза и увидел, что, по-прежнему, находится на той же поляне в сто пятидесяти метрах от своего танка, так хорошо запрятанного в овраге. Только он был так связан по рукам и ногам, что пошевелиться совсем не мог. Рядом лежал, также связанный по рукам и ногам, механик-водитель Сережка Мышенков, который сейчас любовался синевой неба и облаками, бегущими по небосводу. Посмотрев на набегающие с Запада тучки, Прошка подумал о том, что к вечеру будет большой дождь, который было бы лучше провести в своем танке.

– Совсем ты дураком стал, Прош?! Какой дождь, какой там, блин, танк, когда они сейчас нас расстрелять собираются! – Мысленно простонал Серега, у которого на лбу почему-то две шишки выросли.

– Да, брось ты, Серега, о чем-то плохом думать! И расстрелять нас они не смогут. Поскольку у них нет командира, который мог бы отдать такой глупый приказ. А самого главное, на все про все у них на семерых красноармейцев всего

две винтовки с двумя патронами имеются. Из чего им тогда нас расстреливать. Пугают они нас, жрать хотят вот и пугают. Думают, что смогут нас заставить на них бесплатно горбатиться?! Дурные они что ли, да и только. Видимо, никогда с «дедами» в армии не встречались.

– А кто это такое «деды», Срочную прослужил, и никогда с ними не встречался.

– Ну, слава богу, что не встречался! Сейчас Мишка проснется и надо его заставить приготовлением завтрака заняться, тогда вся эта семерка будет в наших руках. Нет, Сереж, запоминай лицо вон того парня, который ходит, приволакивая левую ногу, словно она у него прострелена.

– Ну, а зачем мне нужен этот парень, Проша?

– Это предатель, Серега, у него рация в сидоре спрятана. Он только что по ней отправил сообщение о каком-то танке, который его группой пока не найден.

– Да, Прош, иногда ты весьма проницателен, но чаще дуб дубом! Это ведь нас немцы ищут, наш КВ, который им столько плюх уже успел наложить.

– Это где же мы находимся, в раю что ли? – Вдруг в их головах послышался голосок невинного агнца, Мишки Кувалдина, который только-только пришел в сознание.

– Ну, не хрена себя в нашем экипаже ангел появился! Его бьют прикладом по черепку, а он подумал, что от такого удара в рай попадет. Не, Мишка, такие люди, как ты, в рай только после хорошей жратвы попадают!

– Миша, а ты как себя чувствуешь? Наверное, первый раз это больно прикладом по голове получать? – Поинтересовался Прошка.

– Ты не беспокойся за меня, Прохор Владимирович! Прикладом по голове, может быть, и больно?! Но не так больно, когда тебя Агафон догоняет. Сразу же в задницу с размаху бьет сапогом, а ручищей по подзатыльнику хлещет. От такого двойного удара, слезы аж сами собой текут. А он еще и братом называется! Чего делать-то будем, когда этих доходяг кормить надо?

– Ты, Миш, пока не спеши им в дружки набиваться. Пусть еще поголодают и сами нас о еде попросят, тогда и будем из них себе десантников делать.

Красноармейцы заметили, что их пленные пришли в сознание, и начали к ним подходить по одному, угрожая расстрелять на месте. Причем, эта группа красноармейцев состояла из трех узбеков, одного туркмена. Двух русских и одного татарина, вот татарин-то и был предателем с рацией в сидоре. Но он не лез куда-нибудь быть первым, а держался слегка на отшибе, но так, чтобы оставаться в курсе дел того, что творились в этой группе. Наиболее активными, видимо, из-за своей большей численности, были узбеки! Они помолчат, помолчат, а затем что-нибудь и предлагают, тогда все остальные из этой группы подтягивались к узбекам, что вместе делать работу.

В какой-то момент один из узбеков подошел к Прошке,

ткнул его своим совершенно разбитым сапогом и сказал:

– Мы сейчас тебя стрелять будем! Ты сапоги и комбинезон снимай, я их носить буду.

– Сначала найди патроны для того, чтобы меня расстрелять, а потом уж снимай сапоги и комбинезон с моего трупа! А сейчас, да, пошел ты ... – И в течение трех минут описывал узбеку дорогу, которую он должен был бы пройти.

Узбек не удивился, ни один мускул так и не дрогнул на его невозмутимом азиатском лице. Он снова мыском разбитого сапога, коснулся бедра Прошки, но гораздо осторожнее и спросил:

– А что тогда нам делать предлагаешь?

– Я вас накормлю, вооружу и сделаю из вас десантников!

При слове «накормлю» глаза узбека стали узенькими и масляными, он явно очень хотел есть. Парень отошел к своим, сел с ними в круг на корточки, произнес на узбекском языке два слова и троица надолго замолчала. Тогда своей удачей попытался татарин-предатель, он подошел к Прошке и долго, и весьма пространно о чем-то Прошке рассказывал. Но тот так его не услышал и на его слова ничего не ответил. Этот татарин пока для него совсем не существовал, как человек, с которым можно было бы поговорить.

Русские красноармейцы, как сидели, задрав головы к небу, так и продолжали сидеть. Вторая винтовка находилась у туркмена, это он прикладом приложил Прошку и Мишку. Парень совершенно не владел русским языком, поэтому не

мог их заранее предупредить, что будет бить их по голове прикладом винтовки. Сейчас он сидел у их костерка и что-то напевал на своем туркменском языке, который не был таким уж особенно музыкальным языком.

Снова поднялся на ноги тот узбек, который первым подходил к Прошке. Он подошел и спросил:

– Ты обещал нас накормить?

– Да.

– Тогда корми, мы согласны!

– А как же я вас будут кормить, если у нас связаны руки и ноги.

– Отдай оружие и тогда мы вас развяжем.

– Но ты же видишь, что у нас нет никакого оружия!

– Хорошо, тогда мне нужно посоветоваться с друзьями!

– Хорошо, советуйся!

Один из русских красноармейцев не выдержал и спросил узбека-переговорщика:

– Абдулла, ты же обещал быстро договориться, мы ведь все очень жрать хотим!

– Николай, подожди еще немного. Совсем чуть-чуть осталось, переговоры дело тонкое и сейчас мы их завершим!

Узбеки снова посидели на корточках, так и не сказав друг другу ни единого слова. Затем на ноги поднялся другой узбек, подошел к Прошке и острым ножом перерезал веревки на руках и ногах. Сделав работу, узбек совсем собрался идти сидеть на корточках, но Прошка его остановил очень хит-

рым вопросом:

– А кто за водой и хворостом в лес бегать будет?

Узбек подумал секунду, а затем перерезал веревки на руках и ногах Мишки и Сергея. Мишка тут же засуетился, из своего сидора вытащил шмат шпика и тут же бросил его в кипящую воду в котле чугушке, который уже давно висел над костром. Затем прямо на поляне начал собирать какую-то траву и охапками бросать ее в котел. В этот же котел начал бросать соль и какие-то специи, которые набрал тут же на поляне. Механик-водитель с горя побрел в лес, собирать хворост для костра. Он не успел вернуться, как Мишка свой травяной суп начал разливать по котелкам красноармейцев. Те сразу слопали по две порции подряд этого супа и тут легли на травку отдохнуть. Один из русских, по-прежнему, глядя в синеву неба, вдруг произнес осмысленную фразу:

– Господи, хорошо-то как! Еще бы мясца маленько съесть и можно будет поспать до окончания войны.

А Мишка ему тут же в ответ:

– Мяса хочешь? Поднимись на ноги и пальни из винтореза вон в те кусты. Там кабан стоит и за нами наблюдает.

Прошка удивленно посмотрел на младшего Кувалдина и подумал о том, что не так уж прост этот паренек. Не каждый телепат умеет мыслью общаться с животными, а этот деревенский вон, гляди, настоящего секача к себе призвал. Тем временем, русский с винтовкой поднялся на ноги, прицелился и свой последний патрон выстрелил в кусты. Разумеет-

ся, как это и должно было бы случиться в театре, из кустов немедленно выкатился убитый с первого же выстрела кабан огромных размеров. Туркмен моментально кабана освежевал. Вскоре Мишкина костровая кухня работала на всю катушку, жарила куски кабанятины а ля жаркое, а на потрохах вскипал еще один суп. Русские, туркмен и татарин-предатель подключились к этой работе на кухне, одни только узбеки в сторонке продолжали сидеть на корточках. Видимо, обсуждали вопрос, каким образом же им следует принять участие в работе на кухне.

Одним словом, готовили и ели, ели и готовили, к вечеру желудки голодавших людей не выдержали такого искушения этой вкусной пищей. Все семеро красноармейцев по национальному признаку распределились вокруг поляны. Вскоре из-за запахов на самой поляне нельзя было вообще находиться. Друзья выбрали себе местечко в дальнем конце поляны, где дышать пока еще было можно. Они с беспокойством в глазах посматривали за мучениями своих новых приятелей. Прошка, как практикующий «медик» их успокаивал, говоря, что ночь им придется помучиться в кустиках ночь, а утром их все пройдет и они будут здоровы.

– Вот тогда мы их мобилизуем, вооружим и посадим на броню в качестве десанта. – Говорил Прошка.

В этот момент Сергей Мышенков уже побывал в танке, и от туда мысленно отрапортовал о том, что с танком все в порядке и он готов к новому переходу к фронту.

Глава 8

1

Когда отправлялись в очередной переход к фронту, то настроение у экипажа танка КВ было радостно-повышенным, впервые за вторую неделю своего путешествия по оккупированным немцами советским республикам они были не трое, целых десять человек. После вчерашнего обжорства, а затем последовавшей за ней вечерней медвежьей болезни, Прохор Ломакин, командир танка КВ, вся ночь промаялся с семью человеками, помогая им, приходить в нормальное человеческое состояние. Заодно, работая с их головными мозгами, он этих людей проверил на то, не являются ли они шпионами или скрытыми предателями родины.

Этого теста не прошел только один человек, татарин по имени Ренат Зиггатулин.

Судьба этого парня, как только началась война, начала бросать его из огня в полымя. Но Ренату, как выяснил Прошка, до пор до времени удавалось избегать предательства родины и отстоять свое человеческое достоинство. Случайно оставшись без своих товарищей, он склонялся по лесам Западной Белоруссии, пока не встретил других таких же бедолаг и не присоединился к ним. Но уже на следующий день это неорганизованная толпа красноармейцев попала под немецкие танки и подняла руки, сдаваясь в плен. Ренат Зиггатулин тоже оказался в плену у немцев, которые тут же татари-

ну предложили вступить в какой-то татарский полк и нести охрану мостов и железных дорог на оккупированной территории. Ренат долго колебался, принимать ли ему или нет предложение немцев, но есть-то ему, очень хотелось. Да и к тому он был, чуть ли не единственным татаринком в общей массе военнопленных, которые к нему относились с непонятным озлоблением. Видя его колебания и неуверенность в себе, немцы ему предложили побродить по лесам с рацией и связаться с ними только в том случае, если на пути своем он столкнется с советским танком, блуждающим по немецким тылам. Это предложение немцев создавало видимость своей самостоятельности, а главное оно отодвигало время принятия окончательного решения. Вот с тех пор Ренат Зиггатулин и бродит по лесам Белоруссии, якобы, в поиске танка, но теша себя надеждой найти себе товарища и с ним перейти фронт. А затем в его жизни начали происходить вещи, начавшие изменять ход и всю его жизнь – встреча с красноармейцами, а затем с танком.

Утром перед отправлением в путь красноармейцев немного приодели и всем на руки выдали оружие. Русские получили по винтовке СВТ38, один узбек взял себе ручной пулемет Дегтярева, а двое других – по шмайсеру. Ренат Зиггатулин сам выбрал себе снайперскую винтовку СВТ40, а туркмен Айболек Амангельды – почему-то ручной пулемет МГ34.

Как только они покинули Логойский район, Минской области, то сразу же оказались под неусыпным вниманием

немецкой авиации. Утром, где в районе десяти часов утра, когда КВ вброд переправлялся через небольшую белорусскую речушку, их обнаружил «Фокке-Вульф 189». В тот момент танку было негде укрыться, он вброд и на малой скорости переходил реку, а на воде эта громила прекрасно смотрелась и была хорошо видна издали. С тех пор немцы старались не выпускать танк из своего вида. «Рама» постоянно висела над лесом или перелеском, куда КВ нырял, стараясь убежать от ее воздушного преследования. Прощка дал себе слово, что этот перегон станет последним дневным перегонном. Хватит шутить и заигрывать с немцами, можно и дошутиться. Днем они слишком много видят и от них можно ожидать много подлых вещей!

Андрей Васькин, присоединившийся к ним русский красноармеец, оказался настоящим слухачом, это он первым услышал завывающий звук в небе. И только после него ИскИн танка предупредил о приближении двух штурмовиков «Юнкерсов 87». В этот момент КВ двигался лесной дорогой и сверху плохо просматривался. Но через пару километров дорога выходила из небольшого лесного массива и пересекала большое колхозное поле засеянное рожью. Как ни крути, но им волей-неволей придется выйти на открытое место показаться на виду у этих вражеских штурмовиков. Прощке с первого же взгляда не понравились эти два игрушечных монопланчика с неубирающимися шасси, «лапотники» одним словом.

Он приказал всем десантника подготовиться к бою с воздушным противником. Болек, это они так для краткости стали называть туркмена Айболека Амангельды, встал к МГ34, который Прошка только вчера закрепил на турели, приваренной к задней стороне танковой башни. Андрей Васькин и Николай Булыгин подготовили свои винтовки для стрельбы по воздушной цели. Только узбеки, по-прежнему, оставались безразличными ко всему происходящему вокруг. Они не стали готовиться к воздушному бою, Прошка понял это, что было бы смешно огонь по «Юнкерсам 87» вести из шмайсеров. Которые моглои вести прицельный огонь на триста метров.

Как только КВ все-таки оказался на свободном от каких-либо деревьев пространстве на него в пике свалился один из немецких штурмовиков. Немецкий летчик, ведущий пары этих штурмовиков, совершил великолепную атаку. Он поставил свой штурмовик на крыло, и под таким неудобным для обстрела с земли углом он падал до земли два километра. В километре от земли сбросил две пятидесяти килограммовые бомбы, который разорвались в десяти метрах от дороги, Танки БТ5, БТ7 или Т-34, наверняка, от таких бы близких взрывов были бы повреждены и остановились, но только не танк КВ. Он продолжил следовать своим маршрутом, как ни в чем не бывало. От взрыва этих двух бомб с его брони скатились трое узбеков. И был сильно оглушен Болек, но он и так и не знал никаких других, кроме своего туркменского,

языков,

Но, когда немецкий штурмовик, выходя из пике, прошелся в нескольких метрах над землей и начал задира́ть свой нос, чтобы уйти в облака, то прогремела длинная очередь из турельного пулемета на половину ленты. Прошка собственными глазами видел, как пули разбили остекление фонаря кабины пилота и его голову превратили в кровавый кочан нашинкованной капусты. Еще минуту штурмовик летел параллельно земле, но когда мертвое тело пилота налегло на штурвал пилота, то «Юнкерс 87» опустил нос и своими шасси коснулся ржаного поля, перевернулся. И так штурмовик переворачивался несколько раз, пока не взорвался на оставшихся в бомболоуках авиабомбах.

Второй пилот повел себя гораздо более осторожно, чем ведущий его пары. Он не лез в атаку до тех пока, пока она не была продумана и подготовлена до самого конца. И только тогда шел в атаку, поэтому и его авиабомбы падали на земли, но слишком далеко, чтобы повредить тяжелый танк. Снова войдя в лес, Сережка Мышенков подождал появления узбеков, чтобы, взяв их на броню продолжить движение к Борису. Но, когда время ожидания превысило разумные пределы, то стало понятно, что великие переговорщики решили пойти своим путем к линии фронта. В принципе, экипаж КВ не был ограничен каким-либо определенным временем, можно было бы еще подождать этих узбеков, но после часа ожидания Прохор Ломакин дал приказ механику-водителю

продолжить движение по маршруту Логойск – Жоди́но – Буда́гова – Ба́бий лес – Ка́льники – Бори́сов.

Но этот день не ограничился одними только воздушными атаками немецких штурмовиков под Будаговой, а также исчезновением трех десантников узбекской национальности, танк КВ в этот же день чуть-чуть не попал в заранее подготовленную артиллеристскую засаду 105 мм немецких легких гаубиц. Возможно, именно это часовое ожидание дезертировавших десантников узбеков, спасло экипаж боевой машины от уничтожения под Кальниками. Уйдя из-под атак немецких штурмовиков под Будаговой, в течение последующих трех часов КВ следовал лесной дороги, которая пролегла параллельно Будагова – Девичий лес – Кальники – Борисов, ни разу не появляясь на этой слегка мощеной дороге.

Это четырехчасовое исчезновение вражеского танка из-под авианаблюдения, видимо, заставило командование немецкой группы по его перехвату и уничтожению предположить, что экипаж танка после нападения штурмовиков изменил маршрут своего следования к Борисову. Здесь следует упомянуть, что существовало четыре различных варианта маршрута следования тяжелого танка от Логойска до Борисова. Поэтому на самой окраине Кальники, когда КВ вышел из леса и беспардонно поперся через этот населенный пункт, практически на самой его окраине вражеский танк лоб в лоб столкнулся с колонной грузовиков «Опель-блиц» с четырьмя 105 мм легкими гаубицами на прицепе. Бой разгорелся

мгновенно и также мгновенно закончился. Еще десяток бронбойных и фугасных снарядов, выпущенных Михаилом Кувалдиным, навсегда покончили с существованием этой батареи легких гаубиц дивизионного подчинения. Четверо десантников на броне танка практически полностью расстреляли свои боекомплекты, ведя непрерывной огонь по живой силе противника.

Пройдя Кальники, КВ снова свернул с дороги и канул в бесконечные белорусские леса, продолжая продвигаться по направлению к Борисову.

Обергруппенфюрер СС Эрих фон дем Бах-Зелевски вызвал к себе оберштурмбанфюрер СС Михеля Циннера и вежливым голосом поинтересовался, сколько еще время советский тяжелый танк КВ будет бесчинствовать, устанавливая свои порядки на освобожденной от советов земле?! Обергруппенфюрер СС страшно возмущало и то обстоятельство, что все больше и больше гражданский лиц собственными глазами видят, как этот танк беспрепятственно путешествует по оккупированным территориям, а полк оберштурмбанфюрера СС Циннера никак не может загнать его в ловушку, чтобы захватить или, по крайней мере, уничтожить. Михель Циннер пожаловался на то, что он все-таки в полной мере не обладает информацией по этому танку, чтобы планировать какие-либо по нему операции.

Тогда Эрих фон дем Бах-Зелевски поднял голову и, задумчиво, посмотрел на оберштурмбанфюрера. Затем под-

нялся на ноги и несколько раз прошелся по своему кабинету. Он остановился перед Циннером и спросил:

– Как бы ты поступил в ситуации, когда о противнике мало или совсем ничего не известно, отсутствует какая-либо информации, но дело об его уничтожении будет в дальнейшем сказываться на твоём продвижении по служебной лестнице?

Оберштурмбанфюрер СС Михель Циннер мгновенно подтянулся, сосредоточился и сказал в ответ:

– Мне в таком случае остается только одно. Противника требуется заставить думать и поступать именно так, как тебе требуется! Зашнать его в ловушку и уничтожить.

– Так вот, господин оберштурмбанфюрер, вам предоставляется трое суток на розыски и уничтожение этого вражеского танка. Вашему полку будут предоставлены все необходимые средства усиления, но, если в течение этих трех суток танк не будет найден и уничтожен, то имени оберштурмбанфюрера СС Михеля Циннера в никогда более в списках Ваффен СС существовать не будет!

2

Чем ближе они приближались к фронту, тем тяжелее экипажу танка КВ удавалось оставаться незамеченными врагом, маневрировать и пролезать сквозь угольное ушко между военными частями немцев, да и просто выживать. Здесь под Борисовым им пришлось особенно трудно. С начала войны прошло чуть менее полтора месяца. Гитлеровцы оккупировали такую громадную территорию Советского Союза, что пару месяцев назад ни один советский человек в это бы не поверил. Уже сегодня в большинстве оккупированных районов эффективно существовала и функционировала смесь прошлой, советской власти – председатели колхозов, и новой, оккупационной власти – старосты.

И старая, и новая власть не очень-то охотно принимала или снабжала продуктами части и подразделения красноармейцев, бродивших по лесам и пытавшихся прорваться к своим, через линию фронта. Может быть, поэтому старосты и полицейские в деревнях и селах тщательно отслеживали своих жителей, которые были, по их мнению, неблагонадежными, и могли бы бродячих красноармейцев снабжать продуктами питания. Ими устраивались облавы, хватались и арестовывались и те, кто давал продукты, и те, кто их получал, чтобы и тех и других затем передать в руки немецкой криминальной полиции.

За Логойском прекратилось действие влияние великого семейства Кувалдиных, что мгновенно сказалось и на объемах поставляемых продуктов. Проще было бы сказать, что поставка продуктов прекратилась, сошло на нет, а командир танка, Прохор Ломакин, начал подумывать о переходе на подножный. Правда, под этим он подразумевал, переход на кормление всех членов экипажа солдатскими рационами немецкого вермахта. Экипаж танка и десантники снова перешли на двухразовое питание, утром – завтрак, а обед совместно с ужином – вечером. Мишка пока еще успевал к вечеру разыскивать кое-какой дополнительный продукт. То картошку с колхозного поля сохнет, то творога и молока с молочной фермы утащит, чтобы вечером соорудить или приготовить что-нибудь весомое и лакомое. В готовке ужина ему охотно помогали Алексей и Николай, но они не были кулиарами, все трое парней родились в один год.

Об этом и о многих других дедах размышлял Прошка, удобно разлегшись на башне танка, в ожидании, когда будет готов ужин. Он уже решил, что долго в пригородах Борисова задерживаться не будет, а завтра же с утра экипаж танка уйдет в трехдневный марш бросок до Смоленска, до которого оставались какие-то там 250 километров пути. Но его все-таки тайно беспокоила и тревожила организация калорийного питания семи членов экипажа, а также то, что количество снарядов и патронов становилось все меньше и меньше. На прорыв фронта он все же хотел идти с полным боезапасом.

Уже сидя с котелком в руках и неторопливо ложкой поедая картофельный суп, высшее произведение кулинарного искусства Мишки Кувалдина, Прохор неторопливо рассказывал ребятам о том, как они будут проводить три следующих дня своей жизни. Завершив рассказ, он внимательно осмотрел лица своих подчиненных, и их молчание воспринял, как знак согласия. Затем он также неторопливо рассказал о двух проблемах, которые им было бы желательно решить сегодня ночью или, в крайнем случае, завтра утром – найти продукты и снаряды.

Неожиданно для всех членов экипажа заговорил туркмен Айболек Амангельды, который, как позднее выяснилось, оказался не туркменом, а таджиком. Но не в этом было дело, а несколько в другом. Срочную службу Болек проходил именно под Борисовым, служил вечным часовым одного подземного склада арсенала, который находился в пяти километрах от селения Малое Стахава. К сожалению, Болек не знает, где находится это селение и как до него добираться, так из городских казарм их туда доставляли на грузовике, кузов которого был всегда закрыт тентом.

Прошка тут же посоветовался со своим планшетником, и тот подтвердил факт того, что под белорусским Борисовым находятся два Стахава, Новое и Старое. От них до Нового Стахава было всего двадцать километров, но танку до Нового Стахава придется ползти чуть ли не в пределах города Борисова. На всякий пожарный случай, Прошка запросил

планшетник, не имеется ли в Новом Стахава какого-либо арсенала-склада. Планшетник помедлил, а затем ответил, что он не имеет выхода на всемирную информсеть, поэтому не обладает достаточной информацией по этому вопросу. Но, если судить по имеющейся в его оперативной памяти информации, то в случае, если бы такой склад и существовал, то он мог бы располагаться примерно в таком месте, и планшетник выдал координаты этого места.

Где-то в районе трех часов они сумели-таки никем не замеченными подобраться к предполагаемому месту нахождения такого склада. В течение полутора часов экипаж облазил все возможные подступы к складу, но так ничего и не обнаружил. Далеко-далеко первыми солнечными лучами заискрилась линия горизонта. Болек все это время провел в какой-то тупой неподвижности, каждые пять минут повторяя:

– Я не узнаю этого места! Мои ноги здесь не ходили!

Когда поиски склада прекратили и все полезли на броню, чтобы отправляться дальше по маршруту, то он вдруг остановился, закрыл глаза и начал к чему-то прислушиваться. Борисов со своим гарнизоном находился слишком близко и слишком опасно, поэтому Прошка не выдержал и командирским тоном прокричал:

– Болек, на броню! Сейчас мы отправляемся в дальний путь!

Но в ответ Болек вдруг рванул в сторону и исчез в полусумраке рассвета. Люди на секунду замерли, никто не понял

поведение туркмена-таджика, неужели он решил дезертировать. Но вскоре Болек вернулся и гораздо более спокойным голосом заявил:

– Я был прав и нашел свой склад, в котором простоял на посту два года моей срочной службы. Мои ноги узнали тропу и привели меня прямо к складу. Прощка, пойдем, я покажу тебе это место.

В начале войны, когда немцы подступали к Борисову, то они сильно бомбили окрестности города. Серия бомб взорвалась в лесу, уничтожила часовых и вскопала воронками дорогу к самому складу. У немцев еще руки пока до многих вещей не доходили, поэтому они еще не успели разыскать и раскопать этот склад арсенал. Одним словом, склад пока оставался целехоньким, нужно было только подобраться к нему ближе и каким-либо образом сорвать стальные двери. Сережка Мышенков сумел-таки свой КВ подогнать к самым стальным дверям и с третьей попытки сорвать их с петель. При первом же обследовании выяснилось, что склад доверху забит танковыми снарядами всех калибров, патронами к винтовкам и пулеметам, а также консервированными мясными продуктами питания.

После недолгих розысков нашли ящики с 76 мм бронебойными и фугасными снарядами, которыми пополнили боезапас в танке и несколько десятков ящиков бросили в прицеп. Нашли новые винтовочки СВТ40, но ни Андрей Васькин, ни Николай Булыгин не стали менять свои старые вин-

товки на новые. Только Ренат Зигатулин долго подбирал себе новенькую снайперскую винтовку СВТ40 с великолепной оптикой. Пока шла погрузка снарядов и патронов к танковым пулеметам. Прошка все это время ломал голову над тем, что же делать с этим складом, оставлять его целым было нельзя, немцы рано или поздно его разыщут, но и минами рвать такое богатство, ему почему-то не хотелось, было жаль.

Вопрос решился очень просто, к Прошке подошел Николай Булыгин, стеснительно улыбаясь, он спросил:

– Товарищ командир, на какое время будем выставлять будильник?

– А что за будильник, Николай, и для чего его надо выставлять?

– Так склад же рвать будем! А будильником у нас, саперов, таймер взрывчатки называется. Поставишь на нем время, в это время склад и взлетит на воздух. Красиво тогда будет и грохот большой стоять будет!

– Так, ты у нас сапер, оказывается! Ну, замечательно, взрывавай этот склад к чертовой матери! Только не забудь и себе немного взрывчатки с таймерами оставить. Может, и она нам пригодиться!

– Хорошо, я это уже сделал и в прицеп свое хозяйство аккуратно сложил. Ну, так, в какое время склад взрывать будем?

Прошка подумал немного и сказал:

– Ставь на тринадцать часов. Пусть город этим взрывом

налюбуется в обеденное время!

Николай Булыгин очень быстро вернулся обратно и тут же полез на броню танка. Прощка подождал, когда он устроится на своем месте десантника, внимательно осмотрелся, экипаж был в полном составе, а затем приказал:

– Трогай, Серега! Да будет нам сопутствовать удача и на этом перегоне. До фронта, парни, нам осталось преодолеть всего двести пятьдесят километров, а это соответственно три дня пути.

Только они вынырнули из небольшого лесного массива, где находился склад-арсенал, чтобы переехать поляну, и снова нырнуть в лес, в котором и лежала их дорога к фронту, как перед их глазами встала незабываемая картина. К этой поляне чуть ли не вплотную подходило хорошо мощеное шоссе Минск – Москва, по которому двигалось бесчисленное множества немецких грузовиков с пехотой и моторизованной пехотой в их кузовах, артиллерийские тягачи с различными пушками на прицепе, легкие танки и танкетки, а также бронемшины бокового охранения. Полк оберштурмбанфюрера СС Михеля Циннера выдвигался на позиции в Старое Стахава для перехвата и уничтожения вражеского тяжелого танка КВ.

В этот момент Прохор Ломакин до пояса торчал из люка своей командирской башенки, мысленно он ухватил готовность вступить в бой со всей этой вражьей силой со стороны Сережки Мышенкова и Мишки Кувалдина. Тогда он повер-

нул голову в сторону своих десантников и Андрияшка Васькин ему прошептал дрожащими губами:

– Прощка, чего ждешь? Стреляй по этим гадам!

– Прикажи открыть огонь, Проша! – Просили, умоляли глаза Болека.

А Ренат Зиггатулин приник к снайперскому прицелу своей новой снайперской винтовки и сделал пять выстрелов. Стрелял он по бронированной штабной машине, которая следовала в центре колонны. Пять выстрелов и четыре трупа немецких офицеров, среди которых был и оберштурмбанфюрер СС Михель Циннер, а также одного стрелка водителя оказались в этой машине.

Из-за поднятого шума движения этой полковой автоколонной прозвучавших винтовочных выстрелов из винтовки не было слышно, только кюбельваген вдруг выкатился из общего строя движения колонны и с высокой насыпи сверзился к ее основанию. Увидев такое дело, Мишка напрямую обратился мыслью к Прощке и потребовал разрешение на обстрел вражеской. Вскоре воздух загудел от выстрелов танковой пушки. Мишка стрелял, практически не прицеливаясь, но каждый выпущенный из пушки снаряд находил свою цель. Первые пять снарядов поразили три передних грузовика, которые разрывами снарядов были развернуты так, что перегородили дорогу колонне. Вторые пять выстрелов арьергард колонны превратили в море огня и разрывов снарядов. А затем Мишка вел обстрел колонны на свой вкус и цвет, вы-

бирая цели по нраву, которая больше всего ему понравиться. Но в основном он выискивал танки и танкетки, а также бронетранспортеры противника.

В этот момент все десантники с брони танка вели огонь на поражение живой силы противника. Прошка уже давно вылез из башни и работал турельным пулеметчиком МГ34 по немцам. В какой-то момент он мысленно прикрикнул Мышенкову, чтобы тот не стоял и не спал бы на одном месте, а сближался бы с противником, чтобы давить врага корпусом и гусеницами танка. Сергей, до глубины души обиженный высказыванием Прошки, сумел-таки КВ поднять на насыпь дороги и пошел вдоль ее полотна в сторону от Борисова. Жители окраинных районов Борисова хорошо видели регулярные вспышки огня, когда стреляли орудия на дороге Минск – Москва. До них докатывались и раскатистые звуки орудийных и танковых выстрелов.

А ровно в 13.00 над ближним перелеском вдруг в небо поднялся гигантский столб огня. Над округой пронесся стремительный ураган и только после этого послышался звук взрыва. Во многих городских домах стекла вылетели из оконных рам и фрамуг.

А на шоссе все еще продолжали рваться боеприпасы в грузовиках машин и бронетранспортерах. Но танка КВ там уже не было, мало кто видел, что этот танк, раздвинув корпусом горящие машины, немного прошел по шоссе, на первом же повороте съезде повернул налево и канул в зеленой

растительности леса.

В этот момент в имении-усадьбе Старое Борисово, где располагался штаб группы армий «Центр», закончилось совещание. Все его участники вышли на террасу, где для них был приготовлен чай и кофе. Адольф Гитлер был очень доволен результатами, достигнутыми армиями, которыми командовал генерал-фельдмаршал Федор фон Бок. Он стоял и маленькой ложечкой помешивал молоко в кофе, продолжая незаконченный разговор с фон Боком. Гитлеру очень хотелось на автомобиле проехаться по шоссе Минск – Москва до Смоленска, чтобы собственными глазами понаблюдать за тем, как войска группы армий «Центр» сражаются за этот самый крупный советский город, встретившийся на пути немецких войск. Поэтому он искал возможности переговорить на эту тему с командующим фон Боком, но тот постоянно сохранял на лице выражение гениальной военной строгости и неприступности.

Именно в этот момент где-то на окраине Борисова последовал оглушительный взрыв и над городом поднялся столб пламени. Фюрер вопросительно посмотрел на фон Бока, а тот в свою очередь перевел свой взгляд на обергруппенфюрера СС Эриха фон дем Бах-Зелевски, который нес непосредственную ответственность за обстановку в тылу его армий и который находился в нескольких от них шагах. Фон дем Бах-Зелевски на скорости подлетел к командующему войсками и фюреру, далеко выбросил правую руку вперед и

громогласно объявил:

– Мой фюрер, войска СС в рамках учебной программы провели учебно-тренировочный бой по уничтожению крупного партизанского отряда.

Адольф Гитлер тут же потерял ко всему интерес. Одному из своих военных адъютантов он шепнул на ухо о том, что ему все надоело и что он хотел бы где-нибудь отдохнуть в одиночестве. Адъютант тут же всех расшвырял локтями, вышел на середину комнаты и объявил о том, что фюрер устал и хочет отдохнуть. Генералы и полковники тут же потянулись вон из этого помещения.

3

Прошка стоял и смотрел на два скола брони на танковой башне, сюда попали два немецких снаряда и, не пробив брони башни, ушли рикошетом. Сейчас он всеми силами пытался вспомнить, когда же это произошло, когда и кто все-таки стрелял по их танку? Но у него в памяти ничего такого не сохранилось, он не мог вспомнить такого момента, когда кто-то по ним стрелял из противотанковых орудий. Все время боя ему казалось, что немцы были настолько ошеломлены их появлением, что с первого и до последнего его момента они практически не сопротивлялись, а бежали и искали укрытия от их пуль и снарядов. Мишка подсчитал, что во время боя он выпустил 10 бронебойных и 14 фугасных снарядов. Слава богу, что они так вовремя нашли этот склад-арсенал, а то после этого боя у них почти не было бы снарядов для танковой пушки.

Но и они не обошлись без потерь, погиб Андрей Васькин, дурацкая пуля попала ему в бедро и разорвала крупную кровеносную артерию. В течение минуты парень лишился крови и заснул с улыбкой на мертвенно бледном лице, так никого не предупредив о своем смертельном ранении. Ночью они похоронили его со всеми полагающимися почестями. В какой-момент Прошка решил, что это не честно друзей хоронить, завернув их тела в плащ-накидки и положив на од-

но неглубокой могилы. Он создал иллюзию похорон большого военачальника с прохождением парадным строем войск и трехкратным винтовочным салютом. Они, все члены экипажа танка, стояли на постаменте, а перед ними другие бойцы опустили тело Андрея Васькина в могилу и его закопали, а затем перед ними парадным шагом прошла рота почетного караула.

Николай, Ренат и Болек так и не поняли, что с ними произошло, но они сквозь слезы улыбались, понимая, что их Андрюшка погиб во славу своей родины.

Подошел Сережка Малышев, который сегодня был несколько возбужден:

– Ты, знаешь, Проша, сегодня, когда мы вместе рыли могилу Алешке, то я разговорился с Болеком. Он вдруг мне прямо в лоб заявил, что всею душой ненавидит Красную Армию, которая превратила его в настоящего раба. Два года срочной службы он простоял часовым на том складе, который мы взорвали, день и ночь охраняя деревянные и металлические ящики с патронами, гранатами и снарядами. Как был до армии безграмотным, так им и остался, как у него не было рабочей специальности, так он ничему на этом складе и не научился. Как был таджиком на побегушках для сержантов и командиров, который был нужен для того, чтобы чего-нибудь принести или унести, так им и остался.

Мышенков мало курил, но смерть Андрея Васькина, выбила его из привычной жизненной колеи. И он закурил сол-

датскую махорочную самокрутку, от дыма которой даже у Прошки слезились глаза. Он говорил, рассказывал о Болеке, одновременно захлебываясь от приступов махорочного кашля.

– Он даже подумывал о том, чтобы уйти к немцам, но пребывание в нашей кампании заставило его изменить это намерение. Прощ, а почему ты Болеку дал пулемет?

– Меня поразила меткость этого парня, это надо уметь, чтобы двадцатью патронами сбить «Лапотник», а ведь этот немецкий штурмовик, – очень серьезная и грозная машина!

– Ну, вот видишь, как ты подходишь к решению этого вопроса, а Боек решил, что ты в него поверил и решил сделать из него настоящего человека. Дал ему в руки свой пулемет!

– Но это именно так и было, Сережа!

– Может быть тогда, мы предложим Болеку стать полнокровным членом нашего экипажа, к примеру, заряжающим.

– Переговори с Михаилом по этому вопросу, а что касается меня, то я не возражаю.

Чуть ли не весь световой день они провели в лесном массиве под Крупками, крупным белорусском поселком, стоящим в паре километров от шоссе Минск – Москва. Озера, реки и болота Белоруссии сильно ограничивали зоны, в которых танк КВ мог бы смело и, без оглядки, двигаться по проселочным дорогам, не опасаясь провалиться в болото или не суметь форсировать какую-либо маленькую, но с противным характером речушку. Поэтому при разработке очеред-

ного маршрута перехода на следующие семьдесят километров, вот и приходилось держаться больших дорог и крупных населенных пунктов, где в крайнем случае можно было бы найти трактор тягач.

Когда танк КВ идет по такой местности, то у Прошки душа болит, а вдруг что с танком случится, он, черт побери, такой тяжелый и неповоротливый, что может встать в любом месте и по любому пустяку. Но две недели, проведенные с этим монстром, превратили КВ в любимое дитя, за которое постоянно болит душа. Но за этот день произошли кое-какие и положительные изменения, немецкую авиацию почему-то стало не видно. Бесследно исчезла «Рама» со своим стонущим и на нервы действующим гудением двигателя и штурмовики более не появлялись на горизонте. Словно немцы потеряли интерес к танку и прекратили на него охоту.

Сегодня весь день Прошка не отходил от своего танка, он снова и снова осматривал опорные катки и гусеничные ленты своего КВ. Пока удачный ремонт и модификация его ходовой части, проведенный семьей Кувалдиных, позволяла в полной мере эксплуатировать этот танк. При этом сохранялась серьезная надежда и на то, что ходовая часть КВ без какого-либо дополнительного ремонта выдержит еще тысячу километров. Двигатель танка тоже в последние дни и определенной мере совсем не форсировался. Он не грохотал и не гудел, как простуженный и пьяный алкаш дворник, а даже на высоких оборотах работал с тихим шелестом. Поэтому в

прошлом бою немцы и проворонили его появление, как КВ, словно черная тень вынырнул из маленького перелеска и нанес смертельный удар по полковой колонне.

Закрыв обзорные лючки ходовой части танка, Прошка отправился к ИскИну танка, прокладывая очередной маршрут. Сегодняшняя ночь должна стать самой длинной ночью в жизни экипажа, Прошка решил за ночь пройти 90 километров, от Крупков до Барани под Оршей. И, разумеется, танк не пойдет основной магистралью, а опять будет пользоваться второстепенными или даже третьестепенными дорогами, которые идут параллельно шоссе Минск – Москва.

– Ты, Проша, самый настоящий молодец и хороший командир танка! –

Вдруг в голове Прохора Ломакина послышалась похвала, произнесенная совершенно незнакомым голосом. Он несколько испуганно оглянулся и тут же расслабился, за ним стоял чем-то довольный и улыбающийся Мишка Кувалдин. Этот парень всего за несколько дней пребывания членом экипажа танка как-то развернулся и расцвел и не только своими кулинарными талантами. Прежде всего, парень оказался на своем месте и среди друзей и товарищей, которых хорошо понимал и старался стать вровень с ними, хотя бы на первых порах, по отличному знанию своей воинской специальности, наводчика орудия. Но однажды вечером Прошка видел, как Серега Мышенков ему рассказывал о своем рабочем месте и об азах вождения танка. Со временем этот дере-

венский парнишка станет отличным механиком-водителем и командиром танка.

– Что-нибудь случилось, Михаил?

– Да, нет, все в абсолютном порядке. Только что пересчитал количество снарядов. У нас полтора боекомплекта, одним словом, до своих вполне хватит!

– Ну и, слава богу! У нас сегодня ночью будет самый длинный перегон к линии фронта! Так, что Михаил иди и к нему хорошенько подготовься. Ты случайно поблизости Рената не видел, а то мне хочется с ним переговорить.

– Он там ниже по склону на берегу ручья сидит и на течение воды смотрит.

Прошка легкими прыжками спустился вниз по склону и увидел Рената.

Почти у самой воды ручья сидел Ренат Зиггатулин и, положив снайперскую винтовку на колени, курил немецкую сигарету и задумчиво смотрел на то, как бежит вода у самых его ног. Из всей группы красноармейцев, присоединившихся к экипажу КВ, Зиггатулин для Прошки все же оставался самым сложным в понимании человеком. Казалось бы, что все в этом человеке ясно и понятно. Но человек со стороны никогда не догадается о том, что Ренат – это человек, который едва не переступил через свое горло, чуть не став предателем родины, а теперь страдает и мучается по этому поводу.

Внезапно Прошка осознал, что ему не стоит к этому человеку лезть с душещипательными историями о спасении ду-

ши, Ренат Зиггатулин сам справится со всеми своими проблемами. Он приостановил свой спуск по склону, помедлил немного, а затем решил вернуться к танку и продолжить его осмотр.

Глава 9

1

Обойдя далеко стороной Толочин, КВ тихо постукивая траками гусениц о высохшую и утрамбованную землю проселочной дороги, но, не нарушая ночной тишины воем и гулом своего двигателя, на скорости, примерно, 35 – 40 километров в час двигался к конечной цели своего перехода к городку Барань, что под Оршей. Примерно, на середине маршрута Мишка Кувалдин, не выдержав тишины и тихого убаюкивающего хода танка, не заметно для себя заснул, свернувшись по-детски калачиком в своем кресле наводчика. Это моментально заметил Серега Мышенков, и он тут же захотел немного подшутить над этим деревенским мальцом. Но Прошка вовремя заметил эту попытку механика-водителя и вежливо попросил механика-водителя оставить уставшего наводчика орудия в покое, дать ему выспаться перед боем.

Когда командир танка, Прохор Ломакин, упомянул о предстоящем бое, то он исходил из простой мысли о том, что каждый день их пребывания на вражеской территории, сопряжен с тем, что в любую минуту они могут встретить врага и вступить с ним в бой. Сережка Мышенков же эти слова командира воспринял по-своему, он понял их так, что сегодня им предстоит повоевать с противником. Он тут же и начал готовиться к этому бою. Сам же Прошка в этот момент

сидел на горловине своего командирского люка и прислушивался к ночной тишине и даже пытался в ней раствориться. Но, что можно было бы услышать или увидеть в этой сплошной, без единого огонька темноте. Прошка даже и не пытался всматриваться в ночную черноту, он просто прислушивался и вслушивался во все то, что происходило вокруг него в этой белорусской дивной ночи. Его головной мозг, работая на полном автомате, выделял и улавливал все звуки, издаваемые их танком при движении, сводил их в единую группу и, словно удалял их из его памяти, оставляя не тронутыми звуки, рожденные самой ночью.

Вот и сейчас, сидя на танковой башне, Прошка вслушивался в дыхание безлунной ночи. Он слышал шелест ветра и чувствовал, насколько этот ветерок приятен. Обдувая его лицо, ветерок снимал с кожи его лица августовскую жару белорусского жаркого дня. Он слышал, как где-то далеко-далеко от дороги пролаяла собака. Белорусские крестьяне большей частью, несмотря на голодные военные времена, подкармливали своих дворовых барбосов и прятали их от немцев, которые почему-то их невзлюбили и всегда отстреливали. Иногда ночь приносила зарева далеких пожаров или даже вспышки орудийных залпов. Это где-то там далеко от них окруженные и преследуемые противником красноармейские части вели бои и рвались к линии фронта, чтобы ее пересечь и воссоединиться со своими войсками. Но сегодня никаких таких зарев не было, сплошная тишина и чернота спокой-

ствия окружала танк и его экипаж.

А иногда в этой ночной тиши Прошка слышал близкий или далекий колокольный перезвон. Прошка всегда считал себя верующим человеком, но никогда в церковь не ходил, поэтому плохо ориентировался в том, когда и какой празднуется православный праздник. Поэтому он не знал, по каким причинам звонит тот или иной колокол, но было так приятно в ночной тиши услышать умиротворенное звучание колокола. Он весь замирал и пытался хотя бы угадать, по какому поводу звучит этот колокол. Но иногда звучал не просто колокол, а тревожный набат. Правда, такое звучание колокола он слышал один только раз за все время движения КВ по оккупированной немцами советской земле.

Проснулся Михаил и сразу же принялся возиться со своим 78 мм орудием.

И словно в ответ на это его недовольное пробуждение где-то впереди по маршруту движения КВ бабахнул орудийный выстрел, горохом посыпалась пулеметная очередь. Пулемет он сразу узнал, стрелял пехотный пулемет Дегтярева, а вот выстрела из орудия Прошка не признал. Он был какой-то металлически молодым и звонкий, на слух не очень-то серьезный калибр. Но эти звуки встревожили Прошку, ведь стреляли впереди по курсу движения их КВ. Прошка закрыл глаза и попытался соотнести их маршрут следования и примерным местом прозвучавших выстрелов. Странно, но это ему легко удалось, в его мозгу вдруг всплыло название поселка

городского типа Болбасово, который находился в пятнадцати километрах от Орши.

Планируя этот перегон, Прохор первоначально хотел сделать дневную остановку именно под этим поселком, особо не приближаясь к Орше. Но в Болбасово был военный аэродром, на котором до войны базировались два авиационных полка РККА, истребительный и разведывательный. Немцы тоже, наверняка, будут этот аэродром использовать под свои нужды, а это означает дополнительную и серьезную охрану авиабазы. После недолгих размышлений, Прошка отказался от этой своей первоначальной идеи и решил останавливаться под поселком Барань. Оттуда провести разведку Орши и уж после этого прорываться к фронту. Но орудийно-пулеметная стрельба, которая только что началась, шла под этим самым Болбасово. Он мгновенно и в мысленном диапазоне проконсультировался по этому вопросу с Мышенковым и Кувалдиным.

В момент принятия единогласного решения идти на Болбасово все трое телепатов внезапно услышали голос четвертого незнакомого телепата, который подтвердил правильность принимаемого ими решения. Затем тот же голос пояснил, что на аэродроме в Болбасово в подсобных целях использовалась большая группа военнопленных красноармейцев. Под влиянием агитации со стороны оршинских подпольщиков военнопленные подняли восстание и сейчас пытаются захватить военный аэродром. Красноармейцев мно-

го, но оружия у них практически нет, им удалось захватить одну 45 мм противотанковую пушку с десятью снарядами, пару пулеметов и десяток винтовок. Охраняет же аэродром батальон украинских полицейских и взвод солдат 221-й немецкой охранной дивизии. Они сдержали первый натиск восставших красноармейцев и сейчас ожидают подкрепления из Орши, чтобы с ними покончить.

Ни тем, ни другим пока не удается перебороть друг друга!

А на подавление восстания военнопленных уже выдвигается моторизованный батальон СС из оршинского гарнизона, который должен проследовать по дороге Орша – Болбасово и ударить красноармейцам в тыл. Если экипаж танка сумеет приостановить и задержать продвижение к аэродрому этого эсэсовского батальона, то он, Ренат Зиггатулин, вместе с Болеком возьмет командование красноармейцами на себя и уведет их в белорусские леса, где из красноармейцев создаст партизанский отряд.

Это был мгновенный обмен мыслями, но Сергей Мышенков все же успел поднять скорость движения танка до сорока пяти километров в час. Сейчас тяжелый КВ двигался с непозволительно большой для своего тоннажа скоростью, дорога Обольцы – Коханова – Червино, перемалывая ее за собой в мелкий щебень. Внутренне Прохор почему-то совсем не удивился подключением к их ментальному разговору Рената Зиггатулина, в принципе, он уже давно ожидал подобных действий с его стороны. Именно поэтому сегодня

утром на берегу ручья решил Прохор решил не инициировать с Зигатулиным разговора на эту тему, а предоставил Ренату полную свободу действий.

И вот оно свершилось, Ренат Зигатулин, как и он, человек не из этого времени. Даже похоже на то, что он вообще не человек, а гуманоид вселенной, но разговор на эту тему им предстоит не сегодня, а много позже. Но до этого времени еще следует дожить. Поэтому сейчас, Прошка выкинул все мысли о возможном будущем из головы, высунулся из башни и, протянув руку, попрощался с Ренатом и Болеком, а Николаю Булыгину приказал, залезать в башню и занять боевой пост заряжающего. Перед этим он коснулся пальцами висков Николая, и на белый свет появился еще один телепат.

Они успели-таки вовремя выйти на пересечение двух дорог Обольцы – Червино и Орша – Болбасово. У них даже оказалось еще двадцать минут для того, чтобы осмотреться, подобрать удобную позицию для боя с эсэсовцами. К сожалению, на перекрестке не было высоких дорожных насыпей, была одна сплошная равнинная поверхность. Эта поверхность была покрытая неширокими лесополосами, кустарниками, в которых КВ, будучи более чем два метра ростом, не мог спрятаться, и небольшими рощами. Мышенкову все же удалось КВ загнать комою в одну из лесополос, и экипаж замер в ожидании появления противника. Избранная позиция не позволяла им вести бой из засады, из танкового орудия расстреливая немцев. Прошка сразу же понял, что только

неожиданность первого удара и встречный маневренный бой позволят им сдержать противника.

Немцы остались верны себе, впереди своей батальонной колонны они в качестве разведки и боевого дозора выпустили полуроту мотоциклистов. Надо отдать должное солдатам эсэсовских дивизий, они умели воевать и были готовы отдать свои жизни за свой великий Рейх. Но, как бывалые и опытные солдаты, в своей жизни они иногда допускали ошибки, полагая, что на завоеванных землях, могут вести себя, как заблагорассудится. Так и в этом случае, сегодня немецкие унтерменши ехали на усмирение какой-то вонючей своры недорезанных недочеловеков, и в грузовиках вели себя соответствующим образом. Ржали, словно застоявшиеся жеребцы, перекидывались непристойными шутками и подбадривали себя дешевым солдатским ромом. Да и сейчас время было совсем ранним, рассвет должен был наступить только через полчаса, но на небосводе была луна, которая отлично освещала дорогу и прилегающую к ней местность.

Но, когда первый грузовик Бюссинг, ехавший впереди автоколонны, неожиданно столкнулся с тяжелым танком и от лобового удара перевернулся, то это несколько удивило подвыпивших эсэсовцев. Но, когда по эсэсовцам, посыпавшимся из кузова перевернувшегося грузовика, быстрой россыпью прошла очередь танкового пулемета, то смех и веселье в двадцати двух других грузовиках мгновенно прекратились.

Стоявшие в кузовах грузовиков и вооруженные до зубов

эсэсовцы с удивлением в глазах наблюдали за тем, как под широкими танковыми гусеницами умирают их братья и боевые товарища. В этот момент тяжело ухнула 76 мм танковая пушка, и снаряд вдребезги разнес кабину второго грузовика, осколками убив и ранив половину стрелков и гренадеров этого Бюссинга. К тому же танк, проехав через первый еще не загоревшийся грузовик с эсэсовцами, не остановился перед вторым пылающим грузовиком. Вспыхнувший ярким пламенем, второй грузовик стал виден далеко вокруг, на нем скрестились взгляды всех эсэсовцев, которые из-за этого яркого пламени и антрацитовый черноты ночи на какой-то период времени потеряли способность вообще ориентироваться в этой предрассветной темноте. Но вскоре загорелись третий и четвертый грузовики колонны...

Ошеломленные таким внезапным нападением и мощным ударом, эсэсовцы пока еще не понимали, что же такое происходит и кто на них напал, откуда здесь мог появиться вражеский танк? Но это состояние непонимания боевой обстановки не могло долго продолжаться. Командир батальона, гауптштурмфюрер СС¹⁶ Вронцке, ехал в четвертом кубельвагене во главе колонны и его Михаил Кувалдин расстрелял из одного только крупнокалиберного пулемета, ради экономии танковых снарядов. В результате этого обстрела гауптштурмфюрер СС Вронцке получил серьезные раны в полость живота и правую половину груди, но от этих ран он не

¹⁶ Капитан.

умер, а санитарями был вовремя вынесен с поле боя, чтобы затем долго лечиться в одном из госпиталей в Германии. Даже при выписке из госпиталя гауптштурмфюрер СС Вронцке не мог толком объяснить, что же произошло в ту августовскую ночь 1941 года, когда он получил эти ранения.

Командиры рот этого эсэсовского батальона несколько раз пытались взять в свои руки руководство боем, но первое время у них из этого ничего не получалось. Слишком уж стремительно и мощно действовал этот неизвестный танк, из-за чего боевая обстановка также стремительно развивалась, далеко не в лучшую для эсэсовцев сторону. Паника охватила рядовых стрелков и гранадеров эсэсовцев, в результате которой боевая обстановка была дезорганизована. Стрелки и гранадеры эсэсовцы, спасая свои жизни, начали в панике разбегаться от этого громадного танка монстра. Эсэсовские офицеры, действуя в строгом соответствии с кодексом чести, применили личное оружие, и с паникой и бегством рядовых эсэсовцев с поля было покончено. Но и от батальона к этому времени осталась только его третья часть. К тому же погиб еще один оберштурмфюрер СС¹⁷, который продемонстрировал крайнюю личную отвагу, подняв гранадеров в штыковую атаку на тяжелый танк противника. Прогремела длинная пулеметная очередь и свою очередную награду, Железный крест с дубовыми листьями¹⁸, этот обер-

¹⁷ Обер лейтенант.

¹⁸ Рыцарский Крест Железного Креста с Дубовыми Листьями, Мечами и Брил-

штурмфюрер СС получил посмертно.

К этому времени проснулись все жители села Червино, многие из которых вышли на улицы. Они стояли и всматривались в разгорающийся рассвет и полыхающий пламенем перекресток двух дорог за околицей села. Минут десять назад прекратилась орудийная канонада, которая гремела там в течение получаса. Сейчас же над этим перекрестком вздымались к небу столбы антрацитового дыма и яркого пламени, временами слушалась какая-то странная россыпь выстрелов, это начали взрываться ящики с винтовочными патронами в кузовах горящих немецких Бюссингов.

Внезапно на центральной сельской дороге появился громадный танк, сельчане, честно говоря, таких танков никогда прежде не видели и не знали, что существуют. Этот громадина танк передвигался, словно в тишине, по крайней мере, не было слышно рева его двигателя. Он неторопливо шлепал своими широкими гусеницами по самому центру улицы, все его люки были плотно закрыты. Сейчас он сильно напоминал старого, но опытного воина, возвращающегося домой, после очередного трудного похода.

лиантами – считается одной из самых редких наград Третьего рейха. За время, прошедшее с момента его учреждения и до конца существования Рейха (3,5 года), его удостоились лишь 27 человек.

2

Танк подошел к авиабазе в тот момент, когда колонна красноармейцев собралась ее покидать. Прошка мысленно нашел Рената Зиггатулина и также мысленно поинтересовался:

– Вы уже уходите?

– Да. У нас кончились патроны к оружию.

– А не хотите пойти в штыковую атаку, и мы вас прикроем, сами пойдем в атаку, там же одни украинские полицейские и пара десятков немцев?! Да, прорываться лучше было бы в ту сторону. Так до леса путь короче, а то вам придется авиабазу все равно по кругу требуется обходить. А если немцы сумеют авиацию в воздух поднять, то и вам и нам очень туго придется!

– Ну, что ж двум смертям не бывать...! Где вы сейчас находитесь?

– Идем по шоссе Орша – Болбасово, в километре от начала взлетно-посадочной полосы. Предлагаю для того, чтобы вы избежали дальнейших потерь, продолжайте имитировать сборы и то, что вы собираетесь покинуть авиабазу. А мы сейчас пройдемся по этой самой посадочной полосе и уничтожим все, что там немцы уже имеют. Как только вражеская сторона узнает о нашем появлении, то она будет вынуждена для отражения атаки с нашей стороны против нас выдвинуть

часть своих сил, то вы именно в этот момент атакуйте противника своими штыками.

– План разумен и исполним. Мы согласны. Теперь я понимаю командир, почему другие люди после разговора с тобой начинают тебя называть Прохором Владимировичем, Прохор Владимирович! До встречи после боя!

Взлетно-посадочная полоса авиабазы легко выдерживала вес КВ, бетон не лопался, не трещал и не крошился под его массой. Тяжелый танк даже слегка увеличил скорость, направляясь в другой конец полосы, где виднелись свежевырытые капониры и самолеты. Вскоре и простым глазом можно было рассмотреть разбитые и даже, возможно, целые самолеты, которые сгрудились в самом начале, в стартовой зоне, ВПП.

– Истребители И-16, МИГ-3 и ЛАГГ-4. – Безинтонационным голосом вдруг начал опознавать самолеты ИскИн.

Прошка только мысленно удивился тому обстоятельству, что ИскИн заговорил голосом, а не в мысленном диапазоне. Но вот кончились советские самолеты, впереди показалась линейка из шести самолетов другой конструкции.

– Немецкие истребители «Мессершмидт 109». – Произнес ИскИн.

Сергей Мышенков резко повернул машину направо и ее корпусом начал сминать хвостовые оперенья немецких истребителей. А Прошка в это время вслушивался и внутренним зрением всматривался в окружающее его пространство.

Он увидел, как влево в полутора километрах от них суетится большая группа людей, было несколько трудно разобрать, что это были за люди, но ИскИн вдруг произнес:

– Цель номер один, скопление военнослужащих полицейского украинского батальона!

Тремя выстрелами прогремела танковая пушка и три фугасных снаряда разорвались в самом центре суетящейся массы людей, после чего толпа мгновенно разбежалась и попряталась.

– Вижу, как вы снарядами накрыли украинских полицейских. Поднимаемся в атаку. Михаил, если ты слышишь меня, то дай еще два фугасных снаряда по следующим координатам.

И Ренат Зиггатулин начал Михаилу Кувалдину диктовать координаты цели.

Прошка же мысленно удивился тому обстоятельству, как интересно развивается этот бой. Казалось бы, все команды проходят через него или через его сознание, но он еще ни разу не подал голоса или мысленно чего-нибудь приказал. Сергей, покончив с шестеркой «Мессершмидтов», развернул КВ и, возвратив танк на взлетную полосу, снова продолжил движение танка дальше по ВПП. Но вскоре Мышенков убедился в том, что все интересные места на ВПП пройдены, тогда Прошка ему приказал выдвигаться навстречу острию атаки красноармейцев Зиггатулина.

Видимо, к этому времени информация о разгроме эсэсов-

ского батальона и о появлении вражеского танка на территории авиабазы дошла и до командира украинских полицейских. Полицейские быстро собрались, сели в грузовики «Опель-блиц» и отправились в неизвестном направлении. Взвод немцев охранников убыл еще ранее, по всей очевидности, связь у немцев работала гораздо лучше, чем у украинцев, и они успели вовремя покинуть авиабазу, ставшую слишком беспокойным местом. На какое-то время авиабаза номер двадцать перешла в руки восставших красноармейцев.

КВ подошел к двухэтажному зданию, где раньше размещалась комендатура сначала советской, а затем немецкой авиабазы, и танк, тяжело качнувшись, остановился и заглушил двигатель у центрального подъезда. Его люки открылись, и первым на землю прыгнул рядовой Прохор Владимирович, командир танка, выпрямившись, он внимательно осмотрелся вокруг. Вскоре Прохор стоял в окружении своих танкистов, он повернулся к Михаилу Кувалдину и сказал:

– Миш, что-то на душе мне подсказывает, что где-то рядом от нас находится, то ли склад, то ли чулан какой, в котором можно найти интересные вещи. Ты бы с Николаем прошелся бы вокруг, да и посмотрел, где и что плохо лежит. На мелочи не разменивайся, ищи пушки и снаряды к ним, можно и пулеметы!

В этот момент к танкистам подошел совсем молодой красноармеец и поинтересовался:

– Парни, кого из вас Прохором кличут? Его к себе наш Батя завет!

Прошка вышел вперед и сказал:

– Ну, меня Прохором кличут! Давай, веди меня к своему Бате!

По дороге в нескольких словах красноармеец рассказал о своем Бате. Такой ж, как и он, молодой красноармеец, отслужил срочную в армии только командовал отделением. Попал к немцам в плен, бежал и где-то пропал с неделю, а вчера снова появился вместе с подпольщиками Орши и поднял их на восстание. Восстание пошло очень трудно, многие товарищи погибли в бою с полицейскими, красноармейцы уже начали переставать верить в его успех, но в самую последнюю минут все перевернулось и они победили. Сейчас все по приказу Бати ищут оружие и грузовики на этой базе, чтобы с оружием в руках перебраться в лес.

Ренат Зиггатулин сидел в кабинете немецкого коменданта базы в окружении многих красноармейцев и что-то терпеливо им объяснял. При виде Прохора, он извинился перед своими товарищами, прервал свое объяснение и крепко обнялся со своим бывшим командиром.

– Честно говоря, не думал, Прохор, что мы так быстро снова встретимся. Но судьба сама себе на уме, определяя судьбу того или иного человека, вот она нас и свела вместе на какое-то время. Прежде всего, хочу сказать тебе «большое спасибо» за то, что твой экипаж так грамотно расколошма-

тил ээсовцев. С ними бы мы не справились!

– Да, чего уж там! Так у нас получилось, но до конца этот батальон мы так и не добились, многие сумели уйти. Думаю, что сейчас Орша на ушах стоит и решает, кого направить в Болбасово для устранения возникшей проблемы на авиабазе. Потерять за просто так шесть новеньких истребителей, кому-то за такое явное пренебрежение к работе здорово от начальства достанется. Да, и ты неплохо со своими красноармейцами здесь поработал.

– Не все у нас получилось из того, что задумали! Полагали, что на этой базе имеется все, что нам необходимо для жизни в партизанах. А пока потеряли сто товарищей в обмен на шесть твоих истребителей. Дороговато! Знал бы что так могу обернуться дела, в бой с полицейскими вступать бы не стал. Они какие-то дикие были, дрались за каждый метр своей обороны. Немцы убежали спасать свои жизни, э ты козлы стреляют и стреляют, пройти не дают.

В этот момент среди красноармейцев возникла непонятная тревога.

Батя, Ренат Зиггатулин, прекратил разговор с Прохором, и поинтересовался у ближайшего красноармейца, что там случилось. Тот только недоуменно пожал плечами и не тронулся с места, вместо того, чтобы бежать и выполнять приказ своего командира.

– Да, подумал Прошка, – придется тебе, Ренат, немного подкрутить гайки с армейской дисциплиной. Плен плохо

сказывается на характерах и повиновении бойцов, они перестают ощущать себя в рамках строгой дисциплины.

В этот момент на ментальную связь вышел Михаил Кувалдин и радостно сообщил о том, что он с Николаем нашел хорошо укрытый склад с пушками, пулеметами, бронетранспортерами, снарядами и патронами.

3

Последнее время Прохор Ломакин начал слишком много полагаться на свое внутреннее чувство, они прошли более тысячу километров пути, а им, экипажу тяжелого танка КВ, продолжало невероятно везти, благодаря этому его чувству. Прежде всего следует отметить, что все они оставались пребывать живыми и здоровыми, никто из членов экипажа не получили не единого ранения, что в военное время можно было бы только объяснить божьим провидением. Да, и танк еще ни разу не подкачал своего экипажа, каждый день заводился и пробегал свои положенные семьдесят километров расстояния до фронта. Ходовая часть, модифицированная семьей деревенских кузнецов Кувалдиных, работала, как хорошо отлаженный хронометр. Двигатель танка перестал тарыхтеть на всю округу и, благодаря внимательному и ежедневному присмотру и регулировки Сергея Мышенкова, перестал попусту жрать солярку и моторное масло.

Одним словом, лафа, да и только!

Но вот именно эта лафа очень-то настораживала Прошку, ему так не хотелось бы, чтобы этот прекрасный танк КВ его подвел бы в самую трудную минуту жизни экипажа или боя с немцами. Поэтому перед отправлением в очередной перегон, он не только тщательно отработывал маршрут следования танка, чтобы случайно не заехать в болото, но и внима-

тельно осматривал и ухаживал за танком. Ночи две назад он вместе с ИскИном даже разработал небольшую программку автоматического технического осмотра и шприцевания танкового двигателя и его ходовой части. Эта же программка сигнализировала о возможном или предстоящем выходе из строя того или иного механического узла или агрегата.

Помимо этого небольшого нововведения Прошка придумал виртуальный танковый шлем для всех членов экипажа, который не надо было даже надевать на голову. О нем было достаточно подумать, и он вот уже был на твоей голове. Этот шлем всех членов экипажа прекращал в единый коллектив, управляющий танком. Благодаря этому шлему каждый член экипажа знал, что сейчас он в танке не один, и ощущал, чем занимается другой член экипажа. Он открывал широкие возможности для исполнения целей и задач, стоявших перед отдельным членом экипажа в соответствии с занимаемой им должностью.

Сергею Мышенкову теперь совершенно не требовалось открывать свой люк и всматриваться в темноту ночи, выбирая правильную дорогу или стараясь не свалить свой танк с высокой насыпи в кювет. Теперь ему было бы достаточно одет шлем на голову и перед ним раскрывалась панорама дороги, а в бою он мог даже сверху видеть свой танк среди вражеских танков или вражеских орудий и выбираться наиболее безопасную траекторию свое продвижения.

Михаил Кувалдин видел общую панораму боевой и про-

сто обстановки и вспыхивающие красными точками отмечались наиболее угрожающие танку вражеские цели. На сетчатке его глаз хорошо различимыми цифрами вспыхивали различные показатели по этим вражеским целям. Прохор пытался, но пока не мог добиться того, что Михаил выстрел из танкового орудия производил закрытием века глаза, для этого тому по-прежнему приходилось нажимать специальную педаль, расположенную в его ногах. Но зарядка орудия и выброс гильзы отстрелянного снаряда из танка производились автоматически, этого Прошка добился еще в немецких мастерских в учебном центре Укмерге, за что его особенно хвалил мастер наставник Гюнтер Винтер.

Таким образом, заряжающему Николаю Булыгину приходилось заниматься всем, чем угодно, кроме своих непосредственных обязанностей – заряжать орудие. Как-то незаметно он превратился в медицинского фельдшера, когда внезапно у Мишки вдруг наступила медвежья болезнь. Николай по этому вопросу проконсультировался с ИскИном Прохора и приготовил Мишке специальный травяной отвар, после чего парень покинул кусты. Именно Николай занялся бортовой радиостанцией танка, он не смог ее полностью отремонтировать, но добился того, что в наушниках можно было, в зависимости от погоды, услышать выпуск Информбюро из Москвы. Тогда Николай Булыгин превращался в политрука и всем громко и нудно зачитывал только что пойманное сообщение Информбюро. От информации, в которой только

и сообщалось о сданных немцам советских городах и селах, у парней портилось настроение и они волками смотрели на своего политрука.

Сразу же после боя в Болбасово Прошка, принимая во внимание тот факт, что немецкий гарнизон Орши предпримет решительные шаги по их розыску, взял резко вправо и увел танк в болота селения Горки, что были в тридцати по прямой километрах от Болбасово. В Горки, вернее, в точку, которая располагалась в лесу в семи километрах от Горок, они прибыли в три часа пополудни. Первым делом экипаж решил хорошенько отоспаться за боевую ночь и боевое утро. Парни сразу же бросили на землю кусок драного брезента и с большим комфортом на нем расположились.

Прежде, чем лечь и немного поспать, Прошка обошел бивак и он ему, честно говоря, не совсем понравился. Танк застыл прямо на дороге, ни с какой стороны его нельзя было объехать. В таком положении можно было только надеяться на то, что ни встречных, ни попутчиков у них не будет. Да и ребята расположились спать снаружи, а не внутри танка! Но Прошка хорошо понимал, что сейчас он расстроен неудачным местом расположения танка, поэтому ворчит и дуется на все и вся. Он пристроился к ребятам и моментально заснул, зная, что в случае какой-либо неожиданности, происходящей в радиусе тысячи метро, то ИскИн обязательно его разбудит.

Разбудил его все-таки ИскИн, который монотонно повто-

рял:

– В зоне находится неизвестная телега с ездоком. В зоне находится неизвестная телега с ездоком!

Совершенно разбитый и не выспавшийся Прошка тихо поднялся с брезента и, стараясь не разбудить товарищей, отошел к танку, чтобы хотя бы немного прийти в себя. Он не видел, но услышал, как пару раз стукнули металлические подковы чьих-то сапог о металл брони. Это Николай Булыгин, вспрыгнув на танк, нырнул в башенный люк за своим пулеметом, а Михаил и Серега продолжали спать, как ни в чем не бывало. Особенно поспать любил Михаил, дай ему только волю, он бы вообще не просыпался!

Прошка решил не отходить далеко от танка, а встречать путника на телеге прямо у танка, чтобы мужику с первого же взгляда была ясна проблема, что за танк просто так не удастся перебраться. Он впервые оказался на такой узкой лесной дороге и в такой ситуации, поэтому был до крайности раздражен.

Но путником оказался не мужик крестьянин, а смазливой девицей лет шестнадцати – семнадцати, которой в эту пору на дороге совершенно делать было нечего. Да и к тому же эта красна девица приняла их танк за немецкую машину, как позднее она сама признавалась, что такого громадного танка в своей жизни не видела, поэтому и парней у танка, соответствующим образом, признала за немецких солдат. В первые месяцы Великой Отечественной войны между гражданским

населением, оккупированных территорий Советского Союза, и немецкими солдатами не существовало резко враждебных отношений. Да и немцы еще не совершали откровенного насилия по отношению к гражданским лицам этих территорий, за исключением лиц еврейского происхождения.

Поэтому девчонка смело бросила:

– Господа солдаты и офицеры немецкой армии, вы не позволите мне проехать. Я спешу домой к своей маменьке, она будет ругаться и плакать, если я опоздаю.

Ошеломленный таким кощунственным обращением к нему со стороны там какой-та деревенской девчонки, Прошка, не подумав и действуя машинально, в мысленном диапазоне насмешливо поинтересовался:

– Девонька, а ты не ошиблась адресом, обращаясь к нам, как к немецким солдатам!

Девчонка тут же радостно взвизгнула, моментально слетела с телеги и, на скорости полетев к Прошке, начала его тискать в своих объятиях и целовать в щеки и губы. Причем, это Прошка явственно прочувствовал, делала это от всей своей девчоночьей души с великой признательностью. Одним словом, Катерина, так звали девчонку, была рада видеть наших, советских танкистов на таком большом танке. Катерина с меньшей пылкостью позволила Николаю с его пулеметом один раз коснуться ее щеки, а на только что проснувшихся Сергея и Михаила даже и смотреть не стала. Когда завершился процесс знакомства и представления кавалеров, дама

недовольно надула губки и, просмотрев на Прохора, поинтересовалась:

– Ну, и как же мы разойдемся, если наши пути так перекрестились?

Бывалые танкисты, все, разумеется, за исключением Прошки, сразу же догадались, что это вопрос не имеет никакого к ним отношения. А Прошка, разумеется, тоже не знал ответа на вопрос, заданный в мысленном диапазоне. Он даже не обратил внимания на то, что этот вопрос был задан одному ему. Он глупо поинтересовался у Мышенкова, не может ли он развернуть свой танк таким образом, чтобы телега смогла бы проехать. Хотя и сам прекрасно видел, что этого невозможно сделать.

А тут, эта чертовка, Катька, вдруг поинтересовался, а куда они все направляются? Мишка Кувалдин был честным деревенским парнем, родителям и родичам не соврал ни единого раза. В армии по призыву он служил пятый и шестой день, поэтому еще не знал, что же это такое военная тайна, и что ее надо хранить, как зеницу око. Вот парень на опасный вопрос девицы тут же и выпалил о том, что они идут к Смоленску воевать с немцами. Прошка аж руками ха голову схватился от такой невинности, проявленной Мишкой, а Серега коротко хохотнул в ответ на поведение Мишки Кувалдина. Ну, что тут поделаешь, если кувалда она и есть кувалда, в каком бы виде она не была?!

– Ребята, – вдруг серьезно заявила Катька, – туда, куда вы

едите одни сплошные трясины. Там человек не пройдет, а вы на таком красивом танке туда пытаетесь забраться! Так и быть, хоть вы меня не очень радостно встретили, я вам помогу, выбраться отсюда, и покажу, как кратчайшим путем в Смоленске оказаться. Только ты, Прошенька, помоги мне своей силушкой. У тебя ее столько, а у меня кот наплакал!

С этими словами Катерина залезла на броню танка и, придерживаясь руками за пушечный ствол, вдруг начала читать какие-то заклинания и делать руками осторожные пассы. Возникла какая-то сила и Прошку потянула на танк, он подошел к Катерине и встал несколько поодаль от нее, но она сильно прижалась к нему всем своим телом и прошептала о том, что сейчас ей потребуется его сила. В этот момент Катеринина телега начала сама разбираться по бревнышку и по отдельной доске, которые аккуратными связками поднимались в воздух, переносились, а затем укладывались в танковом прицепе. Последним путь по воздуху в прицеп проделал низкорослый конь Савраска. Затем Катерина повернулась лицом к парням, стоявшим вдоль борта КВ с широко раскрытыми ртами, негромко скомандовала:

– Приказываю, всем занять места по боевому предписанию!

Глава 10

1

Прошка сидел на башне КВ и чуть отупелыми глазами продолжал смотреть на дорогу, по которой только что низкорослый Савраска утянул телегу с сероглазой Катенькой с вожжами в руках. Прошло всего несколько минут с прощального поцелуя, который Катерина подарила ему одному. Она также успела прошептать ему словами на ухо, чтобы все остальные члены экипажа не услышали бы ее мыслеречь.

– Прошенька, до свиданья и до новых встреч! Мы с тобой обязательно встретимся, чтобы уже больше не расставаться! А в танке, прикажи своим оболтусам, навести должный порядок, а то они немного там набезобразничали, а за собой всегда нужно убираться.

Ему было хорошо видно, что Катеньке не хочется с ним расставаться, да и ему не хотелось бы, чтобы она уходила! Но судьба всегда и по-своему определяет судьбу каждого мужчины и женщины. Вот и сейчас, едва познакомившись, им явно была не судьба оставаться вместе друг с другом. Телега Катерина последний раз мелькнула на повороте дороги, а затем окончательно исчезла. Только после этого в головах парней послышался знакомый женский голос:

– Парни, я была очень рада встретиться и познакомиться со всеми вами. Через два дня вы будете переходить линию фронта. Я верю и буду молить бога за то, чтобы все вы вы-

жили и не погибли в боях, один из которых вам предстоит сегодня ночью, а второй – при переходе через линию фронта. Вы замечательные парни и воины, все женщины Советского Союза молятся за то, чтобы вы победили нашего врага. Счастья вам и жизни!

Прошка посмотрел на наручные часы, которые он снял с руки убитого еще в Литве немца. Немецкие часы с аккуратной точностью показывали 15.00 шестого августа 1941 года. Это было время встречи с Катериной в лесу под горками Горок, почти в восьмидесяти километрах от этого места. ИскИн танка их уверял в том, что они находятся под Дубровной, что в двадцати километрах за Оршей.

– Такого просто не может быть, – подумал Прошка, продолжая задумчиво смотреть на циферблат наручных часов, – чтобы какая-нибудь женщина, будь она Катериной, смогла бы в одно мгновение тяжелый танк с экипажем перенести на такое дальнее расстояние.

Остальные трое членов экипажа, Сергей, Михаил и Николай, внимательно вслушивались в мысли своего командира, но не понимали, почему он отказывается верить в существование Катерины, простой деревенской девчонки ворожеи, с которой они только что попрощались. Ну, и что здесь такого в том, что она их и танк перенесла с одного в другое место! Они были полностью согласны с утверждением этой девчонки, которая сказала, что этот перенос осуществила не она сама, а лишь немного собрала и использовала магическую

мощь и силу их Прохора Владимировича. Об этом говорили, правда, несколько другими словами и братья Кувалдины, завершая ремонт ходовой части эти танка.

Прошка еще раз вздохнул и вернулся к сегодняшним реалиям дня, началась вторая половина дня, а их танк находился в очень неудобном месте между Оршей и небольшим городком Дубровной. Им нужно было бы быстренько переправиться на правый берег Днепра и следовать к Смоленску. В Дубровне имелся понтонный мост через реку, грузоподъемностью в двадцать тонн. Прошка чувствовал внутреннюю уверенность в том, что они смогут переправиться через Днепр именно в том месте, где их никто не ждет.

Члены экипажа заняли свои места, громко протарахтел стартер, снова тихо и надежно заработал танковый двигатель. В этот момент Прошка подумал о том, что ему все-таки нужно заняться этим проклятым стартером, который тарактит, как старый трактор. Он должен заставить его работать также бесшумно, как и двигатель танка, просто у него пока руки не доходили до этой работы. Танк мягко качнулся и тронулся с места. До Дубровно оставалось всего пара километров, а там, следуя по Вокзальной улице им нужно было по мосту пересечь Днепр, а дальше следовать на Смоленск, до которого остается девяносто километров пути по хорошей дороге.

Внезапно впереди навстречу им из города выскользнула легковая машина, в которой сидели четыре немецких офи-

цера. Сергей Мышенков только следка изменил направление движения своего танка, собираясь его массой раздавить легковушку с немцами. Но водитель немецкой машины вовремя заметил маневр танка и, сообразив о намерениях танкистов, резко вывернул руль вправо, уводя автомобиль под откос с дороги. Николай Булыгин одним прыжком перескочил до кормового пулемета, необходимость существования которого выдумал и сам установил в задней стене башни мастер наставник Гюнтер Винтер. Прогремела очередь этого танкового пулемета, и по удовлетворенным мыслям, скользнувшем в голове Николая, остальные члены экипажа поняли, что с этими немцами офицерами навсегда покончено.

Прошка натянул на голову виртуальный шлемофон и сразу же переключился на панорамное обозрение. К этому времени они уже миновали городские окраины, танк неторопливо следовал по центральной улице Дубровно. Сидя в своем командирской кресле, Прошка свободно и с удовольствием наблюдал за всем происходящим на городских улицах, за всем тем, что происходило за броней танка. Он видел прилично одетых мужчин и женщин, которые куда-то спешили, видел детей, которые играли или занимались своими делами. На городских улицах можно было немало увидеть парней призывного возраста.

Своими глазами Прошка видел, что этот белорусский городок выглядит гораздо беднее любого литовского городка, и его жители одеты проще, чем литовцы. Но в этом город-

ке его центральная улица мало чем отличалась от других улиц, может быть, разве тем, что бы шире и лучше замощена, чем другие его улицы. Магазины и продуктовые лавки были, но их было не так уж много, они почему-то прятались от взглядов посторонних, а не были напоказ, как в Литве. Ресторанов, кафе и кафетериев с днем огнем не найдешь в таком небольшом белорусском городке. Но было хорошо заметно, что за городом внимательно присматривают и ухаживают, чистят и моют. Прошка собственными глазами видел несколько дворников, которые осторожно, стараясь не пылить, подметали улицы. А один из дворников почему-то в красноармейской гимнастерке толкал перед собой тележку, куда высыпал мусор из урн, аккуратно расставленных по углам улиц.

– Какая-то непривычная для нас чистота и опрятность!

Вдруг честно признался Сергей Мышенков, он высказался как бы в продолжение мыслей Прошки.

– Много частных магазинов и лавок и много людей туда заходит и выходит, – снова подумал Прошка, – а вон здание, похожее на школу и в его дворе много ребят и девчат. Неужели немцы позволили открыть школу и чему-то учить наших детей на завоеванных территориях?!

– И практически нигде не видно самих немцев, – вставил слово уравновешенный Мишка, – они, что прячутся по домам, что ли, стараются не попадаться нам на глаза?

– На улицах Дубровно не было видно и полицейских, –

подумал Прошка, но тут же решил взять свое слово обратно, – на Вокзальной улице появились трое черномундирников в начищенных до зеркального блеска сапогах.

При виде танка, неторопливо едущего по улице Горецкая, одной из центральных улиц этого городка, черномундирники вытянулись по стойке смирно, взяв под козырек и провожая глазами танк. Но вот один из них вдруг опустил руку, повернулся к товарищам и что-то им сказал. Видимо, о том, что танк-то не немецкий! Все трое полицейских тоже опустили руки и с явной растерянностью наблюдали за тем, как КВ въезжал на мост через Днепр. В этот момент понтонный мост слегка поддался под танком, но все-таки выдержал его тяжелый вес. Мост с каким-то неясным стоном выпрямился и продолжал держать вес танка, пока он проходил сто десять метров длины его поверхности.

В этот момент Прошка ничего особо серьезного не почувствовал, просто у него внутри внезапно возникло острое желание, как можно быстрее пройти эти сто десять метров. Это его желание перешло Сергею Меншикову, который слегка придавил педаль акселератора. КВ слегка вздрогнул и едва заметно убыстрил свой бег по мосту, чтобы затем довольно-таки легко и грациозно взобраться на другой берег. Перед ними теперь бежала Вокзальная улица Дубровно, несколько изменились дома и люди на улице. Снова приближалась окраина города с присущей ей бедностью, а богатый центр остался позади. Городок, по-прежнему, был больше поход на

большое село, а не на город, и повсюду виднелись одноэтажные домики на одну семью.

За все время движения по центральным улицам Дубровно несколько им раз встречались группы местных полицейских, но те особо не реагировали на появление и продвижение по городу тяжелого танка ТВ. Немецких воинских частей в этом городке, по всей вероятности, не было, а полицейские просто не решались со своим легким вооружением лезть на такую махину.

К этому времени заканчивалось знакомство с достопримечательностями белорусского городка Дубровно. Вдали показалась новая городская окраина, а Вокзальная улица переходила в проселочную дорогу, которая вела к железнодорожной станции Осиновка на железнодорожной магистрали Минск–Москва. Через какие-то минуты КВ должен был навсегда покинуть этот захудалый белорусский городок Дубровно.

Сразу же за городом начались пахотные земли бывших советских совхозов и колхозов, причем, урожай пшеницы, ржи и ячменя выдался богатым. Поэтому Прошке очень не хотелось сворачивать с проселочной дороги Осиновка – Дубровно и по этим полям уходить на Север, по направлению к Смоленску. Прорыв к Смоленску, а затем переход к своим через линию фронта Прошка запланировал на вторую половину и саму ночь завтрашнего дня. А до этого времени ему хотелось найти тихое местечко, вдали от людей и дорог, где

ребятам можно было поспать и отдохнуть перед прорывом фронта.

К тому же изменилась общая обстановка.

Если до Орши они шли по территории, оккупированной немцами практически в самом начале войны, более чем месяц назад. Там немцы чувствовали себя старыми хозяевами, и соответственно этому образу строили свои отношения с гражданским населением. На этих территориях практически совсем не было боев, а красноармейцы сдавались и попадали в плен, большей частью чувствуя себя, неуверенными и неспособными вести бои с немцами. После же Орши началась и шла местность, на которой бои только-только закончились и советские части и подразделения отступали только под вражеским нажимом. Поэтому вдоль дорог стояли печальные и горестные памятники окончившимся боям и сражениям, сгоревшие и разбитые вражескими снарядами средние и легкие танки.

У экипажа Прошкина КВ сразу же испортилось настроение, прекратилась пустая болтовня, когда парни увидели тяжелый танк КВ, сгоревший на поле боя. Этот танк немцы, по всей очевидности, заманили в засаду, выведя его на 88 мм немецкое зенитное орудие, которое сумели поразить КВ только с четвертого выстрела чуть ли не упор.

Сергея Мышенков слегка притормозил свой танк КВ, чтобы отдать должное погибшему собрату, как перед его КВ внезапно выросли четыре султана разрыва снарядов. Если бы

Сергей перед этим слегка бы не притормозил, то эти разрывы снарядов пришлись бы прямо по корпусу танка.

2

– Прикройся подбитым танком, Сережа! – Тотчас же приказал Прошка.

Одновременно он поинтересовался у ИскИна, кто и откуда ведет по ним огонь. Тот тут же ответил, что в пределах километровой зоны, вражеских сил и огневых позиций не обнаружено. Прошка совсем уже собрался послать ИскИна, куда подальше, как в этот момент противник выложил на дороге вторую серию из четырех 76 мм снарядов, а Мишка Кувалдин чуть ли не в голос с ИскИном рапортовал о том, противник, по всей очевидности, свои огневые позиции расположил в районе железнодорожной станции Осиновка

Подбитый КВ хорошо прикрыл своего живого собрата. По крайней мере, противник на какое-то время потерял его из вида и прекратил по нему артиллеристский огонь. Да и огонь был каким-то странным и непонятным, то ли стреляли из артиллеристских орудий, то ли из танков. Члены экипажа КВ смотрели в сторону железнодорожного полустанка Осиновка, высматривая огневые позиции противника. Очень уж это неприятная вещь, когда противник прекрасно видит и ведет по тебе прицельный огонь, а ты не знаешь, где этот противник находится. Действуя интуитивно, Прошка натянул на голову виртуальный шлемофон и в нем начал осматривать окружающую местность. Ничего подозрительного не

просматривалось, разве какой-то поезд стоял у перрона за вокзальным зданием Осиновка. Опять-таки, действуя интуитивно и на всякий случай, Прошка перешел на панорамное зрение с птичьего полета, и начал открывать рот, чтобы произнести сакраментальное: «Вот, тебе и на!», как его опередил Мишка Кувалдин, который в этот момент проорал на весь мысленный диапазон:

– Прош, ты только посмотри, что это за хрень стоит за зданием вокзала Осиновка?!

– Я хорошо вижу, Михаил, – с твердой командирской уверенностью и спокойствием в голосе ответил Прохор, – немецкий бронепоезд там стоит и по нам сволочь стреляет из своих орудий 76 мм орудий! Главное, парни, заключается в том, мы вынуждены вступить с ним в бой, так как уже прошли расстояние больше в половину дистанции дальности его орудий. Теперь мы не можем по столь открытой местности отступать под огнем его четырех орудий. Так он нас вдребезги разобьет и не подавится! Да, и ты, Николай, все-таки поглядывай в сторону Дубровно, вдруг немцы нам и с той стороны какую-нибудь пакость подбросят, не просто же так здесь целый бронепоезд вдруг ни с того, ни с чего объявился!

– В принципе, Проша, я готов открыть огонь по вражескому бронепоезду. Правда, сейчас я пока в прицеле вижу один из вагонов с танковой башней. Все остальное скрывает здание вокзала.

– Прош, – вдруг подал голос Сергей Мышенков, – за этим

танком нам долго не продержаться. Немцы свой бронепоезд могут тронуть с места, через какой-то километр мы снова станем им видны, как на ладонке. А бронепоезд будет продолжать прятаться в лесу, где проходит железная дорога. Нам надо что-то конкретное придумать и удирать отсюда, пока наш КВ цел. Жаль будет его потерять практически перед самым фронтом.

В этот момент Прошка еще раз внимательно осматривал будущее поле боя, вновь и вновь прикидывая свои действия в этом бою. Как ни крути, единственным выходом из создавшегося положения был бы их прорыв к тому большому лесному массиву, который просматривался в правом глазу. До него было четыре или пять километров пути по пшеничному полю, на котором их почти трехметровой высоты танк будет на виду у противника. В сознании Прошки вдруг начали прорезываться и принимать реальные очертания отдельные детали того, как можно было бы построить этой бой. Раз немцы их удивили, по самый нос, подсунув свой бронепоезд, то заодно только это их следует хорошенько наказать.

Словно прислушавшись к мыслям Сережки Мышенкова, немецкий поезд начал медленно выдвигаться из-за здания вокзала, которым прежде прикрывался и маскировался.

– Готов к открытию огня! – Тут же заявил Мишка Кувалдин, заметив движение бронепоезда.

– Одну секунду обожди, – попросил Прохор, и в мысленном диапазоне объяснил механику-водителю Мышенко-

ву, какие маневры тот был должен предпринять в сложившейся ситуации. – А теперь парни, ничему не удивляясь, давайте покажем этим фрицам, где раки зимуют.

– Огонь по вражескому бронепоезду! – Скомандовал Прохор, одновременно толкая ногой в сапоге плечо наводчика Кувалдина.

Как только второй бронированный вагон бронепоезда показался из-за здания вокзала, Мишка утопил педаль артиллеристского выстрела в пол. Раздался резкий металлический щелчок выстрела танковой пушки. Этот деревенский парень все-таки был прирожденным артиллеристом. Броневой снаряд, выстрелянный им из танковой пушки, лег очень удачно. Он попал в сварочный стык двух броневых листов второго бронированного вагона бронепоезда, с силой разорвал их в стороны, чтобы тут же разорваться внутри вагона.

Командиру немецкого бронепоезда, обер лейтенанту Нотбауму, тут же сообщили о том, что разрывом снаряда во втором блиндированном вагоне было убито трое десантников и два стрелка из экипажа его легкого бронепоезда № 56. Обер лейтенант Нотбаум только поморщился, когда выслушивал это донесение обер-фельдфебеля Кнутке, он и сам все это видел своими глазами, так как место командира бронепоезда находилось в этом же вагоне.

Ему совершенно не нравилось само задание, которое он лично получил в штабе охраны тыловых коммуникаций

группы армий «Центр» три дня назад. По своей натуре обер лейтенант Нотбаум был простым баварским бюргером, семья которого, отцы, деды и прадеды, честно проработали на имперской железной дороге. Он и сам хотел стать простым немецким железнодорожником, поэтому обрадовался, когда после прохождения специализированных курсов военной подготовки, получил звание обер лейтенанта, а в свое подчинение охранный бронепоезд. Ему были хорошо ясны и понятны задачи, стоявшие перед ним и его бронепоездом, всемерно охранять железнодорожные коммуникации от действий вражеских диверсантов на оккупированных вермахтом территориях. Экипаж его бронепоезда, в шестьдесят человек, отлично себя показал в Польше и в Бельгии, а сейчас неплохо успел повоевать и в России.

Когда обер лейтенанту Нотбауму в штабе тыла группы армий «Центр» передали приказ о том, что его бронепоезд должен остановить и уничтожить какой-то вражеский тяжелый танк, блуждающий по немецким тылам, то он первым делом подумал о том, а причем здесь он и его бронепоезд?! Ведь бронепоезда не могут гоняться за всякими там вражескими или блуждающими танками, которые из-за своего веса и массы несколько ограничены в передвижениях по местности. Но в любом случае они могут двигаться там, где бронепоезда никогда не пройдут, ведь те могут двигаться только там, где проложены рельсы и шпалы. Но в штабе ему вежливо пояснили, что это не его ума дело, что этот вражеский танк будет

выведен на его бронепоезд, а ему остается лишь его расстрелять в упор.

Последнее обстоятельство несколько успокоило обер лейтенанта Нотбаума, поэтому в штабе он забыл спросить о том, какого же класса будет тот танк?

Теперь же обер лейтенант наблюдал в перископ за маневрами этого блуждающего вражеского танка, который только что покинул Дубровно и который теперь зачем-то двигался в Осиновку. С замиранием сердца в этом танке Нотбаум узнал тяжелый KV1, от чего у него даже слегка захолонуло сердце. Надо же такому случиться, его бронепоезду предстояло уничтожить вражеский танк, который обладал мощной танковой пушкой, способной уничтожить его бронепоезд. Аналогичные мысли, видимо, волновали не только обер лейтенанта, но и наводчиков орудий бронепоезда. Они побоялись подпустить этот танк близко к бронепоезду, несколько поспешили и первые четыре снаряда, которыми следовало бы покончить с этим вражеским танком, положили перед танком в десяти метрах, не принеся ему ни малейшего повреждения. А вторые четыре снаряда просто не нашли этот вражеский танк, который, словно по мановению волшебной палочки, вдруг исчез из поля зрения немецких наводчиков, спрятавшись за своим подбитым собратом.

Понимая, что с этой огневой позиции теперь невозможно уничтожить танк противника, обер лейтенант Нотбаум приказал машинисту передвинуть бронепоезд на полтора кило-

метра вперед по направлению к Смоленску, чтобы с новой огневой позиции уже, наверняка, расстрелять этот проклятый танк. В тот момент, когда первый вражеский снаряд пробил броню второго вагона, обер лейтенант Нотбаум в перископ наблюдал за полем боя. Он не поверил своим глазам, когда из-за подбитого и сгоревшего советского танка КВ вдруг один за другим начали появляться другие вражеские танки. Все они были тяжелыми танками КВ, и сейчас они веером разворачивались в прямую линию классической танковой атаки, целью атаки был, разумеется, его бронепоезд.

Второй вражеский снаряд разорвался прямо на рельсах перед платформой безопасности бронепоезда. Разрыв снаряда, видимо, сдвинул рельс с места, платформа тотчас же сошла с рельса, притормозив движение бронепоезда на новую огневую позицию. Немецкий бронепоезд № 56 так и не смог покинуть станцию Осиновка, срочно потребовалась ремонтная бригада, чтобы платформу безопасности снова поставить на рельсы. Он только на три четверти вытянулся со станции, поэтому два 76 мм орудия, установленных в заднем вагоне, оказались прикрыты зданием вокзала и практически уже не принимали участия в бою.

Отвлекая внимание наводчиков бронепоезда двумя виртуальными копиями танка КВ, Прошка приказал Мышенкову покинуть убежище и выдвигаться танком до точки съезда с проселочной дороги, чтобы затем двигаться по временной дороге, наезженной грузовиками колхозников. Эта до-

рога шла в трех километрах параллельно железной дороге, по которой должен был выдвигаться на новую огневую позицию немецкий бронепоезд. Но он почему-то застрял на самом выезде со станции и не двигался ни вперед, ни назад.

В этот момент Кувалдин демонстрировал снайперскую стрельбу по бронепоезду, ему удалось попасть и поразить командирскую башенку. Но все свое внимание наводчик Мишка Кувалдин уделял паровозу тягачу, который запрятался под бронированными листами стали в центре состава из пяти вагонов. Но пока ему не удавалось поразить этой своей главной цели. На пятом попадании бронебойного снаряда, паровоз тягач все же вдруг окутался густыми облаками белого дыма.

В этот момент в головах членов экипажа прозвучал спокойный голос Николая Булыгина, которой сообщил:

– Внимание, на одиннадцать часов – три бомбардировщика противника. От городка Дубровно в нашем направлении движется колонна немецких танков и бронетранспортеров, в составе роты танков Т-4 и взвода бронетранспортеров Sd Kfz. 251.

Прошка мгновенно переключил свой виртуальный шлемофон на круговой обзор, он сразу же заметил на высоте 3 – 4 километров звено из трех приближающихся «Юнкерса 88». А из городка Дубровно действительно выходила рота танков Т-4 в сопровождении бронетранспортеров с пехотой. Не трудно было догадаться о том, что их специально зама-

нивали в такую ситуацию. Отступить назад было некуда, идти вперед к Осиновке было нельзя, бронепоезд был тяжело ранен, но еще мог продолжать сопротивляться и продолжал оставаться опасным противником.

Только сейчас Мышенков достиг точки схода с дороги Дубровно – Осиновка и выхода на пшеничное поле, а там четыре километра накатанной грузовиками дороги до леса!

3

Капитан люфтваффе Франц Зуккерман, ведущий звена фронтовых бомбардировщиков «Юнкерс 88», с высоты в четыре километра хорошо видел развитие и перипетии боя трех вражеских танков с их бронепоездом.

С высоты он хорошо видел, как один из трех танков поразил паровоз тягач бронепоезда, который окутался белым паром. Капитан сразу же догадался о том, что с этого момента бронепоезд из активных переходит в пассивные участники этого боя. В этот момент два вражеских танка развернулись и направились по направлению к городку Дубровно, откуда выходила рота танков Т-4. Эти танки в соответствии с приказом обергруппенфюрера СС Бах-Зелевски должны были, не вступая в открытое противоборство с русским тяжелым танком, чтобы не позволить тому вырваться из «мешка», специально образованного для него. Одним словом, вся тяжесть боя по уничтожению этих вражеских танков сейчас легла на плечи пилотов бомбардировщиков его звена.

Капитан Зуккерман всегда неплохо относился к эсэсовцам, считая их неплохими парнями и хорошими товарищами, но, как стратеги и тактики, эти парни были совсем никакими. Это надо же в приказе черным по белому было написано: «уничтожить танк КВ1», как на деле в бою принимают участие целых три русских танка. Он по радиации перегово-

рил с пилотами своего звена и распределил цели, чтобы каждый экипаж бомбардировщика знал и работал по своей цели. Бомбардировщики встали в привычный круг над полем боя и не спеша начали готовиться для нанесения бомбового удара.

А один танк, экипаж которого поразил паровоз бронепоезда, оказался настоящим хитрецом, он вдруг сошел с дороги Дубровно – Осиновка и устремился к лесному массиву, который находился от него на расстоянии в четыре километра. Капитану Зуккерману моментально стала понятна суть картину, вдруг нарисовавшейся перед его глазами. Экипаж этого танка бросил на произвол судьбы других своих товарищей, а решил спасать свои предательские души.

Бомбардировщик капитана Зуккермана в этот момент выходил на этот танк в атаку. Бомбардир по внутреннему переговорному устройству сообщил командиру экипажа о том, что цель захвачена в бомбардировочный прицел, но ее трудно долго удерживать в перекрестие прицела, уж слишком верткой эта цель оказалась. По приказу капитана к земле пошла первая серия авиабомб.

В этот момент Прошка внимательно наблюдал за атакующим его танк немецким бомбардировщиком, как только открылись бомболюки «Юнкерса 88», он приказал Мышенкову взять резко влево, что немедленно было выполнено механиком-водителем. Через минуту авиабомбы рванули именно в том месте, где должен был бы находиться КВ, если бы про-

должал свое движение по прямой. После взрыва бомб Сергей снова поменял направление движения танка, теперь уже в правую сторону. Достигнув определенного угла, он снова поменял направление движения танка, практически перейдя на движение зигзагом.

Прошка продолжал наблюдение за воздушным противником, он открыл люк своей командирской башенки и по пояс из нее высунулся, чтобы иметь лучший обзор небесной сферы. Не упуская из виду своего бомбардировщика, который собирался повторить второй заход в атаку на КВ, Прошка увидел, что отбомбились два других «Юнкерса 88». К сожалению, Прошка не мог сохранить постоянного наблюдения за двумя другими танками, которые стали настоящими шедеврами виртуального искусства, для этого у него не хватало мощи человеческого мозга, и он был вынужден их отпустить в самостоятельное плавание без какого-либо контроля со своей стороны. И, видимо, это самостоятельное плавание оказалось весьма коротким, его виртуальные танки просуществовали до первого авианалета, теперь же экипажи этих двух вражеских бомбардировщиков никак не могут въехать в боевую обстановку, куда же тогда после взрыва авиабомб могли исчезнуть эти танки?!

Первый бомбардировщик выполнил разворот и снова начал заходить в атаку на танк. Прошка прямо-таки почувствовал, что немцы вверху решили атаковать танк с учетом его зигзагообразного движения. Насколько же хороша эта связь

между людьми в мысленном диапазоне! Прощке не потребовалось, ни слов, ни времени для того, чтобы объяснить Сергею Мышенкову возникшую ситуацию. Тот мгновенно все понял и поступил именно так, как экипаж бомбардировщика этого не ожидал. В тот момент, когда бомбы оторвались от бомбардировщика и пошли к земле, КВ пошел по прямому отрезку пути.

Шесть авиабомб взорвались в опасной, но не смертельной близости от танка. Несколько осколков авиабомб оставили серьезные царапины на внешней броне танке. Словно острой бритвой, с танковой башни осколком был срезан пулемет МГ34, который экипажем использовался в борьбе с воздушными целями, вместе со своей турелью.

Прощка еще раз внимательно изучил обстановку на поле боя. Бронепоезд продолжал парить на станции Осиновка, он выпустил пару своих снарядов, но они разорвались далеко в стороне. Рота танков Т-4, по-прежнему, толклась в предместьях Дубровно и никуда не двигалась, экипажи этих танков хорошо знали, чем им грозит встреча или бой с русским КВ1.